

Duane

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

Диалог

(По материалам Международного русско-грузинского поэтического фестиваля)

ТБИЛИСИ, 2007

Издатель – Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб»

Руководитель проекта **Николай Свентицкий**

Редактор **Инна Кулишова**

Издание осуществлено при поддержке

Посольства Российской Федерации в Грузии
Международной федерации русскоязычных писателей (МФРП)
Союза грузин России
Благотворительного фонда «КАРТУ»

© «Русский клуб»

ISBN 978-9941-0-0051-5

www.russianclub.ge

rusculture@mail.ru

АПЛЕВА АННЕЛИЗА

Италия

эссеист, переводчик. Автор нескольких
публиковались в журнале «Звезда» по
шла на итальянский прозу Пушкина,
антологию русской современной
анализом произведений
Преподает литературный
Римском университете.

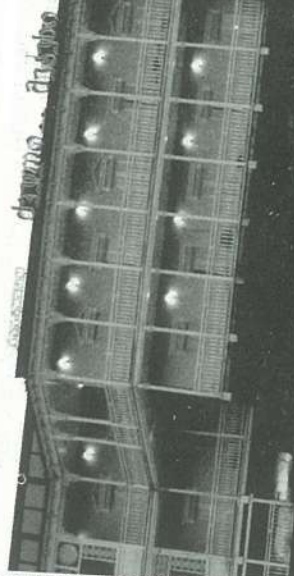
Международный культ
Международный союз росси
национальностей, которым
ний. Главная задача «Русс
между двумя независимым
ность союза охватывает с
взаимосвязей двух стран в
— содействие в становлени
чающей необходимость ра
ного уважения их интерес
культур. «Русский клуб» в
людей с разными взглядам
техническую, гуманитарну
нашего общества.

За годы своей работы
датам великих деятелей
этические вечера, посвящ
дину, Д. Шостаковичу, Б.
театра и русского искусст
Вертинского), «Ангелова
художественные выставк
По инициативе «Русского
Санкт-Петербург!», торж
театра им. А.С. Грибоед
В честь юбилея был изд
«Хрустальная роза» В.Р
музыки посвящены книг

известного грузинского композитора Т. Джаиани. Ярким событием
альбома «Русский романс в Грузии» (антология русского романса в исполнении лучших грузинских певцов на
двух аудио-дисках). Выпущен в свет набор открыток «Сны о Грузии» с цитатами о Кавказе из творчества из
вестных русских поэтов и писателей, книга «Русские футболисты в Грузии». С осени 2005 года у нас издается
ежемесячный общественно-художественный журнал «Русский клуб».

В числе наших заслуг и Международный русско-грузинский поэтический фестиваль (2007), в котором приняли
участие известные поэты из разных стран мира (Венгрия, Греция, Израиль, Литва, Россия, США, Канада, Фин
ляндия, Швеция, Италия) и поэты Грузии.

В перспективе на будущее — ряд новых интересных проектов, Международный культурно-просветительский
Союз «Русский клуб» надеется внести свой вклад в укрепление и развитие культурных и общественных взаимо
отношений между Россией и Грузией, что способствует улучшению имиджа страны и продолжает многовековые
духовные традиции.

Издатель – Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб»

Руководитель проекта **Николай Свентицкий**

Редактор **Инна Кулишова**

Издание осуществлено при поддержке

Посольства Российской Федерации в Грузии
Международной федерации русскоязычных писателей (МФРП)
Союза грузин России
Благотворительного фонда «КАРТУ»

© «Русский клуб»

ISBN 978-9941-0-0051-5

www.russianclub.ge

rusculture@mail.ru

Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб» создан в 2003 году, входит в Международный союз российских соотечественников (Москва). Он объединяет более пяти тысяч людей разных национальностей, которым далеко не безразлично прошлое, настоящее и будущее русско-грузинских отношений. Главная задача «Русского клуба» - всестороннее развитие сотрудничества, дружбы и взаимопонимания между двумя независимыми государствами Россией и Грузией на основе цивилизованных принципов. Деятельность союза охватывает самые разные сферы жизни и направлена на поддержание, укрепление и развитие взаимосвязей двух стран в области культуры, искусства, образования, науки, спорта, туризма. Одна из целей – содействие в становлении гражданского общества, утверждение принципа социальной справедливости, включающей необходимость равноправия представителей разных национальностей, проживающих в Грузии, взаимного уважения их интересов и ценностей и создания условий для свободного развития национальных языков и культур. «Русский клуб» верит в огромный потенциал народов, проживающих в Грузии, и старается объединить людей с разными взглядами, но общими ценностями, воспитанных на русской культуре, объединить творческую, техническую, гуманитарную интеллигенцию, деятелей науки и культуры, а также представителей всех слоев нашего общества.

За годы своей работы «Русский клуб» успел немало. Провел серию мероприятий, посвященных памятным датам великих деятелей русской литературы и искусства. Под эгидой клуба успешно прошли музыкально-поэтические вечера, посвященные А. Пушкину, М. Лермонтову, Б. Пастернаку, Н. Гумилеву, М. Глинке, А. Бородину, Д. Шостаковичу, Б. Окуджаве, М. Таривердиеву. Осуществлен ряд проектов по популяризации русского театра и русского искусства в Грузии. Зрительский успех завоевали постановки «Желтый ангел» (к юбилею А. Вертинского), «Ангелова кукла», «Екатерина Великая», детские спектакли «Чиполлино», «Емелино счастье», художественные выставки детского творчества, посвященные А. Пушкину, М. Лермонтову и русской сказке. По инициативе «Русского клуба» прошли юбилейные торжества по случаю 300-летия города на Неве «Виват, Санкт-Петербург!», торжественно отпраздновали 160-летие старейшего на Кавказе Русского драматического театра им. А.С. Грибоедова, на которое приехали выдающиеся деятели культуры и искусства со всего мира. В честь юбилея был издан альбом «Русский театр в Грузии. 160», получивший в России престижную премию «Хрустальная роза» В.Розова. Выпущен уникальный альбом «Русские художники Грузии. XX век». Любителям музыки посвящены книги «П.И. Чайковский в Грузии» и «Д.Д. Шостакович и Грузия». Издан музыкальный диск известного грузинского композитора Т. Джаиани. Ярким событием стали выпуск и презентация музыкального альбома «Русский романс в Грузии» (антология русского романса в исполнении лучших грузинских певцов на двух аудио-дисках). Выпущен в свет набор открыток «Сны о Грузии» с цитатами о Кавказе из творчества известных русских поэтов и писателей, книга «Русские футболисты в Грузии». С осени 2005 года у нас издается ежемесячный общественно-художественный журнал «Русский клуб».

В числе наших заслуг и Международный русско-грузинский поэтический фестиваль (2007), в котором приняли участие известные поэты из разных стран мира (Венгрия, Греция, Израиль, Литва, Россия, США, Канада, Финляндия, Швеция, Италия) и поэты Грузии.

В перспективе на будущее – ряд новых интересных проектов, Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб» надеется внести свой вклад в укрепление и развитие культурных и общественных взаимоотношений между Россией и Грузией, что способствует улучшению имиджа страны и продолжает многовековые духовные традиции.

***Светицкий Николай** (Грузия). Родился в 1956 г. в Тбилиси. Известный грузинский театральный деятель. С 1986 г. член Театрального общества Грузии. Директор Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А. С. Грибоедова. С 1992 г. основатель и директор Центра российской культуры в Грузии. С 2003 г. основатель и президент Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб». Руководитель издания общественно-культурного журнала «Русский клуб». Член президиума Международного совета российских соотечественников. Учредитель и официальный представитель Международной федерации русскоязычных писателей в Грузии. Кавалер Ордена Дружбы.*

Грузия всегда была привлекательна для русских поэтов, литераторов XIX и XX века. Ее видели по-разному: страна поэзии и многоголосья, виноделия, удивительного гостеприимства и неповторимого театрального искусства. Поэты воспевали ее гордость и девственную величавость, непокорность и гибкость, в ней видели разные образы: смиренная невеста, страстная жена и любящая мать; воин-смельчак с особым чувством юмора и свободы, готовый сражаться за свободу и принять любого гостя как царя. Эта страна стала Музой, а зачастую и спасением для многих русских поэтов и писателей.

Именно в таком образе и облике страна предстала перед многочисленными гостями Международного русско-грузинского поэтического фестиваля, который мы провели в июне 2007 года. Наш фестиваль проходил в двух городах, которые стали в свое время поэтической Меккой для множества выдающихся деятелей культуры. «Светающий Батум» любили Есенин, Паустовский, Горький, Бабель, Булгаков. «Тифлис горбатый» навсегда остался частью души, судьбы и огромной любовью поэтов двух веков: Пушкина, Лермонтова, Грибоедова, Полонского, Манделштама, Пастернака, Заболоцкого, Тихонова, наших современников: Ахмадулиной, Евтушенко, Вознесенского... Не случайно «Тбилиси – город выше бурь и пауз, В нем связь времен счастливо не распалась».

Хочется верить, что фестиваль станет началом, точкой отсчета, первой ласточкой, возвещающей о новом этапе наших литературных взаимоотношений. Определяющими целями и единственным желанием у нас было – поддержать и восстановить давние традиции, связывающие грузинскую и русскую культуры, литературные отношения, культуру перевода, чтобы грузинская и русская поэзии не забыли друг друга, смогли пополнить свои «старые запасы» и возобновить прерванный диалог.

Именно так называется наша книга, сборник на четырех языках, подводящий итоги первого Международного русско-грузинского поэтического фестиваля. Диалог подразумевает в себе вдумчивый и душевный разговор интересных собеседников, которые умеют слушать и которым есть что сказать самим. Он происходит и между отдельными людьми, и между разными культурами. И всегда находится общее, главное: ценность. Та шкала, по которой соизмеряет себя каждая думающая личность. Более того, сама поэзия представляет собой диалог. Диалог жизни и смерти (или жизни со смертью?); любви и о любви, а иначе писать невозможно, во главе всего – «любовь, что движет солнце и светила»; человека с языком и языка с человеком, о чем не раз говорили и писали великие поэты. «Не я пишу стихи – стихи пишут меня», – сказал Тициан Табидзе. Вот один из идеальных примеров диалога. Нас создает культура, литература, призванная «очеловечить человека», развить в нем личностные качества, расширить «объем души».

Романтика потрясающих горных пейзажей – диких, необузданных, возвращающих к первозданности мира, не меньшая романтика знаменитых грузинских застолий, где вино льется рекой, тосты превозносят каждого человека, возвышают понятие дружбы до божественного смысла, фольклор: грузинские песни и танцы – все это

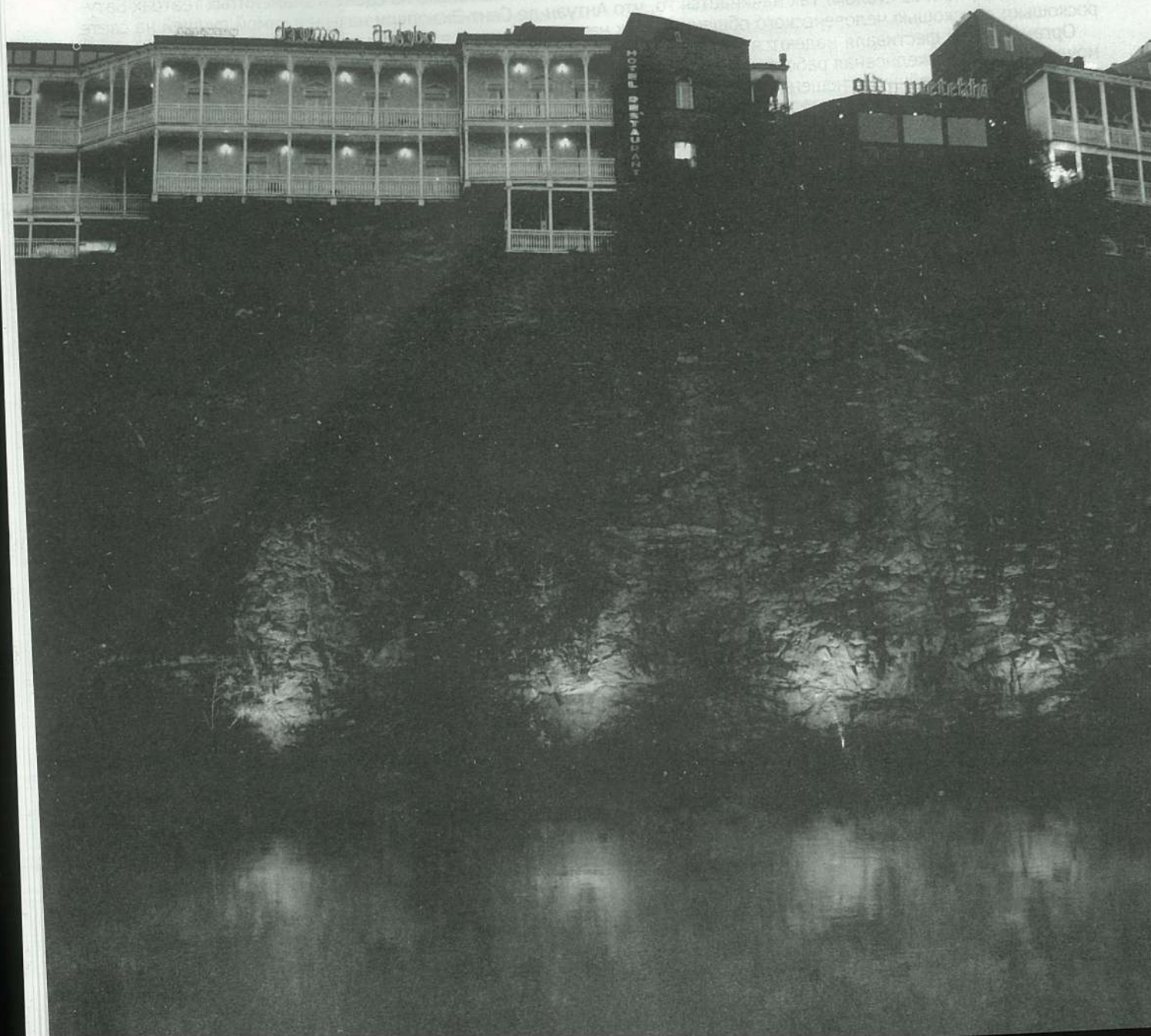
ожидало гостей фестиваля практически повсюду, будь это за мостом царицы Тамары XI века, возле потрясающего природного водопада, в древней крепости Гонио или на торжественных и радушных приемах в посольстве Российской Федерации, у Католикоса-Патриарха всея Грузии Илии II, а также в частных домах. Собирались люди с похожим вкусом, единой системой ценностей. И стихи читались не только на сцене в знаменитых театрах Батуми и Тбилиси, но и за столом. Так начинается то, что Антуан де Сент-Экзюпери называл самой лучшей на свете роскошью: «роскошью человеческого общения». Так начинается настоящий диалог.

Организаторы фестиваля надеются, что он продолжится. Мы должны помогать своим странам, а наша мощь – это наша ежедневная работа. Чем больше мы сами будем делать шаги на сближение, тем светлее будет перспектива дальнейших отношений и активнее диалог. Каждый должен быть на своем месте и нести свой груз, дело, если хотите, свои мысли. А народы мудрые, и они хотят общаться, мы видим. Фестиваль еще раз показал это. Русская и грузинская культуры, имеющие давние связи, теперь снова будут рядом, диалог уже не прекратится никогда, и потянутся друг к другу души, снова развернутся друг к другу лицом алфавиты, и начнут виться новые стихотворные строчки, подобно виноградной лозе, в которой скрыт сокровенный смысл бытия.

***Воловик Олег** (Венгрия). Родился в 1958 г. Писатель, публицист. Директор, главный редактор издательства «Интерпрессфакт», специальный корреспондент в Венгрии и странах Центральной Европы информационного агентства «Экспресс-инфо». Президент Фонда Гражданского сотрудничества культурного и духовного наследия (Будапешт). Учредитель и председатель правления Международной федерации русскоязычных писателей – МФРП (Лондон, Будапешт). Шеф-редактор официальных периодических изданий Олимпийского комитета России, главный редактор журнала «Золото Олимпа». Основатель книжных серий «Российские корни в Европе» и «Православные Патриархи». В 2005 г. награжден Почетным знаком Российского Центра международного научного и культурного сотрудничества при Министерстве иностранных дел РФ «За вклад в дело дружбы».*

Международный русско-грузинский поэтический фестиваль – не просто культурное событие огромной важности, это сладостное испытание настоящим счастьем, переполнявшим всех его участников от радости общения, оваянных сознанием особой значимости происходящего, когда хотелось раздвинуть сутки, слушать и говорить, досадливо отмахиваясь от заволакивающего сна. Фестиваль вновь открыл забытую дорогу культурного созидания, подремонтировал ее немного. Некогда она была ровной, гладкой, накатанной, как вдруг пошла под уклон, в пропасть. Теперь, она повела в гору. Еще немного, еще... Преодолеем! Какая была досада, опасность, напасть: опора незыблемого старинного творческого моста, соединяющего культурные берега, выронила камень единения чувств. Мы поднимаем его своими сердцами, мы уже поднимаем его, чтобы вложить на место - накрепко, надолго, навечно! Грузия! Наслаждаюсь любовью к тебе. Благодарю тебя за праздник присутствия в моей жизни!

АППЕВА АННЕЛИЗА

Италия

Родилась в 1956 г. в Риме. Поэт, эссеист, переводчик. Автор нескольких поэтических сборников. Стихи публиковались в журнале «Звезда» по представлению А.Кушнера. Целиком перевела на итальянский прозу Пушкина, «Анну Каренину» Л. Толстого, выпустила антологию русской современной поэзии и прозы. Занимается литературным анализом произведений А.Пушкина, М.Цветаевой, И.Бродского, Б.Рыжего. Преподает литературный перевод с русского языка в Первом Римском университете.

DAI BRODSKIJ

I

Era una domenica pomeriggio
Suonai a un campanello laterale,
che aveva la scritta a mano: "Dai Brodskij".
Al mio secondo squillo aprì una donna:
"Sono usciti per una passeggiata.
Fra un'oretta saranno di ritorno".
Profittavano del sole autunnale.
Lei si tingeva di rosso i capelli,
lui si calzava da dietro il berretto
come il figlio, come quando ne aveva.

II

Mi aprì la porta un viso trasparente,
che sorridendo col dito sulle labbra:
"Prego", mi fece, aprendo un'antiporta
sulla sinistra dell'appartamento.
Mi fece sedere a tavola; dissi:

"Sono una conoscente di suo figlio".
"E non poteva essere altrimenti".
La madre si richiuse appresso la porta.
Avevo con me delle riviste:
"Guarda, lo sciagurato fuma ancora!"

III

Cominciai a tornare ogni giovedì.
Appena nella stanza, contro il muro
cambiavo gli stivali con ciabatte:
la madre non si faceva baciare,
la gatta neanche dare una carezza.
Una sera a cena lei chiese: "Saša,
se partissi che cosa ti prenderesti?"
"L'ombrello". "Io niente, partirei così".
Il medico l'aveva sconsigliato,
per il cuore. Lei non vedeva l'ora.

IV

Ognuno aveva il suo album di foto,
ma lui il proprio me lo mostrò per primo.
E lei, la mano nella tasca del grembiule:
"Il mio, certo, mica lo fai vedere!"
Andò a prenderlo, dondolando appena:
lei con la sorella attrice di teatro,
col bambino in braccio nella dača,
lui col cucchiaino: Osja mangia la kaša,
e il biglietto: alla mamma prometto
che farò sempre i compiti per bene.

V

"Io gli cucii questo completo bianco
che a lui piaceva tanto", fece il padre.
"Madame Achmatova: lei lo capiva

al volo; bastava mezza parola".
E mi consolava di quelle esposte:
"Non è niente". "Quelle scarpe erano sue?"
"No, sono mie. Lui non ne ha di meglio?"
Adesso dormo io qui nel suo letto".
Bottiglie vuote in cima agli scaffali,
in fila, con l'etichetta occidentale.

VI

"Tanti sono stati i visitatori.
Quella bibliotecaria americana,
la veneziana che fumava sempre,
lo slavista olandese violinista;
che simpatico Fausto di Milano!"
Per vedere se c'era posta un giorno
scese e tornò con una cartolina,
che gettò sul tavolo come cibo
a due gatti affamati in piena estate:
"Per voi, leggete!", e ci accostò in un gesto.

VII

Un'altra sera la madre mi disse:
"A Roma avrete certo un cavaliere!"
Io: "Che cosa intendete per cavaliere?"
"Saša!", piano, "Non sa cosa vuol dire!"
Accanto a uno Chanel numero cinque
lei andò ad accendere il televisore,
e trascinò la sedia più vicino
per appoggiarsi muta alla spalliera.
Una gara di pattinaggio sul ghiaccio.
Lei faceva l'esperta, lui rideva.

VIII

"Se entra qualcuno voi siete lituana".

"Come sarebbe a dire, lituana?"

Lei di una vicina era stata amica,
ma poi i rapporti s'erano guastati.

"Mi verserebbe una pila bollente
sulla testa, che credete! Voleva
allargarsi casa e rubarci posto
nell'ingresso, per farsi un'entrata sua.
Svenni al processo, ma era tutto vero.
Non una parola di questo a mio figlio!"

IX

Lui mi mostrò una fotografia imbronciata
che la scuola serale s'accendeva:

"Non sono mai riuscito a farmi dire
che cosa gli era successo quella volta
a Monaco di Baviera; lei lo sa per caso?"

Non glielo dissi: era stato in galera.
Per difendere un vecchio in un locale;
forse il padre ne sarebbe andato fiero?
Preferiva sapergli lo smoking nell'armadio.
Non seppe mai di quella notte dentro.

X

"Ma non so neppure se lo rivedrò..."

"Lo rivedrete, sì che lo vedrete".

Partii da Leningrado con l'estate.

Lui m'accompagnò sul pianerottolo,
lei rimase dentro: lei morì a marzo,
lui il maggio dell'anno dopo, o meglio,
alla vigilia della festa del primo.

Era nato il giorno dell'anniversario
della rivoluzione; mi diceva:
"E' fortunato chi nasce di festa".

Roma, 30 novembre 1987

К БРОДСКИМ

I

Это было в воскресенье, днём.
Я позвонила в боковой звонок,
где было написано от руки: к Бродским.
На второй звонок открыла женщина:
«Они вышли на прогулку.
Через час примерно будут здесь.»
Они пользовались осенним солнцем.
Она красила волосы в рыжий цвет,
он надевал берет с затылка,
как сын его, когда у него были.

II

Мне дверь открыло прозрачное лицо,
улыбающееся с пальцем на губах:
«Пожалуйста», пригласил меня, приоткрывая
дверь с левой стороны квартиры.
Отец посадил меня за стол. Я сказала:
«Я знакомая Вашего сына».
«Иначе не могло и быть», - он в ответ.
Мать за собой затворила дверь.
Я принесла тогда журнал «Штерн»:
«Посмотри, Саша, негодяй ещё курит!»

III

Я стала их посещать по четвергам.
Войдя в комнату, я сразу
меняла на тапочки свои сапоги:
мать не хотела чтобы её целовали,
кошка не позволяла ни одной ласки.
Во время ужина она спросила однажды:
«Саша, уезжая, что ты бы взял с собой?»
«Зонт». «Я ничего, я бы уехала вот так».
Врач отсоветовал ему летать,
из-за сердца. Она же не могла дожждаться.

IV

У каждого был свой фотоальбом,
но он мне свой показал первым.
И она, с рукой в кармане передника:
«Ты мой, конечно, не покажешь!»
Она пошла взять свой альбом, качаясь чуть чуть:
она с сестрой, театральной актрисой,
со своим ребёнком на руках на даче,
он с ложкой: «Ося ест кашу»,
и за партой: «Маме обещаю,
что учиться я буду хорошо».

V

«Я сшил ему этот белый костюм,
который ему так нравился», отец гордо сказал.
«Мадам Ахматова: она его понимала
с полуслова». И утешал меня, когда
я смотрела на висевшие в полукомнате сына:
«Это – ничего». «Это ботинки его?»
«Нет, они мои. У него нету лучше?
Сейчас я сплю здесь в его кровати».

Пустые бутылки на верхних полках в ряд,
с иностранным ярлыком.

VI

«Много здесь было посетителей.
Та американская библиотечка,
та венецианка, курящая всё время,
голландский славист, скрипач;
какой симпатичный Фаусто из Милана!»
Чтобы посмотреть, есть ли почта
однажды пошёл вниз отец и вернулся
с открыткой, которую бросил нам
на стол как еду
голодным кошкам в разгар лета:
«Для вас, читайте»,
и наши плечи приблизил.

VII

В другой раз мама мне сказала:
«В Риме, наверно, у Вас есть кавалер».
Я: «Что Вы имеете в виду?»
«Саша, - тихо, - она не понимает!»
Рядом с «Шанель номер 5» на тумбочке
она пошла включить телевизор,
и притащила стул поближе,
чтобы опереться как прикованная на спинку.
Показывали фигурное катание.
Она изображала эксперта, он смеялся.

VIII

«Если кто-нибудь войдёт, Вы – литовка».
«Почему литовка?»
Она сначала была в дружбе с соседкой,
а потом их отношения испортились.

«Она, представляете, грозила вылить
мне на голову кастрюлю с горячей водой.
Она хотела украсть некоторую площадь
в прихожей, чтобы устроить себе личный вход.
Я упала в обморок на суде, но всю правду говорила.
Сыну, пожалуйста, не говорите ничего!»

IX

Он вынул хмурую фотографию, когда
вечерняя школа напротив дома зажигалась:
«Так мне и не удалось узнать,
что случилось с ним в тот раз
в Мюнхене; случайно не знаете?»
Я ему не сказала: Иосиф попал в тюрьму.
Чтобы защитить старика в баре.
Может быть, отец это и оценил бы?
Он предпочитал смокинг у сына в шкафу.
О той ночи в тюрьме он никогда не узнал.

X

«Я даже не знаю, увижусь ли я когда-нибудь с ним.»
«Вы его увидите, увидите, конечно».
Я улетела из Ленинграда летом.
Он меня проводил до двери,
она осталась в комнате, и скоро, в марте, умерла.
Он умер в апреле следующего года, или, точнее,
накануне праздника первого мая.
Он родился в день революции, и говорил мне:
«Счастливцев тот, кто
рождается в день праздника».

*Перевод с итальянского Аннелизы Аллевы
с пересмотром Людмилы Гриеко*

INAUGURAZIONE DEL MONUMENTO A PUŠKIN

I bambini si lanciano nella danza
georgiana: i maschi da piccoli guerrieri,
le femmine da spose piene di eleganza,
in vesti e copricapi neri, rossi e oro.

Davanti al monumento i costumi fanno
frusciare di velluto. Ognuno depone una rosa
per il poeta nel giorno del suo compleanno.
Anche il poeta Fridon Chalvaši ne offre una rossa,

poi, dopo averla deposta ai piedi di Puškin,
con la mano fa al collega un cenno di saluto,
e quest'ultimo riluce davanti a chi s'inchina,
come boccale di bronzo nel regno delle statue.

Ora il caldo sfascia gli orpelli d'oro:
le madri con grandi buste
si aggirano attorno ai figli da allenatori,
li raccoglie attorno a sé severa la maestra.

Una bambina si sfila il copricapo
con le trecce, e ha una crocchia velata di sudore.
Un altro si sfila la fascia in vita e la porge
alla madre, che la ripiega con infinito amore.
Si allontanano a gruppi, ci sono fratelli
in mezzo ai piccoli danzatori.
Un padre appoggiato a una stampella
accanto a suo figlio tutto vestito ancora.

E Puškin resta solo, rinfrescato appena
dal ventaglio dei rami,
che stanno dietro la sua nera schiena,
che sono i suoi guardiani e la sua casa.

Batumi, 7 giugno 2007

ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНИКА ПУШКИНА

Мальчики бросаются на грузинский танец, в объятья
движений, как маленькие воины – дерзки, точёны;
девочки – подмигивающими невестами в платьях
и головных уборах: красных, золотых, черных.

Шуршат перед памятником бархатные костюмы.
Лица торжественны. Каждая роза всерьез: у
поэта день рождения. Солнце засвечивает их думы.
Поэт Фридон Халваши тоже подает красную розу;

он оставил ее у подножья Пушкина и рукой
приветствует бюст коллеги: ратуй
за нас и радуй нас, солнце, - и тот сверкает пред тем, кто с такой
нежностью поклоняется, как бронзовый бокал в царстве статуй.

Сейчас жара нарушает узор украшений:
матери с необъятными сумками подходят к детям,
окружают их, словно хотят оградить от лишений,
и строгая учительница всех собирает. И каждый в толпе замечен.

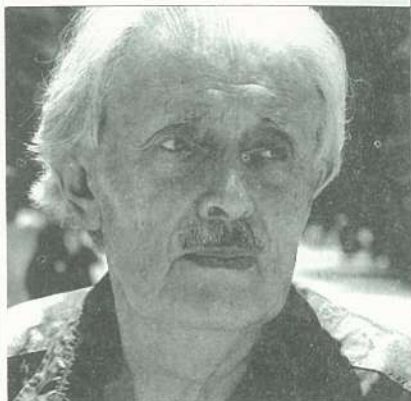
Девочка снимает с себя тяжелый головной убор
с косами, запотевший шиньон шпильками прикреплен к волосам.
Другой разматывает повязку на талии, щурится – солнце бьет в упор –
и подает матери, бережно складывающей в сумку, будто полмира хранится там

Они удаляются группами: разные братья и сестры
среди танцоров. С тенями смешиваются объятья движений.
Отец с костылем идет рядом с сыном: взгляд острый,
повадки мужественны. Сын в полном своем снаряжении.

И Пушкин остается один, слегка освежен ветерком
и новыми украшениями в невидимом настоящем костюме:
веером веток акаций, истуканами за его черной спиной. Вот фон
и покров ему рядом в зеленом парке Батуми.

Батуми, 7 июня 2007

Перевод с итальянского Инны Кулишовой

БААЗОВ НАТАН

Грузия

Родился в 1934 г. в Тбилиси. Поэт. Окончил физический факультет Тбилисского государственного университета. Работает в Институте физики им. Э. Андроникашвили, академик по отделению биоэнергоинформатики Инженерной академии Грузии. Член Союза писателей Грузии. В 1997 г. избран председателем секции русских литераторов. Автор 18 книг поэзии, переводов, прозы. За переводы грузинской поэзии удостоен ряда премий и наград: Премия комсомола Грузии (1985), Национальная премия им. Г. Леонидзе (1993), Государственная премия Грузии в области художественной литературы (2005). Кавалер Ордена Чести.

ТЫ – МОЁ БОЖЕСТВО

«И божество, и вдохновенье...»

А.С.Пушкин

Я когда-то возник из чужого напева,
и прошу я тебя: мой напев обнови...
Ты – моё божество, ты моя королева,
ты – моё вдохновенье в стихах и любви!

Примыкают к дороге и справа, и слева
ответвления её, по которым – нельзя...
Ты – моё божество, ты моя королева,
ты – моя основная на свете стезя!

Существуют мгновенья печали и гнева,
Но отрада надежды сильнее всего...
Ты – моё божество, ты моя королева,
ты – великое в жизни моей торжество!

И ветвится восторга бессмертное древо,
и стихи появляются снова и вновь...

Ты – моё божество, ты моя королева,
восхитительный грех и святая любовь!

Джумбер Беташвили

*(Погиб в 1993г. в Сухуми. Посмертно
награжден Орденом Вахтанга Горгасала)*

МЕНЯЕТ ЦВЕТ ХАМЕЛЕОН

Меняет цвет хамелеон,
считая, что вокруг – опасно...
А этот тип? Не хам ли он?
Меняет облик ежечасно.
В итоге именно тогда
грозит кому-нибудь беда...

Хамелеонов мы в пути –
встречаем часто, право слово!
«Рожденный ползать...»

Ты взлети.

Не сам, так с помощью другого.
В доверье втерся и польстил –
и ты летишь, не тратя сил...

Да, у любого подлеца
порой свои бывают «взлёты».
От дел ненужных без конца
Вспухают папок переплёты.
Всем ясно: вот – хамелеон.
А нам внушают: хан же он...

Не хан, конечно, но – ханжа:
таит в себе замашки хана.
Он, о собратях не тужа,

живёт, меняясь постоянно.
И хам еще к тому же он.
И хам, и хлам и охламон...

Простите, до каких же пор
нам быть объектами пародий?
В природу верю я, в отбор...
Ну а пока, увы, в природе
он – не один на миллион...
Меняет цвет хамелеон!

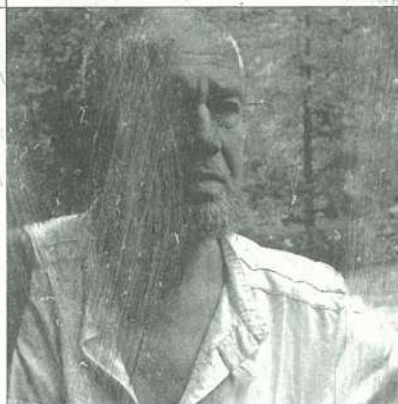
1986

Перевод с грузинского Н.Баазова

ГАНДЛЕВСКИЙ СЕРГЕЙ

Россия

Родился в 1952 г. Поэт, прозаик, эссеист. Окончил филологический факультет МГУ. Работал школьным учителем, экскурсоводом, рабочим сцены, ночным сторожем; в настоящее время литературный сотрудник журнала «Иностранная литература». В 70-е гг. входил в поэтическую группу «Московское время». Публикуется с конца 80-х. Премия «Малый Букер» (1996) за повесть «Трепанация черепа». Премия «Независимой газеты» «Антибукер» (1996) за книгу стихов «Праздник». Роман «НРЗБ» (2002) на XV Московской международной книжной выставке-ярмарке признан «Прозой года», вошел в шорт-лист Букеровской премии за 2002 г., а также в 2003 г. стал одним из трех лауреатов премии имени Аполлона Григорьева, присуждаемой Академией русской современной словесности, и был выдвинут на соискание Государственной премии Российской Федерации в области литературы и искусства 2002 г. Стихи переводились на английский, французский, немецкий, итальянский, голландский, финский, польский и японский языки. Проза — на английский, французский, немецкий, словацкий. Участник поэтических фестивалей и выступлений в Австрии, Англии, Нидерландах, Польше, США, Швеции, Японии.

Это праздник. Розы в ванной.
Шумно, дымно, негде сесть.
Громогласный, долгожданный,
Драгоценный. Ровно шесть.
Вечер. Лето. Гости в сборе.
Золотая молодежь
Пьет и курит в коридоре —
Смех, приветствия, галдеж.

Только-только из-за школьной
Парты, вроде бы вчера,
Окунулся я в застольный
Гам с утра и до утра.
Пела долгая пластинка.
Балагурил балагур.

Сетунь, Тушино, Стромынка —
Хорошо, но чересчур.

Здесь, благодаренье Богу,
Я полжизни отрубил.
Женщина сидит немного
Справа. Я ее любил.
Дело прошлое. Прогнозам
Верил я в иные дни.
Птицам, бабочкам, стрекозам
Эта музыка сродни.

Если напрочь не опиться
Водкой, шумом, табаком,
Слушать музыку и птицу
Можно выйти на балкон.
Ночь моя! Вишневым светом
Телефонный автомат
Озарил сирень. Об этом
Липы старые шумят.

Табаком пропахли розы,
Их из Грузии везли.
Обещали в полдень грозы,
Грозы за полночь пришли.
Ливень бьет напропалую,
Дальше катится стремглав.
Вымостили мостовую
Зеркалами без оправ.

И светает. Воздух зябко.
Тронул занавесь. Ушла
Эта женщина. Хозяйка
Убирает со стола.
Спит тихоня, спит проказник —

Спать! С утра очередной
Праздник. Все на свете праздник —
Красный, черный, голубой.

1980

Светало поздно. Одеало
Сползало на пол. Сизый свет
Сквозь жалюзи мало-помалу
Скользил с предмета на предмет.
По мере шаткого скольженья,
Раздваивая светотень,
Луч бил наискосок в "Оленью
Охоту". Трепетный олень
Летел стремглав. Охотник пылкий
Облокотился на приклад.
Свет трогал тусклые бутылки
И лиловатый виноград
Вчерашней трапезы, колоду
Игральных карт и кожуру
Граната, в зеркале комода
Чертил зигзаги. По двору
Плыл пьяный запах — гнали чачу.
Индюк барахтался в пыли.
Пошли слоняться наудачу,
Куда глаза глядят пошли.
Вскарабкайся на холм соседний,
Увидишь с этой высоты,
Что ночью первый снег осенний
Одел далекие хребты.
На пасмурном булыжном пляже
Откроешь пачку сигарет.
Есть в этом мусорном пейзаже
Какой-то тягостный секрет.
Газета, сломанные грабли,

Заржавленные якоря.
Позеленели и озябли
Косые волны октября.
Наверняка по краю шири
Вдоль горизонта серых вод
Пройдет без четверти четыре
Экскурсионный теплоход
“Сухум-Батум” с заходом в Поти.
Он служит много лет подряд,
И чайки в бреющем полете
Над ним горланят и парят.
Я плавал этим теплоходом.
Он переполнен, даже трюм
Битком набит курортным сбродом —
Попойка, сутолока, шум.
Там нарасхват плохое пиво,
Диск “Бони М”, духи “Кармен”.
На верхней палубе лениво
Господствует нацмен-бармен.
Он “чита-брита” напевает,
Глаза блудливые косит,
Он наливает, как играет,
Над головой его висит
Генералиссимус, а рядом
В овальной рамке из фольги,
Синея вышколенным взглядом,
С немецкой розовой ноги
Красавица капрон спускает.
Поют и пьют на все лады,
А за винтом, шипя, сверкает
Живая изморозь воды.
Сойди с двенадцати ступенек
За багажом в похмельный трюм.
Печали много, мало денег —
В иллюминаторе Батум.

На пристани, дыша сивухой,
Поможет в поисках жилья
Железзубая старуха —
Такою будет смерть моя...

Давай вставай, пошли без цели
Сквозь ежевику пустыря.
Озябли и позеленели
Косые волны октября.
Включали свет, темнело рано.
Мой незадачливый стрелок
Дремал над спинкою дивана,
Олень летел, не чуя ног.
Вот так и жить. Тянуть боржом.
Махнуть рукой на календарь.
Все в участи приемлю, кроме...
Но это, как писали встарь,
Предмет особого рассказа,
Мне снится тихое село
Неподалеку от Кавказа.
Доселе в памяти светло.

1980

Молодость ходит со смертью в обнимку,
Ловит ушанкой небесную дымку,
Мышцу сердечную рвет впопыхах.
Взрослая жизнь кое-как научилась
Нервы беречь, говорить наловчилась
Прямолинейною прозой в стихах.

Осенью восьмидесятого года
В окна купейные сквозь непогоду
Мы обернулись на Курский вокзал.
Это мы ехали к Черному морю.

Хам проводник громыхал в коридоре,
Матом ругался, курить запрещал.

Белгород ночью, а поутру Харьков.
Просишь для сердца беды, а накаркав,
Локти кусаешь, огромной страной
Странствуешь, в четверть дыхания дышишь,
Спишь, цепенеешь, спросонок расслышишь -
Ухает в дамбу метровой волной.

Фото на память. Курортные позы.
В окнах веранды красуются розы.
Слева за дверью белеет кровать.
Снег очертил разноцветные горы.
Фрукты колотятся оземь, и впору
Плакать и честное слово давать.

В четырехзначном году, умирая
В городе N, барахло разбирая,
Выроню случаем и на ходу
Гляну — о, Господи, в Новом Афоне
Оля, Лаура, Кенжеев на фоне
Зелени в восьмидесятом году.

1987

О. Е.

Ливень пил в Батуми. Лужи были выше
Щиколоток. Стоя под карнизом крыши,
Дух переводили, а до крыши самой
Особняк пиликал оркестровой тмой.
Гаммы, полонезы, польки, баркаролы.
Маленькие классы музыкальной школы.
Черни, Гречанинов, Гедике и Глинка.
Маленькая школа сразу возле рынка.

Скрипка-невеличка, а рояль огромный,
Но еще огромней тот орган загробный.
Глупо огорчаться, это лишь такая
Выдумка, забава, музыка простая.
Звуки пропадали в пресноводном шуме,
Гомоне и плеске. Ливень лил в Батуми.
Выбежали стайкой, по соседству встали
Дети-вундеркинды, лопотали, ждали
Малого просвета. Вскоре посветлело,
И тогда Арчилы, Гиви и Натэлы
Дунули по лужам, улицам, бульварам.
В городе Батуми вровень с тротуаром
Колебалось море, и качался важный
“Адмирал Нахимов” с дом пятиэтажный.
Полно убиваться, есть такое мнение,
Будто эти страсти, грусти, треволенья —
Выдумка, причуда, простенькая полька
Для начальной школы, музыка — и только.

1981

Самосуд неожиданной зрелости,
Это зрелище средней руки
Лишено общепризнанной прелести -
Выйти на берег тихой реки,
Рефлектируя в рифму. Молчание
Речь мою караулит давно.
Бархударов, Крючков и компания,
Разве это нам свыше дано!
Есть обычай у русской поэзии
С отвращением бить зеркала
Или прятать кухонное лезвие
В ящик письменного стола.
Дядя в шляпе, испачканной голубем,
Отразился в трофейном трюмо.

Не мори меня творческим голодом,
Так оно получилось само.
Было вроде кораблика, ялика,
Воробья на пустом гамаке.
Это облако? Нет, это яблоко.
Это азбука в женской руке.
Это азбучной нежности навыки,
Скрип уключин по дачным прудам.
Лижет ссадину, просится на руки -
Я тебя никому не отдам!
Стало барщиной, ревностью, мукою,
Расплескался по капле мотив.
Всухмятку мычу и мяукаю,
Пятернями башку обхватив.
Для чего мне досталась в наследие
Чья-то маска с двусмысленным ртом,
Одноактовой жизни трагедия,
Диалог резонера с шутом?
Для чего, моя музыка зыбкая,
Объясни мне, когда я умру,
Ты сидела с недоброй улыбкою
На одном бесконечном пиру
И морочила сонного отрока,
Скатерть праздничную теребя?
Это яблоко? Нет, это облако.
И пощады не жду от тебя.

1982

А. Цветкову

Как просто все: толпа в буфете,
Пропеллер дрогнет голубой, -
Так больше никогда на свете
Мы не увидимся с тобой.
Я сяду в рейсовый автобус.

Царапнет небо самолет -
И под тобой огромный глобус
Со школьным скрипом поплывет.
Что проку мямлить уверенья,
Божиться гробовой доской!
Мы твердо знаем, рвутся звенья
Кургузой памяти людской.
Но дни листая по порядку
В насущных поисках добра,
Увижу утлую палатку,
Услышу гомон у костра.
Коль на роду тебе дорога
Написана, найди себе
Товарища, пускай с тревогой,
Мой милый, помнит о тебе.

1974

Боратынский, Вяземский, Фет и проч.
И валяй цитируй, когда не лень.
Смерть, - одни утверждают, - сплошная ночь,
А другие божатся, что Юрьев день.
В настоящее время близка зима.
В новый год плесну себе коньячку.
Пусть я в общем и целом - мешок дерьма,
Мне еще не скучно хватить снежку
Сколько зим мы знакомы, питомец муз!
Ну, решайся, тебе уже много лет,
А боишься выбрать даже арбуз.
Семь ноль-ноль. Пробуждается в аккурат
Трудодень, человекоконь гужевой.
Каждый сам себе отопри свой ад,
Словно дверцу шкафчика в душевой.

1997

Г. Чхартишвили

Раб, сын раба, я вырвался из уз,
Я выпал из оцепененья.
И торжествую, зная наизусть
Давно лелеемое приключение.
Сейчас сорвётся тишина на крик —
Такую я задумал шалость.
Смерть в каждом кустике храбрится: чик-чирик
—
Но только в радость эта малость.

Разбить бы вдребезги, чтоб набело срослось,
Воздать сторицей, хлопнуть дверью.
Визжи, визжи, расхлябанная ось
Между Аделаидою и Тверью!
Деревня-оползень на правом берегу,
Паром, пичуга в воздухе отпетом —
Всё это, если я смогу,
Сойдётся, наконец, с ответом.

Мирон Пахомыч, к отмели рули,
Наляг, Харон Паромыч, на кормило.
По моему хотенью журавли,
Курлыча, потянулись к дельте Нила.
“Казбечину” с индийской коноплей
Щелчком отбросив, вынуть парабеллум.
Смерть пахнет огородною землёй,
А первая любовь — травой и телом.

1998

Мама чашки убирает со стола,
Папа слушает Бетховена с утра,
“Ножи-ножницы”, — доносится в окно,

И на улице становится темно.
Раздаётся ультиматум "марш в кровать!" —
То есть вновь слонов до одури считать,
Или вскидываться за полночь с чужой
Перевернутой от ужаса душой.
Нюра-дурочка, покойница, ко мне
Чего доброго пожалует во сне —
Биографию юннату предсказать
Али "глупости" за фантик показать.

Вздор и глупости! Плательщики-жильцы
При ближайшем рассмотрении — не жильцы.
Досчитали под Бетховена слонов
И уснули, как убитые, без снов.
Что-то клонит и меня к такому сну.
С понедельника жизнь новую начну.
И забуду лад любимого стиха
"Папе сделали ботинки..." — ха-ха-ха.
И умолкнут над промышленной рекой
Звуки музыки нече-лове-ческой.
И потянемся гуськом за тенью тень,
Вспоминая с бодуна воскресный день.

1999

Первый снег, как в замедленной съёмке,
На Сокольники падал, пока,
Сквозь очки озирая потёмки,
Возвращался юннат из кружка.

По средам под семейным нажимом
Он к науке питал интерес,
Заодно-де снимая режимом
Переходного возраста стресс.

Двор сиял, как промытое фото.
Веренице халуп и больниц
Сообщилось серьёзное что-то —
Белый верх, так сказать, чёрный низ.

И блистали столетние липы
Невозможной такой красотой.
Здесь теперь обретаются VIP-ы,
А была — слобода слободой.

И юннат был мечтательным малым —
Слава, праздность, любовь и т.п.
Он сказал себе: "Что как тебе
Стать писателем?" Вот он и стал им.

2006

ГПОНТИ ВАХТАНГ

Грузия

Родился в 1954 г. в Батуми. Окончил филологический факультет Батумского государственного пединститута, затем – Тбилисскую духовную академию.

Является автором семи поэтических сборников. За книгу «Месть отверженных душ» присвоена премия Независимой ассоциации писателей Грузии «Гулани», а за книгу «Слова на ветер» - Премия Галактиона Табидзе.

И вновь блуждаю я в былом
И блекну, болью разбалован.
Душа, как павший Вавилон,
По небесам тоскует снова.

И снится глыбам нежный сон –
Бог превратил их в птичьи стаи,
Раскрылись крылья в унисон –
Это не сон – давай, летай!

А там, внизу, земля-змея
И черт с землёй – узнал по роже.
И нам туда смотреть нельзя,
Я так устал, прими нас, Боже!

Прими своих родных внучат,
Не поумнели мы от горя,
Стоит ли смертных поучать,
Если те смерть не переспорят.

Я так устал, мои уста
Без слёз и слово не проронят.

Покинув чертов пьедестал
Я скроюсь от людского роя.

Прими меня и приюти,
Души скорбящей летописца,
Мне больше некуда идти,
Мне больше незачем молиться.

1995

Страна одинокого солнца,
Странно одинока луна,
Где рвётся под огненным пальцем
У маэстро дождя струна.

Струна, струна, страна, страна,
Где Бога нет, там сатана...
Бог, райские пошли нам сны,
Ну где же рай без сатаны!

Страна одинокого счастья,
Страна одинокой беды,
Где рождество, как распятие,
А воскресенья не жди.

Не жди, не жги, струна, страна,
Где Бога нет, там сатана...
Бог, райские пошли нам сны,
Ну где же рай без сатаны!

Страна изгнанных, непризнанных,
Нежданных, незванных страна, -
Нам для горьких испытаний
За чужие грехи дана.

Дана она, страна, страна,
Где Бога нет, там сатана...
Бог, райские пошли нам сны,
Ну где же рай без сатаны!

1995

Крест и дощечка – здесь кто-то стих –
Такой-то год, такой-то номер...
Да, чтут поэта – не за стихи –
За то, что выжил и не умер.

Розы и грёзы – в нём жив Орфей,
Он сам и Ромео, нежность и дикость.
Он возбуждает в женщинах фею, -
«О, Джульетта!...» «О, Эвридика!...»

Восторг и срам – и голод, и вдруг –
Сам кесарь просит с ним поужинать,
Для дам желанный, далёкий друг,
Зато несносен он к мужчинам.

Тайная вечеря – палачи в ночи –
Горять прощальные свечки плача,
И так испачканы братья стихачи
Душой, не хотят и руки пачкать.

И всё-таки моет руку рука –
Ведь они правые – руки – Пилата.
А потом обсудят в литкругах –
Раз Пилат моет, значит так надо.

Надо - не надо! Надо - не надо!
Надень венец в конце концов,
Это не люди, а просто стадо,
Любят и губят неба гонцов.

Крест и дощечка – здесь кто-то стих –
Такой-то год, такой-то номер...
Да, чтут поэта – не за стихи –
За то, что выжил и не умер.

1994

ГОМЕПАУРИ НИКО

Грузия

Родился в 1970 г. Актер, поэт. Окончил Тбилисский государственный университет театра и кино им. Ш. Руставели. Ведущий актер «Свободного театра» и Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова. Автор четырех поэтических сборников на грузинском и русском языках. Свои стихи обычно читает в музыкальном сопровождении. Лауреат театральной премии им. К. Марджанишвили.

Выпью, выпью море,
Обкурюся туманом.
Я со всеми в ссоре,
Я дружу с вулканом.

Окунаюсь в лаву,
Вынырну не скоро,
Высоту и славу
Уступаю горам.

Но, когда обмою
В лаве свои кости,
Двери всем открою
- Приходите в гости.

Огненные строки
Раздарю на память,
Позабудем склоки.
В счастье будем плавать

Солнце будет радо,
Тьма же, будет в горе...
Но сначала надо,
Надо, выпить море.

Судьбы, судьбы, судьбы...
Радуга судеб.
Мне понять их суть бы,
В сущность вникнуть мне б.

Очи, очи, очи...
Тысяча очей.
Я объятий зодчий,
Страсти казначей.

Страсти, страсти, страсти...
Страсти; целый вал.
Всех любил отчасти,
Коли целовал.

Виктории Токаревой

То мы пили, то мы ели,
То любили еле-еле.

А потом всё ныли, ныли,
И вино во всём винили.

После пивом заправлялись
И до вечера валялись.

В половине же восьмого,
Начинали мы всё снова.

Пили сил не покладая,
Так текла жизнь молодая.

Не кончалась наша шалость,
Утро с вечером смешалось.

Но однажды, рано вставши,
Слышу смех соседки нашей.

Что росла в моих руках...
А теперь - ну просто ах!

И влюбился я в Наташу
(Звали так соседку нашу).

Бросил пить, отвергнул пиво,
Глянул в зеркало - красиво.

Брюки поднял, сделал галстук,
Вспомнил про зубную пасту.

Заработал денег кучу,
И купил духи от «Гучи».

От влюблённости дурея,
Очутился у дверей я.

Натка вышла, встала рядом,
Оценила томным взглядом

И сказала, вздёрнув нос:
Лучше б водочки принёс.

Нету пары в мире круче
Пьем духи за здоровье «Гучи»!

Меня покинул друг
И к небесам понёсся,
Не опуская рук,
Себе твержу прорвемся.

Меня покинул брат,
Взгляд бросив злобно, косо,
Но я сильнее стократ
И говорю прорвемся.

Меня покинул дух,
Кровь хлынула из носа,
Но повторяю вслух:
Всё ерунда - прорвемся.

Меня покинул сон -
Бессонница неслосна,
Печаль гоню я вон,
Кричу во тьму - прорвемся!

Меня покинул сын,
И дочь за ним без спроса.
Хмельной сию один,
Но все ж хриплю - прорвемся...

А главное - она
Ушла, сказав не бойся,
Не вспоминай меня
И повторяй - прорвемся.

Но мне ведь вместе с ней
Хотелось с жизнью драться,
Теперь хоть пой, хоть пей,
Куда там прорываться...

ГОРБАНЕВСКАЯ НАТАЛЬЯ

Франция

Родилась в 1936 г. Поэт. Окончила филологический факультет МГУ. В 1968 г. стала первым редактором самиздатского информационного бюллетеня «Хроника текущих событий». Стихи выходили в самиздате с начала 60-х гг. Видный деятель диссидентского движения, участник демонстрации протеста против вторжения в Чехословакию на Красной площади (1968). Оставшись после демонстрации на свободе, составила документальную книгу «Полдень. Дело о демонстрации на Красной площади» (вышла по-русски в «Посеве» в 1970, в 1970 г. — по-французски, по-английски — в Англии и в США, по-испански в Мексике, а в 2006 — в Польше). В декабре 1969 г. арестована, признана невменяемой с диагнозом «вялотекущая шизофрения» и отправлена на принудительное лечение в Казанскую психиатрическую тюрьму («психиатрическую больницу специального типа»). Освобождена в феврале 1972 г. В декабре 1975 г. эмигрировала. С 1976 г. в Париже. Работала в редакции журнала «Континент» (в последние годы парижского издания «Континента» была зам. главного редактора), до 1988 была внештатным сотрудником радио «Свобода», с начала 80-х годов и до 2003 работала в газете «Русская мысль». Переводила с польского, чешского, словацкого и французского. Польскую поэзию и прозу начала переводить еще в Москве, с 1999 и по сей день — в журнале «Новая Польша».

Губы льются и поются,
обе гулом отобьются
от обрушившихся стен,
обе — бэби в колыбели
гонобобелью без цели,
без эстрад и прочих сцен,

обе — ягода-малина,
от изломанного тына
отдаваясь эхом эх,
обе — клюква, обе — кряква,
обе — пенная Арагва,
раздувающийся мех

целокупного органа,
хроматическая гамма
от ларька недалеко,
не модель и не программа,
но стандарт и орифламма...
Значит, дышится легко

этим грязным мыльным губкам,
этим гулким медным трубкам,
сочлененным между до —
до концерта-представленья
и до светопреставленья,
до-ре-ми и ми-ре-до.

2006

Этой заросшей дорожкой,
этой тропинкою тесной,
полупротоптаной стёжкой
с полупрошёптанной песней,

с полуулыбкой и полу-
свисшей слезою с ресницы
ходишь до смерти в школу,
учишься слову-глаголу,
как проспрягаться — то есть
сопрячься, а не склониться.

2006

Кто там стучится в висок, но снаружи,
рушится мой герметический череп,
через растрещины глубже и глуше
грузный паром ударяется в берег
и удаляется снова и снова,

сном или явью, явью ли, снами,
с нами отходит от берега родного
прямо на дно, под зеленое знамя.

Знаешь ли, знаем ли, знаю ли, кто там
кодом выстукивал в кости височной
точный маршрут к недоступным высотам,
сотовым медом текущим, к заочной
ставке и с летом, и с веком, и к рекам
млеком бегущим, и травам подводным,
смертным грехам и прощенным огрехам,
к точке, где станешь навеки свободным.

2006

Глубокоуважаемый
вагоноуважа...
катаючись трамваями,
не сесть бы на ежа,

не скушать бы ужа,
с угрём нечаяно спутав,
пока углём беспутным
не греется душа,

пока она трамваями,
одевшись плотью, ездит,
пока в бесснежном мареве
глядит себя без лести

и, да, без снисхожденья,
претензий и обид
себя она глядит,
и этот скорбный вид
в парах самосожженья

заслуживает нашего
молчания, да-да,
и ты ее не спрашивай:
зачем? почём? куда?

2006

Выхожу с Восточного вокзала
и с восточным распротясь морозом.
Заумь — безумь, я уже сказала,
но она же, если хочет, розумь,

но она же мотыльком по розам,
утюжком по грёзам поизмятым,
вопреки угару и угрозам,
вопреки таблеткам сердцемятным,

вопреки самой себе... О заумь,
о Котаумь с зелеными глазаумь,
так дерзайся, только не слезайся
с поезда, где едешь в виде зайца.

2006

Ни хвостиков, ни черточек, ни точек,
емеля нам выравнивает почерк,
и спросишь: "Как жена?" — а выйдет "зона",
и держишь сам себя за фармазона,
который был исходно франкмасоном,
умом не сонным, духом не бессонным,
душой не чутким и несклонным к шуткам,
давно отправленным ко всем анчуткам.

Поставь на переписку знак товарный,
и верный росс пойдет, как лях коварный,
извертываться, врать и лицемерить
и самому себе уже не верить,
не доверять рефлексам и привычкам,
ключам в кармане, спичкам и отмычкам,
влюбленностям заречным и заморским
и давним радостям консерваторским.

Поставя копирайт на переписку,
ты сам себя переберешь по списку,
по перечню, где уши-руки-ноги
гуляют парами, за ними по дороге
— как зэк со шконкой — печенка с селезенкой,
и все одето кожицею тонкой,
которой так недолго надорваться
и обнажить... — и обнажиться, братцы!

У переписки, пересвиста птичья,
ни замысла (а значит, и величья),
ни умысла (на подрыв и свержение),
ни помысла (как выйти из окруженья),
ни мысли, хоть бы вялой и небойкой,
и только рифмы ходят парой или тройкой.

2006

Что это
зашептало
на ветке через окно,
не посмело, не щебетало,
тем более не свистало,
что это — или кто?

Это весна, равноденствие,
это зима, зиме, зимы кончается срок,
и она выходит на волю, на дальний,
самый дальний восток,
и чем дальше, тем печальней.
А весна сбивается с ног,

смывает остатки сугробов,
вымывает останки гробов,
ибо час Воскресения пробил
в выходные отверстия белых лбов,

ибо Бог — это вправду любовь,
но себя ко всему приготовь.

2006

Господи, услыши мя,
я тебе не лишняя.

— Слышу, доню.

Не прошу переменить
эту дёрганую нить,
мою долю.

Что захочешь — Сам подашь,
как подал мне карандаш
и тетрадку.

Господи, услыши мя,
чтоб не вышло из меня
беспорядку.

2006

ГОРДИН ЯКОВ

Россия

Родился в 1935 г. в Ленинграде. Историк, писатель. С 1964 года начал профессионально заниматься литературной работой и независимыми историческими исследованиями. Главная тема — русская политическая история XVIII - первой трети XIX вв. С конца 1980-х годов занимался общественной деятельностью. Был секретарем обновленного Союза писателей Ленинграда, членом политсовета партии «Демократический выбор России» и т.д. С 1992 года директор и соредактор журнала «Звезда».

Член правления Международного благотворительного фонда им. Д. С. Лихачева.

НОЧЛЕГ

I

В письме, которое он получил, были такие слова: «...для пользования у сожительницы моей перста». Лекарь Иоганн Рампау прекрасно знал русский язык. Он долго смеялся над цидулькой этого болвана-градоначальника. До этого он не собирался ехать в город Темников. Но поскольку ему было совершенно все равно, куда ехать, а перст сожительницы градоначальника — вещь серьезная, то он позвал солдата Петра Живетина, присланного из этого самого города, и сказал ему, что завтра они выедут. Солдат хмуро кивнул немцу и ушел.

Рампау сел перед зеркалом. Так ему было легче думать. Когда он смотрел на свое красивое европейское лицо, он сосредотачивался. Он так подробно знал это лицо, что оно не вызывало у него никаких недоумений и посторонних чувств. Он как будто ничего не видел.

Он уже десять лет жил в России. Изучил язык и нравы. И узнал, что страна эта — дорога ему. Ничто не гнало его из Германии. Он был обеспечен, любим. Он бросил все и уехал в Россию.

Почему?

Потому что всего дороже на свете ему были собственные мысли. То, что он думал. Он думал, что подлинная ценность человека — в знании. И назначение человека — знать. А зачем? Чтобы знать. Миром движет стремление к совершенству. Когда Господь создавал человека — это был великий прорыв к совершенству. Но совершенство, как и знание, — бесконечно. Родившись, каждый человек совершенствует себя, дабы приблизить мировую гармонию. Посредством чего? — Знания.

И он уехал из родного Эрлангена. Ибо там он все уже познал.

Он правильно поступил. Он уже начинал понимать эту страну. Этих людей. Он лечил их. И проникался состраданием к ним. Их темнота огорчала его, но он ее понимал.

II

По зимней дороге ехали два возка. В первом сидел Рампау, во втором — аптечном — спал солдат из города Темникова Петр Живетин. Было это рано утром 2-го февраля 1772 года. Природа вокруг была

засыпана снегом. Дорога тоже. Непонятно, как ямщик ее различал. Но лошади бежали уверенно. Вокруг находились холмы, поросшие лесом. Все в снегу. Миновали балку, еще одну. Проскользили по краю глубочайшего оврага. По склону оврага бежали чьи-то частые следы. В это время поднялось, наконец, солнце. Все засверкало и стало розоветь.

Рампау, в его жизни бродячего лекаря, часто случалось встречать зимний рассвет в дороге. И каждый раз он испытывал восторг, настолько глубокий и щемящий, что, казалось, вот-вот обернется печалью. И Рампау боялся этих рассветов. Он не скрывал этого от себя.

Он ничего от себя не скрывал.

Он сдвинул шубу с заиндевелым краем около лица, которой он был покрыт, и хлопнул ямщика по спине. Ямщик откинулся назад, и возок остановился.

Рампау выскочил на снег — высокий, в длинных кожаных сапогах и легком черном полушубке. Он потянулся, поскрипел подошвами по снегу и, улыбаясь, посмотрел вокруг. Недалеко, вдоль оврага, удаляясь от них, шел зверь. Видно было, как легко он идет, опустив голову и хвост.

— Волк, — сказал ямщик, указывая кнутовищем.

Лошади волновались и фыркали — мягко, с паром.

Подъехал аптечный возок, которым правил немой ямщик. Рампау удивлялся сперва — как это немой обходится в дороге. Но свой ямщик объяснил ему, что немой только говорить не может, а все слышит, на лошадей же мычит на разные голоса и гукает страшно, а выносливости и отчаянности он необыкновенной.

Возок постоял, немой недвижно сидел на облучке. Потом из возка медленно вылез солдат Петр Живетин с лицом плоским, заспанным и мрачным. Он отошел за возок, побыл там и вышел оттуда.

— Стоять будем? — сказал он.

Рампау улыбнулся ему. Солдат был мал ростом и ненормально широк. У него лицо было нерусское.

— Ты русский? — улыбаясь, спросил его Рампау.

— Мордва, — ответил ямщик.

Петр Живетин взглянул на ямщика.

— Они злые, — оказал ямщик.

— Стоять будем? — сказал солдат Петр Живетин.

— Постоим немного, — сказал Рампау.

— Зря все это, — сказал солдат Петр Живетин.

— Что зря? — улыбнулся Рампау. — Стоим зря?

— Все зря, — ответил Живетин, — и поехали вы зря, ваше немецкое благородие.

— Почему? — спросил Рампау. Ему стало интересно. Он сосредоточился, отвлекся от пейзажа. А волк все бежал недалеко от них.

— Потому что — ни к чему все это.

— Как же ни к чему? А перст?

— А что перст? Что ему сделается? Ну, отвалится перст. Так у нее этих перстов еще сколько хошь останется.

Рампау засмеялся.

— Как ты забавно мыслишь, братец, — сказал он.

— Вот увидите, ваше немецкое благородие, — злорадно ответил солдат.

— А почему ты не говоришь просто — ваше благородие?

— А потому, что благородие благородию — рознь. Одно дело — ваше благородие, другое — ваше благородие, немецкое. Оно нашего почище.

Наглая ухмылка откровенно теперь уже проступала на его плоском лице. Он понял, что Рампау не из тех, кто будет его кулаком бить по нахальной роже, — и куражился. Он был старый гарнизонный солдат. Тертый.

А волк все бежал по краю оврага и не собирался сворачивать. И бежал: он так еще долго-долго — так что надо было ехать дальше.

Рампау взглянул на восток, столь ясно сейчас отличимый, и ему показалось, что он видит на прозрачном холодном небе — у горизонта — острые верхи Рифейских гор...

Садясь в возок, Рампау сдвинул в угол сумку с книгами, которую всегда возил с собой. Это все была латынь — Сенека, Лукреций и другие иные, рассудительные люди. Рампау накрылся шубой. Возок двинулся. Рампау, закрыв глаза, стал сочинять стихи. Сначала он пробовал делать это по-русски, но сегодня не выходило. Тогда он перешел на немецкий.

III

Когда стало темнеть, ямщик повернулся и сказал:

— Заночевать надо. Деревня близко. Дальше не будет.

— Какая деревня? — спросил из-под шубы Рампау.

— Будных-Майданех.

— А что это значит?

— А ничего не значит. Старая деревня. Ничего не значит.

Деревня Будных-Майданех располагалась на трех небольших холмах. Когда возки въехали в нее, их окружали темные тяжелые избы, стоявшие без видимого порядка.

— Очень старая деревня, — оказал ямщик.

Он придержал лошадей.

Вот здесь всегда останавливаются.

— У старосты?

— Нет. Мужик просто. Алексей Иванов. У старосты плохо. Мышей много. И грязно. Господа не любят.

Сзади проскрипел и остановился рядом аптечный возок. Немой прыгнул бесшумно — только снег слегка заскрипел. Рампау посмотрел — немой стоял и смотрел на него, глаза у него блестели в темноте.

Рампау стало как-то смутно, и он стал вылезать из своего возка.

Пока он сбрасывал тяжелую шубу, вылезал и доставал сумку с книгами, его ямщик уже вошел в избу и вышел обратно.

— Старуха дома, — оказал он. — Злая старуха.

— А где хозяин?

— Не говорит. Злая очень.

Они прошли через темные холодные сени. В избе было тепло. Лучина горела удивительно ярко. Никогда еще Рампау не видел, чтобы лучина горела так ярко. Пламя существовало ровно, без треска и брызг. Оно почти не шевельнулось, когда они вошли. Вся изба была им освещена. Большая изба. В ней помещалась огромная печь, жернова, полати. Много лавок стояло у стен. Возле печи была устроена какая-то загородка.

Старуха сидела на лавке под образами. Ничего не делала. Просто сидела и смотрела. Когда они вошли, она встала и быстро поклонилась.

— Очень старая старуха, — шепнул ямщик.
— И ты старый будешь, — сказала старуха.
Ямщик засмеялся.
— Старая какая, а все слышит. Ишь, какая старуха.
— Ты уже сговорился? — спросил его Рампау.
— А как же, ваше благородие, — сказал ямщик.
Ямщик принес сундучок с провиантом. Они поужинали. Рампау за столом. Ямщик на лавке. Рампау, как всегда после зимней дороги, выпил водки и угостил ямщика.
— А где солдат? — вспомнил он.
— Спит, ваше благородие. У него свои припасы. Не просыпается.
— А немой?
— С конями улегся. В сарае. Не любит с людьми.
Ямщик стал убирать со стола. Рампау подошел к старухе.
— Где же хозяин, бабушка? — оказал он. — Где Иван Алексеев?
— Нету нынче, — ответила старуха.
— А где же он?
— Не знаю.
— А жена его где?
— Придет, — ответила старуха и в первый раз посмотрела ему в лицо. — Придет.
Рампау прошелся по избе. Старуха, видимо, не собиралась ему стелить. Она встала, сменила лучину снова села.
— Принеси шубу, — сказал он ямщику.
Удивительно ярко горела лучина. Он подошел к образам. Они были такие древние и закопченные, что разобрать что-либо на них было невозможно.
— Ты откуда, батюшка? — сказала старуха. — Ты, видать, иноземец?
— Я из Германии, — оказал Рампау, улыбаясь. — Мой город — Эрланген.
При звуке этого имени сердце его защемило. Но скоро прошло. Вернулся ямщик. Он бросил на лавку шубу и собрался уходить.
— Ты куда, братец? — спросил Рампау.
— У меня тут есть где переночевать, — хитро улыбнувшись, сказал ямщик. И ушел.
Рампау расстелил на широкой лавке шубу и сел на нее.
— Ты, стало быть, батюшка, лекарь? — спросила вдруг старуха.
— Лекарь. А у тебя болит что?
— А раз ты лекарь, скажи — отчего это невестка моя, Алена, двадцать лет с мужем живет, а детей не родит. Нет. И все сохнет. А, лекарь?
Рампау развел руками:
— Как же я могу, ее не видевши, сказать?
Старуха, видимо, обрадовалась.
— Не знает лекарь. Нет. Не знает, — забормотала она, отворачивая от него свое маленькое мягкое лицо.
Вошла женщина. Когда она скинула платок, Рампау увидел, что она худа и болезненна с виду.
— Ты — Алена? — спросил он.
Женщина кивнула. И только тут Рампау заметил, что за ней тихо стоят три овцы. Она сдвинула загородку, пустила овец туда. И снова задвинула. Посмотрела на Рампау и сказала:
А то померзнут.

— Какая ты худая, — сказал Рампау, — нельзя так тяжело работать. А то и не родишь.
Алена посмотрела на старуху.
— Порча у меня, — сказала она.
— А где твой муж?
— Нет его нынче. Ложись, барин. Спать пора.
Она подошла к печи, сняла с нее короб и, вынуд оттуда крохотного ягненка, пустила его в загородку.
Потом залезла на печь. Старуха дунула на лучину.
Рампау снял сапоги и вытянулся на скамье. В избе было жарко. У него слегка кружилась голова.

IV

Он проснулся и некоторое время лежал в душной темноте с открытыми глазами. Нет, ему не почудилось. Он действительно слышал брань. Тоненький нежный голос бранился отвратительными русскими словами. Ямщицкими словами, или солдатскими.

— Алена, — позвал Рампау.
— Чего? — ясным голосом ответила Алена.
— Кто это бранится?
— Ягненок, — ответила Алена.

Рампау сел. Простота ответа и ясный Аленин голос испугали его. Овцы в загородке возились, стучали чем-то металлическим и что-то бормотали.

Рампау высек огонь и зажег лучину. Старухи не было видно. Овцы из загородки смотрели на него блестящими злыми глазами.

— Алена, — сказала одна овца хрипло. — Почто немца к нам пустила?
— Что, немец, удивительно тебе? — сказала другая.

Рампау почувствовал такой ужас, что его затошнило. Он прижал руки к горлу и удержался.

— Алена, — прошептал он, — что это?
— Что это? — тонким голосом передразнил его ягненок.
— Холодно на дворе, мороз, — оказала одна овца.
— Алена, — сказала другая, — выгони немца на двор.
— Чего это я его погоню, — сказала с печи Алена, — он ведь тоже человек.
— Какой абсурд, — вслух сказал Рампау, — я угорел, должно быть.

Лучина горела тускло, дымно. Он плохо ее зажег.

— Что же это, Алена? Это еретичество какое-то! Еретичество? Он ли говорит это? Пристало ли ему, просвещенному...

— Еретичество, — засмеялась овца и обнажила длинные редкие зубы.

Рампау выбежал во двор. Было темно. Но возки были еще темнее и хорошо видны. Он подбежал к аптечному.

— Петр Живетин! — закричал он. — Солдат!

Петр Живетин отозвался сразу.

— Что стряслось? — спросил он.

— Идем со мной, — сказал Рампау.

«Это мне померещилось, — думал он, обдуваемый морозом, — этого не может быть».

Они вошли в избу.

— Солдата привел, — оказала овца. Другая засмеялась.

— Дурак — немец! — сказала третья.

Рампау повернулся к солдату и схватил его за плечи.

— Петр Живетин, что это? — оказал он.

Солдат высвободил плечи.

— Не знаю, — сказал он. — Это бывает.

Он сел на скамью.

— Ежели они вам мешают, ваше немецкое благородие, — сказал он, — я их сейчас в хлев погоню.

Овцы забормотали и сбились в кучу.

— Ну что, дьявольские отродья? — сказал солдат. — Не знали, что я здесь?

Овцы не отвечали.

— Вот в хлеву поодумаетесь, — сказал Петр Живетин.

— Иван Карлович, — сказала вдруг одна овца. — Господин Рампау, не вели меня в хлев гнать, меня Федором зовут.

— А меня Гаврилой, — сказала другая.

— И меня Гаврилой, — сказала третья.

— Боже мой! Замолчите! — прошептал Рампау. — Что же это?

Он почувствовал сильную слабость и откинулся на лавку.

— Я же вам говорил, ваше немецкое благородие, что зря все это, — сказал Петр Живетин.

Но Рампау не мог ему ответить. Он спал. И во сне, а может, только отчасти во сне, — говорил с собой.

Он говорил, что не так жил. Что ничего не понимал. И ему было горько и стыдно. Все было неправильно

— говорил он себе, — какой позор...

И вдруг он снова проснулся и, не открывая глаз, сказал:

— Эрланген! Боже мой! Эрланген!

И ему стало так горько и так печально, и таким чужим почувствовал он себя, что заплакал. И понял, что надо уезжать — от этой горечи и стыда.

Лучина все еще горела. Солдат Петр Живетин спал, привалясь спиной к стене. А овцы, молча, смотрели на них из загородки.

P.S. Вернувшись из поездки, Иоганн Рампау, надеясь избавиться от наваждения, подал в провинциальную канцелярию города Шацка рапорт, где все рассказал.
Рапорт сохранился...

ДАРЧИАШВИლი ალიკ

Грузия

Родился в 1955 г. в Тбилиси. Инженер-металлург. Поэт. Окончил металлургический факультет Грузинского политехнического института. Печатается с конца 80-х гг. Пишет стихи и прозу на русском и грузинском языках.

გარი თევდორეს მონოლოგი

მეფე შატილს გადავმალე
მე კი ისევ დავძრწი ტყე-ტყე,
ხან მდინარე გადავლახე,
ხანაც მიწას დავეხეთქე.

აღარ ვიცი ახლა სად ვარ
მაგრამ უნდა ავდგე თორემ,
მხოლოდ ერთი ღამის სავალს
თორმეტი დღე მოვანდომე.

და როდესაც ავდექ ფეხზე,
ცხრაჯერ მწარედ გავიციინე,
მაინც მომკლეს, მაგრამ ბედზე
ცხრა ლახვარი ავიცილე.

სამშობლოს კი ადევს მტვერი,
ჩემი სისხლით შენაფერი,
თორმეტი დღე ვმწყემსე მტერი,
რა შევცვალე? – ვერაფერი.

2003

როგორ ვერ მოკლეს ქართველებმა ილია

ეტლი წინამურს გაცდა,
ილია თვლემდა, მკვლელი,
რადგან მობეზრდა დაცდა,
მწყემსებთან სვამდა არაყს.
ილია თვლემდა, ირგვლივ
ბალახს ეფინა მტვერი,
სალამო იყო მშვიდი,
წყლები მიჰქონდა არაგვს.

მკვლემა ჯერ შესვა ყანნი,
მერე მან შესვა ბოცა,
მერე აგინა მწყემსებს
მწყემსებმა სცემეს იქვე,
ეტლი წინამურს გაცდა,
ილია თვლემდა, როცა
ის არშემდგარი მკვლელი
ტალახში ეგდო პირქვე.

მშვიდად გადიან წლები,
ილია თვლემდა, ისე,
მისთვის სასროლი ტყვია
ვილაც სხვას მკერდით დააქვს,
ბალახს ეფინა მტვერი,
წყლები მიჰქონდა ისევ
დედა მდინარე მტკვარს და
მამა მდინარე არაგვს.

2000

როგორ მოკლეს ქართველებმა ილია

... როგორ და მშვიდად, წინამურთან, გზად მიმავალი,
სულ ერთი ტყვიით, საიმედოდ, გულდასმით, კარგად,
როგორც ივანე მაჩაბელი მოკლეს მანამდე,
როგორც პაოლოს ან ტიცციანს მოკლავდნენ ალბათ.

... როგორ და დინჯად, გაოგნებულ მეუღლის თვალწინ,
ჩოხის კალთებზე იმშრალებდნენ სისხლიან ხელებს,
როგორ და ისე, როგორც უნდამოკლას კაცი,
ისევე როგორც ჯავახიშვილს მოკლავენ მერე.
... როგორ და წყნარად, როგორც კლავენ მხოლოდ ყასბები,
და რადგან ჩვენთვის კაცის მოკვლა არის იოლი,
მოკლეს ისევე უდარდელად, როგორც ყაზბეგი,
და თითქმის ისე, როგორც მოკლეს გალაქტიონი.

2004

ЗЫСЛИН ЮЛИЙ

США

Родился в 1930 г. в Москве. Кандидат технических наук, автор 18 изобретений, трех сборников стихов («Долги», «Штрихи», «Блики») и сотен песен на стихи более 50 русских поэтов и на свои стихи. Многие годы по доброй воле занимался в России пропагандой русской культуры, с апреля 1996 г. этим же занят в Америке. В России – это организованные и проводимые в Москве «Музыкально-поэтический клуб «Свеча»» (180 тематических встреч, 1978-1995 гг.), Фестиваль авторской песни на стихи Марины Цветаевой (12 концертов, 1993 г.; фестиваль повторен в Америке, 9 концертов, 2003 г.), литературно-музыкальные программы под гитару «Русская поэзия в песнях и романсах» (300 выступлений в России, 400 в Америке, несколько выступлений в Израиле, Париже, Афинах), записи на радио и телевидении, более 200 художественных публикаций в газетах и журналах России, США, Украины, Израиля. Создал «Вашингтонский музей русской поэзии и музыки», «Аллею русских поэтов и композиторов», инициировал создание русского отдела в новом здании Центральной Публичной библиотеки Монтгомери каунти штата Мэриленд США, а также «Русские сезоны камерной музыки в Вашингтоне».

Я МУЗЫКУ СТИХА ЛЮБЛЮ

Люблю простой, неброский стих,
Улыбчатый и нежный,
Мне ближе безыскусный стиль,
Как школьница, прилежный.
Я музыку стиха люблю,
Ее дыханье, вздохи,
Где искры мудрости ловлю
Сачком души-пройдохи.
Мне чудится зеленый дол
В стихе, что словно песня,
В которой сны, грехи и боль -
И им совсем не тесно,
Где солнца луч струной звенит
И листья в просветленьи,
И женщина одна стоит
Немного в отдаленьи,
Где стонет, плачет и поет
Извечная гитара -

Она щемящей грусти мед
И свет надежд нам дарит.
Так пусть прозрачная строка
Без кучерявой мути
Нас увлекает в облака
И приближает к сути.

АПРЕЛЬ В РОКВИЛЕ

(четвёртый день в Америке)

Лепестки на шоссе, что снег, —
прогуливаются.
День четвёртый, как человек,
прислушивается.
Вот звучит в саду пересвист —
птички шастают.
Говорят: «Человек, проснись,
радуй ласкою».
Белки серые, словно дым —
всё туда-сюда.
Без конца на них мы глядим,
не нарадуемся.
Под окном солдат - мощный кедр —
охраняет нас.
Ох, красив, пушист, наш сосед,
он ласкает глаз.
А азалии — ярок цвет —
одеяльные.
Вишни, яблони — числа нет —
идеальные.
И газоны, кусты блестят,
все подстрижены.
И дома стоят к ряду ряд,
свежевыкрашенны.
Короли-машины шуршат,

как игрушечки,
Как-то плавно бегут, спешат,
огней пушечки.
Зелень буйная не в узде,
воздух властвует.
Автостоянки везде
просто царствуют.
Магазины – каждый музей –
суетливые,
Развлечение для детей –
говорливое.
Дождь весенний совсем не спит,
улыбается,
Пошумит слегка, помолчит,
вновь принимается.
Впереди, говорят, нас ждёт
жара страшная,
На неё пойдём, как придёт, –
врукопашную.
А пока что вокруг весна
красит улицы,
Своевольная, как волна,
часто хмурится.

ТОПОЛИНЫЙ ГОРОД МОЙ

(фрагмент текста песни)

Я теперь в другой столице,
Где Москва мне только снится,
Где черешня белым ситцем
Покрывает всё весной.
Здесь дубравы величавы,
Солнце щедро привечает,
Но тебя мне не хватает,
Тополиный город мой.
Мне Москву не забыть,

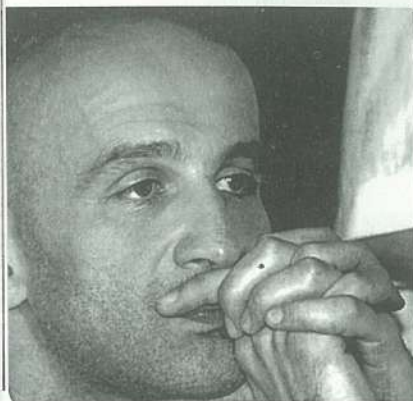
Не пристало где жить.
Пусть Москва, страсть моя,
Тоже помнит меня.

НАБРОСОК С НАТУРЫ

Журавли, курлыкая, летели,
В подмосковном небе строя клин.
Взгляд мой удивленный, ошалелый,
Как магнитом, был притянут к ним.
Нитка, прошивая поднебесье, -
То рвалась, то склеивалась вновь,
Словно бы невидимый кудесник
Рисовал по голубому бровь.

Скрылся клин, и небо онемело,
Будто свою душу потеряв.
Осень, сентябрем красуясь, тлела
В окруженьи пестрых одеял.

Мне б хотелось вместе с птичьей стаей
Над землей осенней пролететь,
Чтобы след в чужой душе оставить,
Чтобы ветром теплым прозвенеть.

ნატაშვილი შოტა

Грузия

Родился в 1966 г. в Тбилиси. Поэт, прозаик, переводчик, арт-критик. Автор 8 поэтических сборников, 3 сборников рассказов и одного романа под псевдонимом. Выпустил два сборника переводов «Американские поэты» и эссеистику Сьюзен Зонтаг. На грузинский язык перевел современных русских поэтов: Д. А. Пригова, А. Алехина, А. Анашевича, С. Львовского, Е. Фанайлову, М. Амелина, И. Кузнецову, И. Кукулина и других. В 1993 г. в «Дружбе народов» была напечатана его повесть «Больной город» (перевод Александра Эбаноидзе). В 2000 г. принимал участие в фестивале нового грузинского искусства «АртГруз» (Москва). В 2004 г. вместе с российскими и украинскими писателями принимал участие в проекте «Шелковый путь поэзии» (Одесса-Поти-Батуми). Работает в Центре культурных взаимосвязей Груз. «Кавказский дом» главным редактором издательства и литературного журнала «Альтернатива». Кроме русского, его произведения переведены на английский, немецкий, французский, нидерландский, румынский, албанский, азербайджанский и армянский языки. Лауреат премии «Саба» за лучший поэтический сборник года (200

ლირიკა

შენი თოჯინაა ლირიკა,
კაბას ხდი და აცმევ, ვარცხნი,
იჭერ ცალი ხელით და აყირავებ,
რათა მინაბოს თვალები,
მეორე ხელის თითებით კი
აპრეხილ წამწამებში წასწვდები ხოლმე
და ცალ თვალს ახელინებ,
ცივად მომზირალს,
გაუგებარი ფერისას —
ახელინებ ახუჭინებ და
ახუჭინებ ახელინებ,
მოგწყინდება და ისევ წინ ისვამ,
მაგიდაზე,
ძველებურად თვალებდაჭყეტილმა
რომ შემოგხედოს,
შენ კი დააწყვიტო კიდურები და
ხელები ფეხების,
ფეხები კი ხელების
ადგილას მიაბა —

ჰო, შენი ასეთი თოჯინაა ლირიკა,
მოშლილი მუცლით,
ისეთი მოშლილით, რომ
როცა აყირავებ,
ტირის კი არა,
საერთოდ აღარ იღებს ხმას,
მხოლოდ ცალ ქუთუთოს ამოძრავებს,
თვალს აპაჭუნებს თითქოს და
რალაც საიდუმლო — იქნებ ცხოვრების? — იცის,
შენ კი შენს საექიმო ყუთს
ხსნი საპასუხოდ,
და გულის უსინჯავ ფონენდოსკოპით,
და შპრიცს უკეთებ
ბარძაყის ადგილას მიბმულ მკლავში —
უკეთებ და გრძნობ,
როგორ მშვიდდება იგი,
და მშვიდდები შენც,
ხედები რადგანაც,
ასეთი თოჯინა უნდა იყოს შენი ლირიკა,
თმაგანენილი და
ალუბლის მურაბით განებილი
კაბით შემოსილი,
ცალთვალამოგდებული,
მუცელმოშლილი და
ხელფეხარეული.
ასეთი თოჯინა უნდა იყოს შენი ლირიკა,
სანამ თავს არ დაანებებ
სიყვარულს,
შპრიცს,
თოჯინებს...
თოჯინებით თამაშს.

ЛИРИКА

Твоя кукла — вот твоя лирика,
платье снимаешь и одеваешь, причесываешь,
держишь одной рукой и переворачиваешь,
чтобы прикрыла глаза,
второй руки пальцы же
за загнутые ресницы, бывает, схватишь,
и один глаз заставляешь открыть
холодно глядящий,
непонятного цвета,
открываешь ей — закрываешь и
закрываешь — открываешь,
надоест — и опять перед собой сажаешь, на стол,
по-прежнему вытаращенными глазами,
чтоб посмотрела на тебя,
ты же оторвала ей конечности и
руки на место ног
ноги на место рук
приделала.

Да, вот такая твоя кукла Лирика.
с вывороченным животом,
с таким вывороченным, что
не то, что плачет,
вообще не подает голоса,
только двигает одним веком,
подмигивает, будто
какую-то тайну — может быть, жизни? — знает,
ты же свой докторский саквояж
открываешь в ответ,
и сердце проверяешь фонендоскопом
и укол делаешь
в руки, приделанные к бедрам —
и чувствуешь,
как она успокаивается,

и ты успокаиваешься тоже,
 понимаешь, что
 твоя лирика должна быть именно такой куклой:
 с растрепанными волосами,
 одетая в платье,
 измазанное вишневым вареньем,
 с выбитым глазом,
 вывороченным животом,
 и руками, которые перепутаны с ногами.
 Такой куклой и будет твоя лирика;
 пока не забудешь о
 Любви,
 уколах,
 куклах...
 и о том, что с ними надо играть.

Перевод Ильи Кукулина

შორი პური

ადამიანი მოვიდა შენთან და ჩაგეხუტა... შორი პური
 პური ჩამოდო მაგიდაზე, გამოიარა რაღაც მანძილი,
 მოვიდა შენთან, ჩამოგისვა სულზე ცოცხი და ჩაგეხუტა...
 ადამიანი მოვიდა შენთან... მანამდე პურის მაღაზიაში
 იყიდა პური, გამოვიდა დილის ქუჩაში,
 გადმოჭრა ქუჩა, მოვიდა შენთან,
 ჩამოგისვა შუბლზე სიზმარი და ჩაგეხუტა...
 ადამიანი მოვიდა შენთან.. თვალი ჰქონდა პატიოსანი და
 პური თბილი...
 ის გამოაცხო ცხელ თონეში, ნიფლის შეშაზე,
 მერე ხელისწვით ამოიღო, გამოიქცა ალიონის
 მშვიდ სივრცეში, მოარბენინა შენს მაგიდამდე,
 ყვავილების ქოთანსა და მანვნის ქილას შორის ჩამოდო,
 მოვიდა შენთან, ჩამოგისვა გულზე ფქვილი და ჩაგეხუტა...
 ადამიანი მოვიდა შენთან... მანამდე, წინდლით,
 მოიკიდა ზურგზე ტომარა, წისქვილს წავიდა
 დოლაბების სამზერლად და წყლის ჩხრიალის მოსასმენად,

ხორბალი კი ჩამოიფეკვა, როგორც იყო ძველი წესი
 და რიჟრაჟზე მენისქვილეს დაუქნია ხელი კაცმა,
 ნამოვიდა შენი სახლისკენ, გზად ლავაში გამოაცხო,
 მოვიდა და ჩამოგიდო მაგიდაზე,
 ჩამოგისვა ტუჩზე სითბო და ჩაგეხუტა...
 ადამიანი მოვიდა შენთან... შორეული ყანებიდან
 ნამღერი და ნაჯაფარი მოვიდა შენთან...
 არაფერი მოჰყოლია სიმდიდრე ბევრი...
 მხოლოდ ერთი თბილი პური...
 ის ჩამოდო მაგიდაზე, მოვიდა შენთან,
 ჩამოგისვა მინა ცაზე და ჩაგეხუტა...
 ადამიანი მოვიდა შენთან... ნაბიჯი ჰქონდა პატიოსანი და
 ხელი დიდი...
 მან ჩამოგისვა სულზე ცოცხი, ჩაგიხუტა და
 სამომავლოდ ერთი პური კიდევ აღგიტევა...

ДАЛЕКИЙ ХЛЕБ

Человек пришел к тебе и прижался...
 положил хлеб на стол, малое миновав расстояние,
 подошел, прошелся по твоей душе веником и прижался ...
 Человек пришел к тебе...
 До этого в булочной хлеб купил,
 вышел в утренний город,
 шоссе пересек, пришел он к тебе,
 коснулся лба твоего сновидением и прижался...
 Человек пришел к тебе...
 И был у него глаз, как драгоценный камень,
 и теплый хлеб...
 Он его выпек в горячем тонэ¹, на буковых дровах,
 обжигая руки, достал и выбежал прямо в зарю,
 в раннего утра прохладу спокойную,
 и принес к столу твоему,

¹Тонэ – специальная печь, где выпекают грузинский хлеб.

положил между вазой цветочной и банкой мацони,
пришел к тебе, твое сердце помазал мукой и прижался...
Человек пришел к тебе...

А вчера он навьючил мешок на себя и пошел на мельницу
послушать воду, посмотреть на жернова,
и пшеница помолота, как положено по старым обычаям;
и на рассвете он мельнику помахал рукой на прощание,
к твоему дому направился, лаваш испек по пути,
пришел, положил хлеб на стол,
по твоей губе прошелся теплом и прижался...
Человек пришел к тебе...

Из далеких полей, перепев песни, потрудившись,
пришел он к тебе...

Не принес большого богатства...

Лишь один теплый хлеб...

Положив его на стол, он пришел к тебе,
помазал землей небо и прижался...

Человек пришел к тебе...

Его шаги были честными и
руки большими...

Прошелся он веником по твоей душе и прижался, и
в будущем еще один хлеб обещал ...

Перевод Инны Кулишовой

მოსკოვური ეკლესიის ზარები როცა
წკარუნობენ კოვზებივით,
ისე, თითქოს ისევ ვურევ ჭიქაში შაქარს,
ძილი ლამის და ფორმები ზმანებული —
შაქრის კუბური ნატეხები საშაქრეში
რაა ნეტავ,
კრემლის კედლის
ცოდვებისაგან განწმენდილი აგურები,
თუ მაკეტები იმ სულღია კომპოტერების,
რომელთანაც მსხდომმა თავზე შაქარნაყრილმა
გოგონებმა საბოლოოდ დააკონცეპტეს

ერთკვირიანი ჩემი ყოფნა
ფერადქსელიან მეტროს სქემებში...

Колокола московских церквей
ложечками звенят –
словно в стакане сахар мешаю,
минутный сон, неясные формы
кубиков в огромной сахарнице –
что они теперь?

То ли омыты кремлевские
кирпичи от грехов и теперь просвечивают,
то ли прозрачные системные блоки, –
у этих компьютеров – души нараспашку,
а перед мониторами –
девушки с обсахаренными головами
сидят и окончательно
превращают в концепт
недельное коловращение меня
в разноцветных схемах метро.

Перевод Ильи Кукулина

დამიზავირა

დამიზეპირე დღეს სალამოს.
მერე დაწექი, დაიძინე.
დილით, როგორც კი გაიღვიძებ,
გამიმეორე.
მე ვინვები შენს გვერდით და
ტკბილად ვიძინებ.
სიზმრად გნახავ ჩემზე თავდახრილს და
მოზუტბუტეს.
გნახავ, როგორ უყვები ჩემს თავს
ხეებს, ვარსკვლავებს.
როგორ გადიხარ ქალაქში და

ყოველ შემხვედრს აბარებ საგანს,
სახელად „შოთა“.

დამიზეპირე ყოველ საღამოს.
მერე იძინე ან იფხიზლე,
ხოლო დილით
ჩამაბარე ხალხსა და ნივთებს,
ლოცვას,
ბალახებს.

იქნებ ლექსი ვარ,
იქნებ კაცი,
იქნებ ბამბუკი.

დამიზეპირე.
ან ბოლო-ბოლო დამიზუთხე —
მე ესეც მანყოფს.

ВЫУЧИ МЕНЯ НАИЗУСТЬ

Выучи меня наизусть,
После ложись и усни.
А утром, проснувшись,
Прошу, повтори.

Лежа рядом с тобой,
Сладко уснув,
Я вижу тебя во сне склоненной
Над моей головой и бормочущей что-то.
Увижу, как ты
Меня звездам расскажешь
И длинным деревьям, как ты
Станешь сдавать предмет
По имени “Шота”
Каждому встречному.

Учи меня каждую ночь,
После усни или бодрствуй,
А утром
Сдай меня людям, вещам,
Молитве,
Траве.

Возможно, я стих,
Человек
Или вовсе бамбук.

Учи меня наизусть.
Иль вызубри просто.

Перевод Кети Чухров

ИСАЕВА ЕЛЕНА

Россия

Родилась в 1966 г. Поэт и драматург. Лауреат молодежной премии «Триумф». За пьесу «Про мою маму и про меня» стала первым лауреатом премии «Действующие лица» (2003 г.), а радиоспектакль (Радио России) по этой пьесе стал лауреатом Международного фестиваля Европейского радиовещательного союза «Приз Европы» в Берлине (2004 г.). Участница поэтических фестивалей и фестивалей современной драматургии «Любимовка», «Новая драма», «Документальная драма». Спектакль «Достор» по ее пьесе получил Гран-при «Новой драмы»-2006. Стихи и пьесы переведены на многие языки.

Я слышу звук. И я иду на звук.
И тетива сгибает тонкий лук.
Оленье племя покидает луг.
И звёздный циркуль завершает круг.
Я слышу звук. Он так упруг и чист.
И ноту верхнюю легко берёт солист.
Поток воды – на слух – вполне искрист.
Всё умещается в один тетрадный лист.
Прости меня. Сквозь эти свет и тьму,
Печаль и смех, свободу и тюрьму...
Я слышу звук. И я верна ему.
И больше в целом мире – никому.

В преддверье нового романа
Она смущается слегка.
И капитан катамарана
Ей наливает коньяка.
А я... А мне какое дело?
А я стараюсь не смотреть...
Золотозубый, загорелый:
Взглянуть - и тут же умереть!
Он безупречен, вежлив, гибок,

Считает долгом предложить
С ним переспать. И ночь ошибок
Ее сегодня закружит.
А я... Я правильная очень.
И это видно за версту.
Я не привыкла шляться ночью
В курортном городе, в порту.
Я так эффектна с белым бантом
На фоне моря голубом -
Уйду - и смотрит вслед команда,
И усмехается старпом.

Моя любовь, как тот лисенок,
Которого спартанский мальчик
Украл и под одеждой прятал.
Лисенок был неприрученным,
Лисенок острыми зубами
Ему все внутренности выгрыз.
Но мальчик был воспитан Спартой -
Он знал, что в воровстве признаться
Нельзя. И молча, неподвижно
Стоял. Стоял, пока не умер.

За печаль, что не вместить,
И за муки, что не меряем,
Бога хочется простить
И не мстить ему безверием,
Даже если здесь, теперь
Вновь друг друга не обрящем мы.
Изо всех моих потерь
Все потери - настоящие.
Но когда с лучом косым
Над пророчеством кукушечным,

Выспавшись, хохочет сын -
Все мне кажется игрушечным.
И уверена вполне,
И не надо подтверждения,
Что отпущено по мне
Мое местонахождение,
Что не грежу наяву,
Убегая от отчаянья,
Что я с теми жизнь живу,
С кем должна - не со случайными,
Что на голову мою
Ниспадает небо сивое,
Что мы встретимся в раю -
Молодые и красивые!

Давай говорить о тебе и о литературе,
О месте твоём в мировой перекличке имен.
И кофе из чашечек цвета немойтой лазури
Давай допивать, рассуждая о том, что спасен
Поэт уже тем, что когда-нибудь кто-то и где-то
Стихи прочитает и станет счастливым на миг,
Сраженный созвучием с внутренним миром поэта.
Пространство и время всегда побеждает язык.
Давай помечтаем о том, как уедешь надолго,
А я буду жить в этом Богом забытом краю...
Ну, что ж ты не скажешь, что черная эта футболка
Загар оттеняет и светлую челку мою!..

Меня не любили поэты -
Поэтов любила сама.
Любовью ничьей не воспета,
Я их обходила дома.
Не мучила, ночью не снилась,

Не злилась, практически, нет,
Когда оценить доводилось
Не мне посвящённый сонет.
И ни для кого не обуза,
Беспечно кивнув головой,
Я, словно ничейная муза,
Ночной улетаю Москвой.
И где-нибудь вовсе некстати,
На чьих-то несомых руках,
Я слушала о сопромате,
Об опытах на червяках.
И рифмы ко мне приходили,
Качаясь на гребне строки...
Меня инженеры любили,
Биологи и моряки!

Я спросила: «Ты меня больше не любишь?» -
И в ответ услышала утвердительное молчание.
И мы расстались.
С тех пор я никогда не задаю вопросов,
Никого не заставляю задумываться над ответами.
И все меня любят.

Забывала реалии все я
Нашей жизни и слушала лектора.
И влюблялась не в Одиссея -
В Гектора.
Потому что он погибает,
Потому что жена и сын, а не всякие там Калипсо,
Потому что по женщинам, словно по кочкам ступая,
не потопляем,
Одиссеей обязательно выплывет, выкрутится, возвратится.

Возвратится не оттого, что так дорога Итака,
А потому что смысл всех дорог – в одном возвращении.
И я выходила вечером под медленный снег с журфака
И смотрела на ждавшего меня мальчика –
 снизу вверх – с восхищением.

И был он совсем не Гектор, а типа
Парня с Итаки, потому что в реальности, в юности, знаешь,
Жизнь мелькает картинками – наподобие клипа,
И ничто постоянное неинтересно,
 а интересно то, что теряешь и возвращаешь...
 Теряешь и возвращаешь...

Я была ещё глупая, не того я держалась вектора.
Я не знала, что сколько ни мучайся, ни умирай вся,
Потерять навсегда, до конца можно только Гектора,
А Одиссея, не потеряешь, как ни старайся...

Моя ранняя любовная лирика
Так и норовит перейти в постпозднюю:
Водит меня по кофейням,
Смотрит ностальгическим взглядом,
Дарит конфеты «Коркунов»
(Таких в нашей юности не было).
Всё равно ничего у неё не получится!
Но пасаран! Враг не пройдёт!
В огне брода нет!
Победа будет за нами!..
... Ну, разве что только вот это
одно стихотворение,..
Да и то - верлибром.

КОБРИН ЮРИЙ

Литва

Родился в 1943 г. Поэт. Заслуженный деятель искусств Российской Федерации (2005), Кавалер Рыцарского креста ордена Великого князя Литовского Гядиминаса (2003). Учредитель МФРП. Заместитель председателя правления МФРП. Официальный представитель МФРП в Литве. Проживая в Литве, представляет русскую литературу, ведет мастер-класс в Вильнюсском государственном университете, возглавляет жюри литературных конкурсов. Первые публикации относятся к апрелю 1961 г., вошел в большую литературу с благословения Арсения Тарковского, давшего в 1966 г. рекомендацию для вступления в Союз писателей. «В искренности поэта никогда не сомневаешься. Его речь метафорична в мере, которая свойственна русской советской поэзии последнего десятилетия», – писал выдающийся мастер. Другой мастер, Эдуардас Межелайтис, сказал в предисловии к книге стихов «Мостовые», изданной в 1991 г. литовским издательством «Вага»: его стихи “разнообразны без пестроты, современны без модернизма и старомодны без снобизма”.

РУССКАЯ ПОЭЗИЯ

А. Битову

Что такое русская поэзия?

Это каждый день ступать по лезвию,
властвовать собой и знать безумие,
айсберг расплавлять в жерле Везувия!
А ещё – высокое смирение
и гордыни дерзкое сомнение,
противленьё Богу, с сердцем битва,
а в конце – раскаянье, молитва.

Что такое русская поэзия?

В дебри разъяснений не полезу я.
Лучшие читатели империи –
бенкендорфы, дубельты и берии...
В каждую строфу ломились в гости
так, что женских рифм трещали кости!
Знали даже скрытых в неизвестности
сыновей и пасынков словесности.

Что такое русская поэзия?

Девочка в цветах босая, резвая
и шалава грязная, запойная,
грусть-тоска по родине разбойная,
белый вальс, смущенье гимназистки,
жар любовный в скомканной записке.
Что такое русская поэзия?
Душ сгоревших белая магнезия,
ночи без ночлега с папиросами,
жизнь с неразрешимыми вопросами,
искорка, погасшая под бровью
вслед за потухающею кровью,
запятые, точки бесполезные,
строчки с самой юности любезные
Пушкина, Кольцова, Пастернака,
выгнанная на мороз собака...

15.10.99

МОНОЛОГ ДРУГА

Михе Квливидзе

Снова Джвари всплывает
над мцхетским предместьем, ущельем,
и гортанно Арагви
рокошет в сквозной тишине,
срезал с неба звезду
сталью острою месяц ущербный,
купол Светицховели
в росе, ирреальном огне.
сколько ж шел я сюда,
сколько выболел, прежде чем понял-
неприступные горы
доступней, чем сердце твоё.
Я прощенья молю
и последней клянусь я любовью!
...но уже не могу
я свое изменить бытие...

Здесь на Кунцевском кладбище
сердца частица осталась,
внучкам в белой Москве
непривычен грузинский язык.
И крадётся за мною
волчицей несытой усталость;
да, не юноша я,
но ещё далеко не старик...
Ночью Джвари всплывает
над улочкой старой Арбата,
мне в огне ирреальном
мерещится цокот копыт,
и за все прегрешенья,
за все дорогие утраты
я хочу одного:
чтобы родиной не был забыт.

29.01.81

СОВРЕМЕННОМУ

Свое недовольство ты брось,
сомнений не надо невольных,
хозяин ты в жизни — не гость,
путей не ищи окольных.
Живёшь ты с огромной страной,
Испытан и счастьем, и болью.
Судьбою с ней связан одной
с поры детсадовской, школьной.
Какие грядут времена!
Нас в прошлом не переломила
ни выдуманная вина,
ни вражья недобрая сила.
Остался законом закон,
и сыну в глаза смотришь прямо.
Ты все совершил, чтобы он
от сердца страны не отпрянул.

Ты нежен к стране и суров,
в своих наблюдениях зорок.
И ей отдаёшь мыслей кровь
и пот, что и солон и горек.
Какие грядут времена!
Себе снисхожденья не просим
у будущего. Страна,
мы честно и строим, и косим.
С тобою нам жить на земле,
всё вынесли мы и стерпели.
Россия давно не во мгле
и не во вселенской метели.
Не наша с тобою вина,
что чудище обло, стозевно.
Какие грядут времена
на многострадальную землю?

1980

ПРИЗНАНИЕ

...и молодое
светится вино,
волнует
обонянье сулугуни.
Платаны, пальмы.
Всюду – зелень, но
сентябрь с гор
прохладой свежей дунул.
Вот
фиолетовый
ко сну отходит сад;
инжир
сладчайшим соком истекает,
Мне хочется
ещё чуть-чуть устать,

чтоб пасть без сил
на солнцем полный камень.
Кем стала,
станешь ты
в моей судьбе?
Ответит ли
напевный звук свирели...
Любимая,
ты знаешь
о тебе
не вспоминаю:

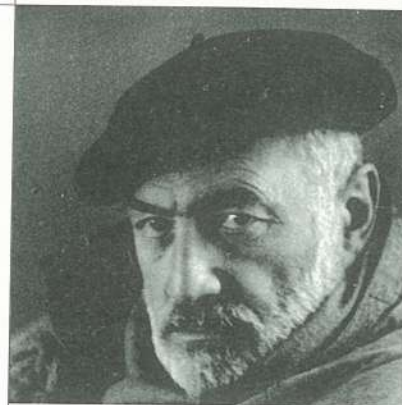
ты —
со мной всё время!
...над морем
разливается покой.
Так отчего
звезда в горах угасла?
Ныряю в волны
и ловлю рукой-
пусть тщетно!-
рыбку — призрачное счастье.
Цикады
ошалели у воды.
Всё в лунном свете
кажется прекрасным.
И ярче звёзд
Горят в саду плоды.
...и ничего
на свете не напрасно...

03.09.75

КОТЕТИШВИЛИ ВАХУШТИ

Грузия

Родился в 1935 г. в семье выдающегося грузинского ученого, художника, скульптора и общественного деятеля Вахтанга Котетишвили. Писатель, поэт, переводчик, доктор филологических наук, профессор, академик Академии педагогических наук Грузии, председатель Центра охраны и восстановления народного искусства. В 1937 г. отец был репрессирован и расстрелян. Его семья разделила трагическую судьбу лучших семейств Грузии во время сталинских репрессий. В 1954-1959 гг. Вахушти Котетишвили – доцент факультета востоковедения ТГУ. С 1962 г. – профессор кафедры иранской филологии. Печатается с 1956 г. Переводил с иранского, немецкого, русского, голландского, языков. Удостоен литературных премий Франции, Австрии, премии “Саба” (Грузия). В 2007 г. решением Иранской государственной комиссии вошел в шестерку лучших переводчиков с иранского языка, награжден правительственной грамотой Ирана. Издал 22 книги собственных произведений и переводов.

სიცოცხლე — ქვიშის საათი

მიახლოვდება სამოცდაათი
და, სამწუხაროდ, ვგრძნობ, რომ ვბერდები.
როგორც უბრალო ქვიშის საათი
ზემოთ ვიცლები, ქვემოთ ვბერდები.

ფიქრს მოსწყინდება რიალ-რიალი,
სულს გაეყრება ცოდვილი ხორცი.
დავრჩები ზემოთ სიცარიელე,
ხოლო ქვემოთ კი — პატარა ბორცვი.

2003

ბოლო განწყობილება

სინამდვილე მივატოვე
და ოცნება ვინამდვილე,
წლებს თმა-წვერი მივატოვე,
წლითი-წლობით ვიმარტვილე,
წილად მერგო სიმარტოვე
და ცხოვრების სიმარტივე.

აღარც მინდა რამეს ვმკიდე,
ყველაფერი სულერთია.
სულო ჩემო, ცოტა კიდეც:
იქით უკვე სულეთია.

1992

იქნებ

გზას იმედში ველარ ვიგნებ,
რა იქნება გაის ამ დროს?!
თუმც ვინ იცის, სულმა იქნებ
ერთხელ კიდეც გაიზამთროს.

დღეებს ვარაუდით მივდეც,
თანაც ვწრუპავ მიჯრით ღვინოს,
რომ მზის სხივმა ერთხელ კიდეც
სულში შემომიჭვრიტინოს.

ველარა ხტის გვარზე კვიცი,
უკანასკნელ ძალას ვიკრებ,
ვიცი, ყველაქერი ვიცი,
მაგრამ მაინც, მაინც იქნებ?!...

2001

***¹

Пятнадцать лет... Пятнадцать лет...
Для вечности ничтожно мало,
А в жизни человека – век...
И века этого не стало.

¹ამ ჩემს ერთადერთ რუსულ ენაზე ამოთქმულ ლექსს ვუძღვნი ხევსურეთში ჩემთან ფიცვერცხლით ნაძმობის, ცნობილი რუსი მწერლისა და ჟურნალისტის იაროსლავ გოლოვანოვის ნათელ სულს (Это мое единственное русское стихотворение я посвящаю светлой памяти известного русского писателя и журналиста Ярослава Голованова, с которым я побратался в Хевсуретии).

Пятнадцать лет - пятнадцать вех,
Пятнадцать пестрых, певчих весен...
А что осталось? – ложный смех
И тяжесть мхом обвитых весел...

А жизнь проходит, но не та...
Все как-то глупо, сложно, ложно...
Жизнь велика, но и ничтожна,
В ней Высший Смысл и Суета!

27.01.1972

КУБАНИШВИЛИ КОТЭ

Грузия

Родился в 1951 г. в Тбилиси. Окончил физико-математический факультет Тбилисского государственного университета. Печатается с конца 80-х гг. Переводчик англо-американской, русской, персидской поэзии. Автор более 20 поэтических сборников. Организатор встречи русских и грузинских писателей (Тбилиси, 2005).

შობა

გამოქვაბულში გარს ერტყნენ აკვანს
ძალლი აქლემი ძროხა და ცხენი
მწყემსები სცემდნენ შობილ ყრმას თაყვანს
მოგვებს კი მასთან მოჭქონდათ ძღვენი
ვერ შეაკავა სიბნელის შიშმა
თუმც რახილს ჰქონდა თვალები სველი
ზუსტად იმ ღამეს სინათლე იშვა
ცოდვებისაგან სამყაროს მხსნელი
გადარჩენილი ჰეროდეს რისხვას
და გულშემზარავ რახილის სლუკუნს
ბეთლემის თავზე ვარსკვლავი დიდხანს
შუქს უგზავნიდა სიბნელეს უკუნს.

2001

ორი რამ არის ქვეყნად მთავარი
არ დაგავიწყდეს კაცს არასდროს
ადამიანი ღორი არ არი
სიკეთე რომ არ დაამახსოვრდეს
მოდო მოვიყვან ამ აზრს ბოლომდე
სადმე შუაში რომ არ გამიწყდეს

ის არც კატაა რომ სიბოროტე
აღარასოდეს გადაავინყდეს.

როცა ინფექტი დედას მიტირებს
თუმცა ეს ფაქტი არ ღირს განცდებად
სამშობლო ნაღდად არ დამიტირებს
მაგრამ ახლობლებს გული დასწყდებათ.
ტომებსაც ალბათ არ გამოსცემენ
არ იმღერებენ ჩემს ლექსს ბენდები
ღირსების ორდენს მე არ მომცემენ
მაგრამ ძმაკაცებს გავახსენდები
რა ვუყოთ ფულში თუ არ მიმართლებს
და არ მქონია კუში მორტყმული
სამაგიეროდ ვამბობ სიმართლეს
ამდენი ტყუილით გარშემორტყმული.

რა კარგია რომ არა გაქვს ფული
ვერ დახარჯავ სულელურად ბევრს
რა კარგია რომ განუხებს გული
ზუსტად იცი რომ ჯერ კიდევ ძგერს
რა კარგია როცა გტკივა თავი
ესე იგი შიგ რაღაცა გაქვს
რა კარგია რომ დღე გადგას შავი
დღეს ხომ მეტად დააფასებ კარგს
რა კარგია როცა გტკივა კბილი
ესე იგი ველარ შეჭამ ხორცს
რა კარგია თუ არ გივლის შვილი
ხელს შენ თვითონ წამოავლებ ცოცხს
რა კარგია რომ არა გაქვს სახლი
ერთ ადგილზე ვერ გაიდგავ ფესვს
რა კარგია თავს რომ კედელს ახლი
ტკივილი ხომ გათქმევენებს ლექსს.

КУПИШОВА ИННА

Грузия

Родилась в 1969 г. в Тбилиси. Поэт, кандидат филологических наук, занимается журналистикой. Окончила с отличием факультет русской филологии Тбилисского государственного университета. В 1998 г. защитила первую в Грузии диссертацию по поэзии Иосифа Бродского. Одна из главных личных ценностей – его напутственное письмо. Публикации – в Грузии, Израиле, США, России, Европе. Стихи переводились на грузинский, английский, публиковались в антологии «Modern Poetry in Translation» (Лондон) и «An Anthology of Contemporary Russian Women Poets» (University of Iowa, USA). Переводит грузинскую и израильскую поэзию. Участник международных литературных фестивалей и конференций. В 2000 году в Израиле вышла книга стихов «На окраине слова».

у маршалов иные времена,
лицом к лицу лица не увидеть,
сейчас они идут не в бой, а на,
что правильной, ядрена, твою рать.

у них погон, что некогда сапог,
что касок, остающихся в пыли,
крови - всегда чужой, всегда в залог,
а надо же, ведь большее могли.

у маршалов иные имена,
поет обрубок в кресле у окна,
им всем идти бы, где бы ни бы... на,
и нет большого дела, где война.

А в нас, у нас, у них война везде,
пардон за рифму, завтрашний сержант.
И часовой, приставленный к звезде,
и рядовой, обрядовый, - лежат.

Они давно лежат, живы, мертвы -
неважно, лишь бы не было, увы,

зевают злые каменные львы,
и не сносить сержанту головы.

9.05.07

у русел ручьев русофильский наряд
бёрез - как готовы к хазарам стоят.
как воины в профиль предёрных веков.
межпаузность в "стало" и "плотью", и то в
лишь первом непереведенном, до стран.
акриды, что тезка его Иоанн,
не морщась, но взглядом того муравья,
который прополз вдоль реки до всея.
и прочерки, почерки, точки-тире
на этой готовой к хазарам коре.
в сказуемом непредсказуемом, не-
не подле лежащем, а там, в стороне,
и разом, и сказом - в лесо-наповал.
и пропасти пасть словно кто целовал,
вцепившись в замоленный вышний провал,
и Небо - что вечный Господний подвал.

Июль 2005

***¹

Янеттебе янет Тебе из волчьих вотчин.
Миф лиц, тиф лиц, Тифлис персидской хватки, днесь
я здесь, яздесь азьесть, и голос не отточен,
и грифель языка пылит, любви не счесть
ни с дел, ни с тел, низ душ болтается над раем,
и их имен не знать, неznать не знать, неznать.
Вот так, без никого, бестактно умираем,
и не предупредить, крестом сходя на ять.

¹Порыв, не повод, к стишку - убийство Анны Политковской (прим. автора).

Каких там Анн, Иван, не вывести за скобки?
Какими рабби быть, чтоб новичком воздеть
шалаш дырявых рук? Разучены раскопки
речей. Гидон, до дна допотопного! Се плетъ
небесная - она. Сей музыку араба,
гараж бескрышный, бес калиберных авто.
У либерти лицо нерусское - не баба.
Я проглочу Тебя. Не выследит никто.

Октябрь 2006

В этом городе, полном обмана,
растекающемся, как вино
из вверх дном перевернутых чаш
синих гор,
мимо дома летит Иавнана,
словно пух тополиный. В окно
бьются выстрелов звуки. Пейзаж —
это хор.

В этом городе с именем лисьим,
заслонившим чужой горизонт,
где беззвучен, бессилен, бесцелен
блеск ножа,
я не знала ни улиц, ни писем,
разносящих озон и азот
по расщелинам мыслей. И зелень
неспеша

обнаруживала оттенки,
на какие способен лишь юг.
И, задумчив, наивен, немолод,
заслан взгляд
в эти мимо плывущие гренки

летних дней, как шпион и ашуг.
И сочится зевающий город,
словно яд,

в мои вены, движения, раны.
Никуда за собой не зовет.
И ничто мне не больно, не странно.
Не разбавлю цикутую лед.
Струи сладкие Иавнана
не в мою бессонницу льет.

Июль 2003

N.N. - N.N.

Есть имена, которые надо забыть.
Как пятно от лужи, которой
свою территорию метит собака.
Не превращая и быт в событ-
-и-е, как соитие Скорой
с дорогой, где светофоров драка
со светом идет вовсю.
Как Курилы - Хонсю,
скажем, или как курица - петуха,
когда отда/еляются яйца,
масло, и запах - шурупом в ноздри,
дабы дать мозгу свой SOS. Труха
выползает слезами, бояться
жизни не нужно - возляжем возле.
И неважно уже, кто кого
забыл, выдумал, полю... во...
...был ...был. Сбыт
всего в ничего. Сыт
ночью день, и в уме - никого,
только сер..., словно блю...

...дце в спирт...
все болью шалит,
и никак не складывается в "лю..."

Ноябрь 2004

По безусым юнцам, узнающим себя в колыбели
нерожденных детей, по монетам, без промаха в глаз
солнцу бьющим, по картам, которые снять не успели
с необстрелянных стен, по скале, где плывет верхолаз,

что форель в водопаде, по сверке часов, где Камчатка
только точка отчета за чет и нечет, по всему,
что тебя пропускает по миру и ловит сетчатка,
я узнаю в ответа отверстии полом, к чему.

Почему этот свет - если тот? Если тот - что же этот?
Что-то ухает сердцем, как филин, в отсутствии сов,
псов. Бессилен засов, хоть все силен. По тем, кто из веток
шьет шалаш, чтобы рай был не нужен, до тех берегов

как заправский за-гонщик, пройдуся, словно слезы по трупам,
о которых недавно еще. По безусым юнцам...

И шепчу я в отверстие сжатых ладоней, как в рупор:
я не знаю Тебя. Понимаю. Да будешь... Ты Сам.

Сентябрь-октябрь 2004

Набравшись слов, как Демосфен камней,
пытаюсь быть точней. Но непослушен
язык. И недоступнее, умней
чужой проход по спутавшимся душам.

Сглотнув комок неразличимых **си**,
попробую **до**-петь. И между прочим
махну рукой бесцветному такси,
пусть отвезет в безадресное "очень".

Там обживают зеркала края
немые восклицательные знаки.
И видят "i" как "ай", и мыслят "я".
Так выгляжу в осуществленном мраке.

И вскину руки в направление сна:
О ты, идущий вслед, идущий мимо,
неясен почерк твоего письма,
но мне знакома эта пантомима.

Бесклавишная судорога рук,
глаз, не обезображенный экраном,
и – Он, вокруг, Диктатор и Худрук,
бежит безумным Рихтером по ранам.

Несросшимся, несбывшимся, чужим,
неважно что твоим, и на "иди ты"
швыряет прочь - туда, где мы дрожим
волной в предощущеньи Афродиты.

И ты еще напишешь, следопыт,
за здоровье матерчатые строчки.
И шорох крыльев с топотом копыт
вмешаются, как прежде, в заморочки.

И губкой, злой и влажною, сотрем
нули пост-гуттенберговского быта.
И пользуясь обратным словарем,
вернемся вновь к началу алфавита.

Февраль 2001

скромные скоромные дела, о, скоморохи,
и мороки сколько, как морошки под ногами ловчих,
ловких гу-доверчивых детишек. Гу-у-ли-голуби, сердечко
ты мое, какого цвета глазки, ручки-ножки, власяницы?

Вас задумали девицы, неразведанные охи
под чужими потолками, облаков невкусный плов - чьих
рук недело? А на кой в очах очаг, и что там катится, как гречка, -
ехал пусть бы, рек чрез реку, греки, что у вас за лица?

Скотобойни скоморохов, банты, антики, поверья,
дионисийствуют дочки-матери, сынки-отцы на
яйцедвуголовой синей, разлинованной планете.
Дети, дети, дети, дети. Кто привел вас всех Оттуда?

Дымы-мы, до-тепы, сроков нам не дали, только перья
да листки, асфальтов кляксы, да места без сна и Сына,
за Отца, за Мать. За Будду? И не вспомнятся спагетти
в упаковках дома, карт и фотографий. Что, Иуда?

Октябрь 2005

МАГРАДЗЕ ДАВИД

Грузия

Родился в 1962 г. Поэт. Окончил филологический факультет Тбилисского государственного университета. Печатается с 1980-х гг. Автор поэтических сборников. Автор текста государственного гимна Грузии. Лауреат Государственной премии Грузии. Президент грузинского ПЕН-Центра. Обладатель Гран-при IV Международного книжного фестиваля (Тбилиси) за сборник стихов «Никала». В 1992-1995 гг. – министр культуры Грузии.

ПРЕМЬЕРА

Действующие лица:

Гамлет – Дато

Офелия – Венера (моя бывшая возлюбленная)

Полоний, тот же Изэффай – отец Венеры

Лаэрт – брат Венеры

Горацио – мой друг

И другие актеры с нашего квартала

Уж год как знаю, что хочу
Ведь я герой, как мне казалось,
Роль принца Дании учу,
Что мне без долгих мук досталась.

Бывали роли, эта роль
Меня звала как причащение,
Звала как в Мекку звал Восток
Муслима смыть все пригрешения.

Так звал меня мой Датский принц,
Я для него покинул дали,

Героем стал, затем узнав
Взамен небес мне землю дали.

Отняли небо, всучив билет
К земле от неба на много лет,
А режиссер с финалом тянет,
Пока ламанец принцем станет.

И ждет меня как каземат
Моих же дум и страхов ворох,
И как отравленный клинок
Театра занавесный шорох.

В чужой ночи я стал скитальцем
И братства прежнего остатки
Куда указываю пальцем,
Туда уходят без оглядки.

Рассветных петухов согнав,
Нарушил хрупкий их покой,
Я тайну Гамлета познал,
Не я, а он играет мной,

И в монастырь послал Венеру,
(Она Офелией была),
Ведь здесь мираж и эфемера
Иди, иди туда Венера!

Тебя любил я, ну и что же,
И принц любил давным-давно,
Мою Офелию – Венеру
Шлю в монастырь я все равно.

А брат ее Лаэрт – «лопух»
Что зло так смотрит размазня,

За ним в могилу прыгну я
Коль нет Венеры для меня.

О Иэффай, дрянной старик
Пусть дочь твою мне не обнять,
Но если все ж безумец я,
Попавшись мне, бросайся вспять.

Что Смоктуновский, Оливье,
Их взор смотрящий без пощады,
Ведь только знаю я один,
Какие пройдены преграды.

А дело в том, сэр Уильям,
Что Дания (простите шепот),
Что Грузия давно тюрьма,
Что в Грузии повсюду ропот.

Куда теперь, голубки алые,
Летите вы, почуяв кровь.
Что в Дании (опять не то),
Что в Грузии воняет вновь.

«Дела плохи, ждать надо худшего».
Вода залила все мосты,
А в Эльсиноре, нет, в Тбилиси
Такие слышатся тосты.

А я затворник, арестант,
Счастливый этим приговором.
За пазухой, как амулет,
Ношу я знамени предмет.

Еще со мной листок сухой,
Как мироздания хлеб и соль,

Зашелестит в родном лесу,
Когда в бреду отступит боль.

Ношу с собой любимой шарф,
Петлей на шее он обвился,
Когда пред стражником предстал,
Шарф этот парусом раскрылся.

Привет вам всем! – герои, трусы,
Судья в железных кандалах,
Я – слово сказанное гласно,
И возвращать его опасно!

Как рыбе мне цена на берегу,
Но ты, купец, не хвастай слишком,
Я сеть твою приберегу
И в задницу заткну тебе с излишком.

Вот и поэта ценят так,
Когда угаснут солнца блики.
Его помянут и простят
Лишь полки заполняют книги.

Затем, как снятие с креста,
На руки с полок книга сходит
И на влюбленных радость та,
Что грела нас, опять снисходит.

А до тех пор добра не счесть,
Напрасно все, чем мы гордились.
Поджаренных орешков смесь
В клочок афиши уместились.

Бросаю сцену осознав,
Театр – таможня для души,

Я маску Гамлета срываю
И в жизнь я к людям возвращаюсь.

Для блага, либо для утраты
Спешу я к вам присесть так рьяно,
Печатать на машинке текст,
Как за концертным фортепиано.

Провал премьеры предрешен,
Нет в труппе Гамлета другого,
Хотя любой из них считал
Что мог сыграть его иного.

Горацио, мой верный друг,
Отдай в печать мои записки:
«Поведай правду обо мне»
Ведь мы с тобой остались близки?!

Живой я стал еще живей,
Я целиком познал искусство,
Коснулся неба и земли
Ладонями живого чувства.

Оставив Гамлета на сцене,
К судьбе своей вернулся вновь,
Как к незаконченному делу,
Где жизни ладан и любовь.

Перевод с грузинского Анны Андреевой

МАКАРОВ АРТУР

Россия

Родился в 1960 г. Поэт, публицист. Окончил режиссерское отделение Харьковского культурно-просветительного училища, затем – театральное отделение Харьковского института искусств им. И.Котляревского. Печатается с 1976 г. (журнал «Пионер»). Член поэтического сообщества «Голоса Арбата». Выпустил самиздатом книги политических сатирических стихов: «От душиНа...», «Не со Гласность», «Арбатские Ведомости». Выступал со своими стихами и пародиями на Старом Арбате, гастролировал с эстрадными программами московского центра творческих встреч. Сыграл двадцать шесть ролей в художественных фильмах и сериалах, написал сценарии и осуществил постановку трех театрализованных эстрадных представлений. В настоящее время – актер московского государственного театра «Киноспектакль». Сборники стихов – «Сороковник» (2000), «Я родился в СССР» (2005). Член московской городской организации Союза писателей России, Литературного фонда России, Международного сообщества писательских союзов, Московского клуба поэтов. Руководитель секции МФРП поэтов.

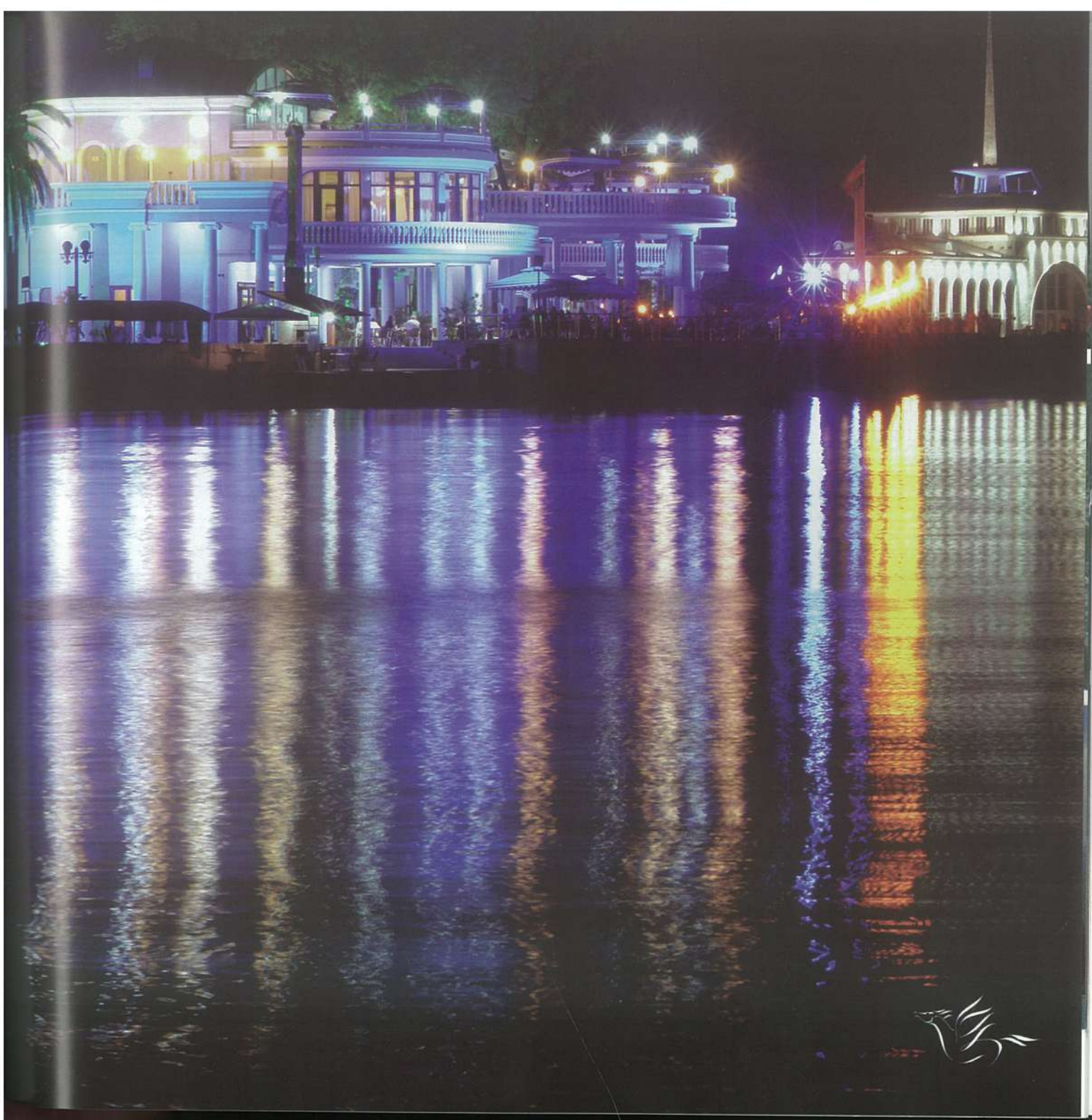
ПОТОМКАМ НОЯ

Нет для меня вопроса: Кто я?
В любом краю, в любой стране –
Я – Человек – Потомок Ноя,
Родня все люди в мире мне.

По-русски я пишу и мыслю,
Любовь к планете всей храня.
Един с Христом душой и мыслю,
Везде поймет меня родня.

Нет для меня вопроса: Где я?
Я проживаю на Земле.
Весь мой народ по ней рассеян,
Как звезды яркие во мгле.

Нет для меня вопроса: С кем я?
С тобою - сердца Божий свет.
Ты Род мой, Родина и Племя
И на любой вопрос ответ.

Сцена из спектакля
"Желтый
ангел". Ирина
Мегвинетухунеси

Батумский

Торжественное
открытие фестиваля,
6 июня 2007 года

Мэр Батуми Ираклий Таварткиладзе и
Николай Свентицкий на открытии фестиваля

Торжественное открытие
фестиваля, 6 июня 2007 года

Возложение цветов к
памятнику А.С.Пушкина

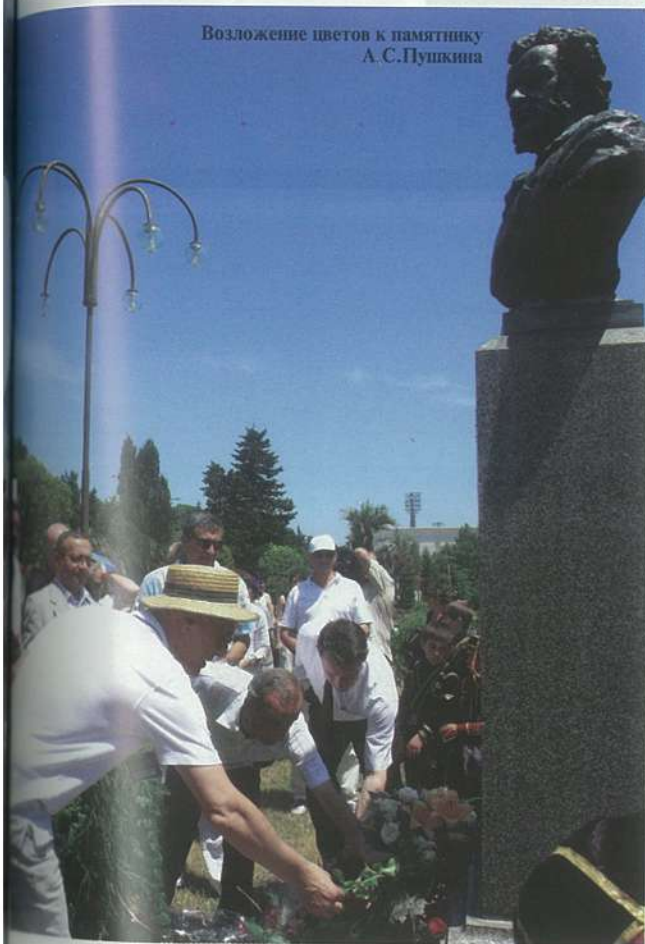
Посол Российской
Федерации в Грузии
Вячеслав Коваленко на
открытии фестиваля

Николай Свентицкий и граф Петр
Шереметев на открытии фестиваля

Возложение цветов к памятнику
А.С.Пушкина

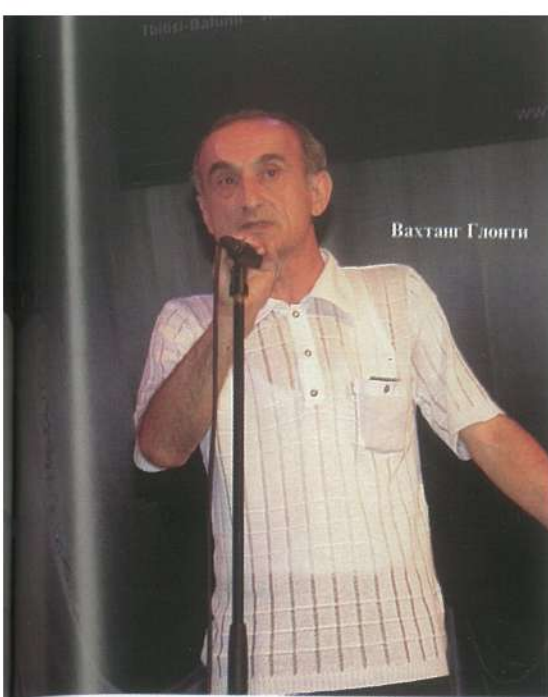
Прогулка по акватории Батумского порта

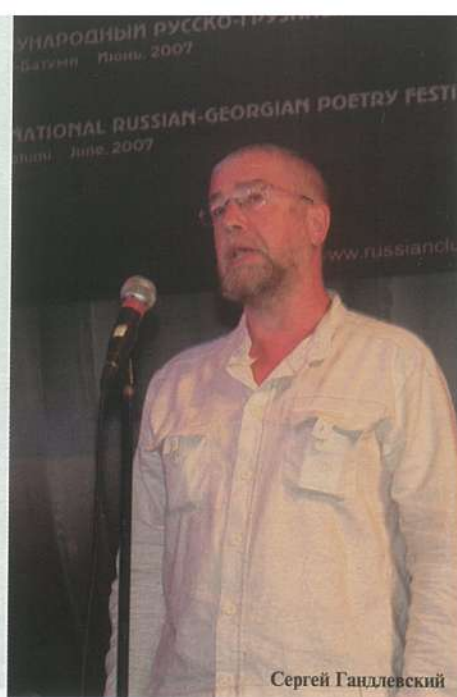
Вид Аджарин с моря

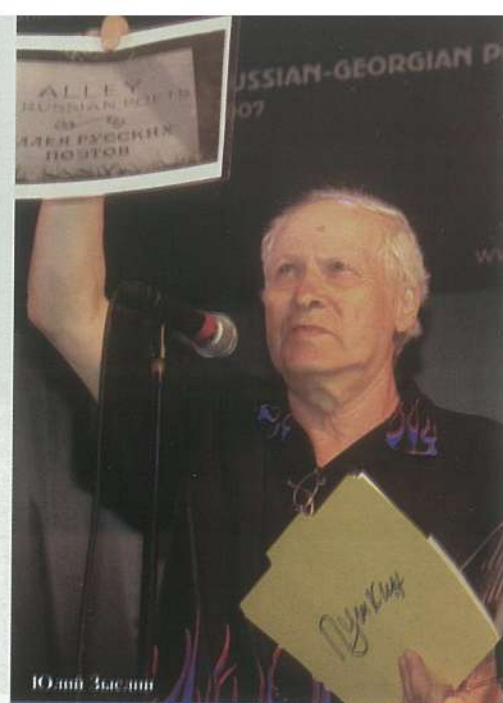

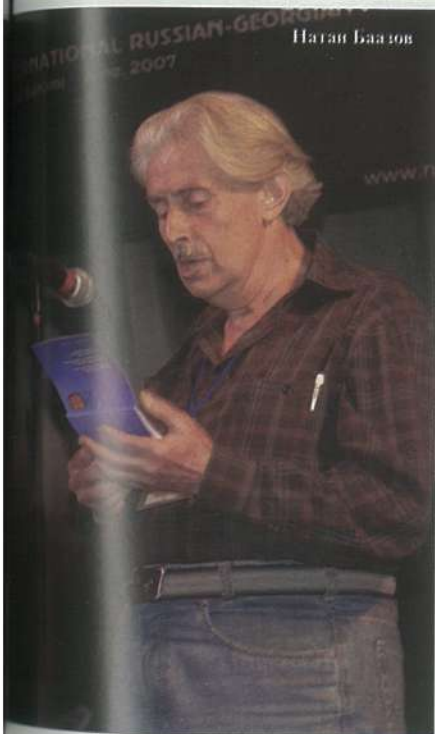
Вахтанг Гионти

Сергей Гандлевский

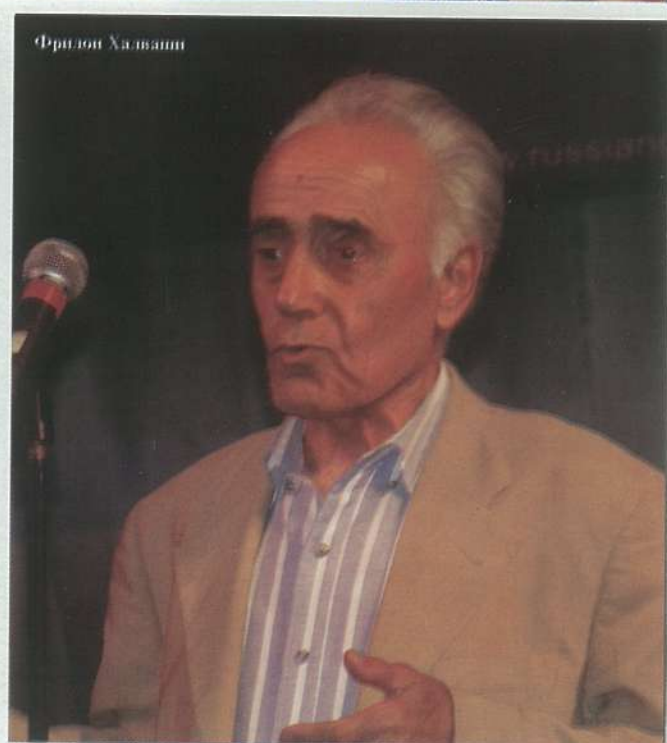
Юлий Заславин

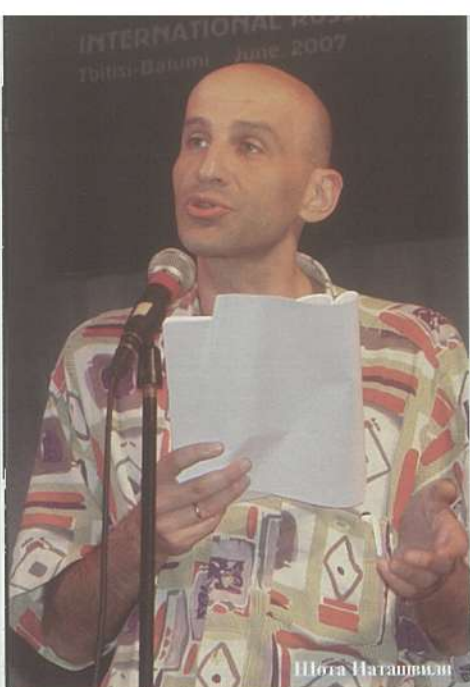
Натан Баидов

Татьяна Пернева

Фридон Халваши

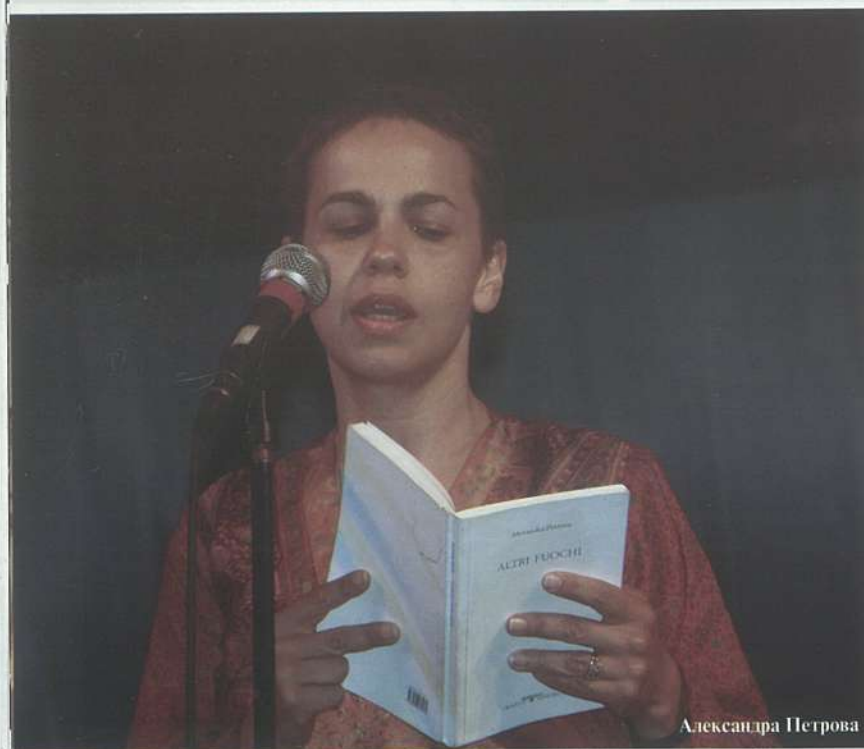
Шота Наташвили

Котэ Кубанешвили

Борис Херсонский

Александра Петрова

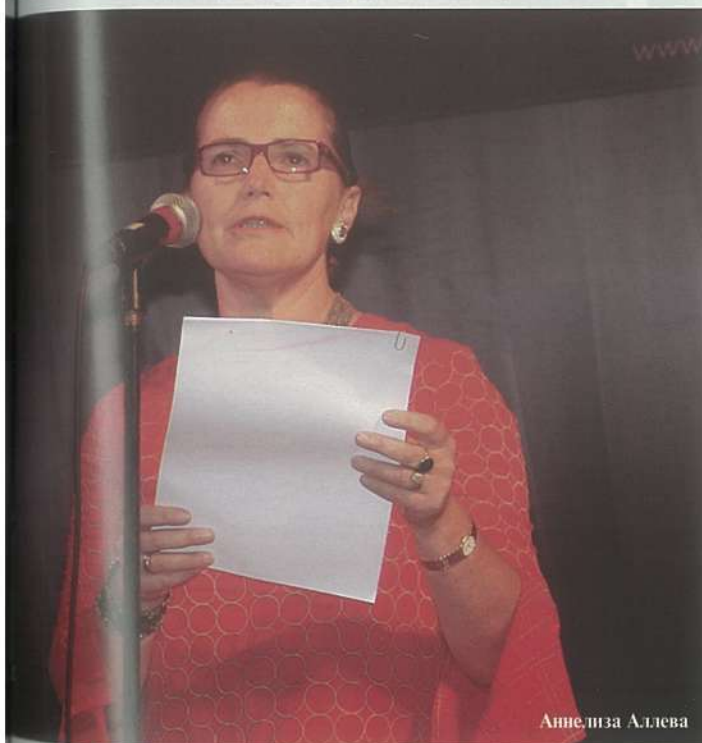
Алик Дарчашвили

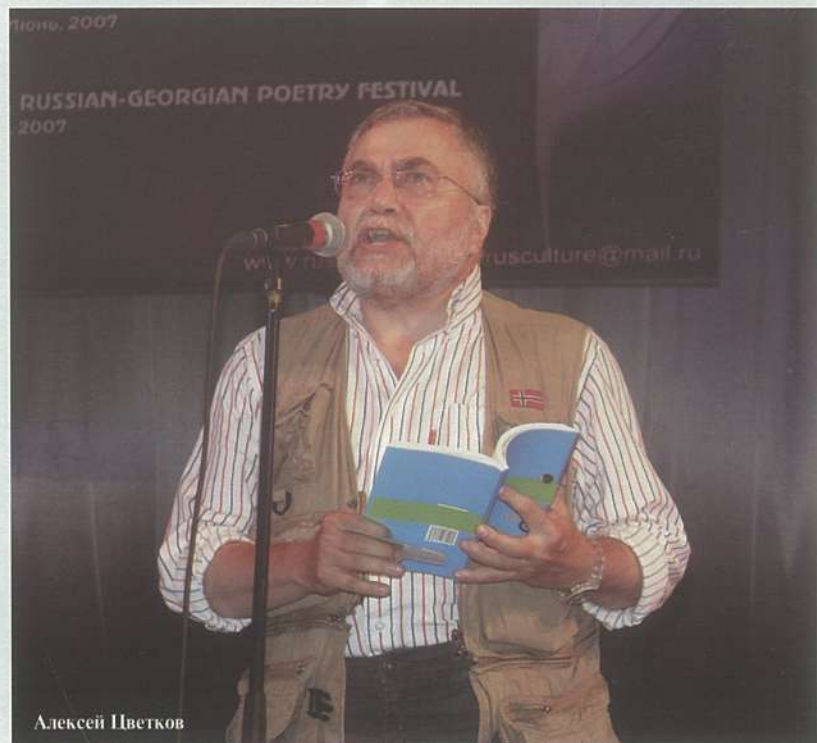
Давид Маркиш

Алексей Пурин

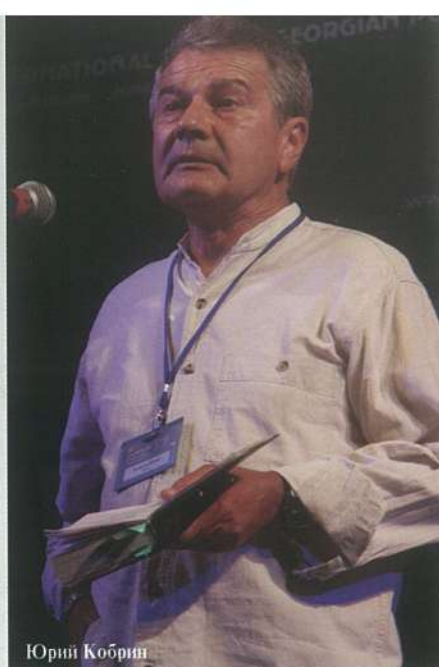
Аннелиза Аллева

Алексей Цветков

Николай Свентицкий

Юрий Кобрин

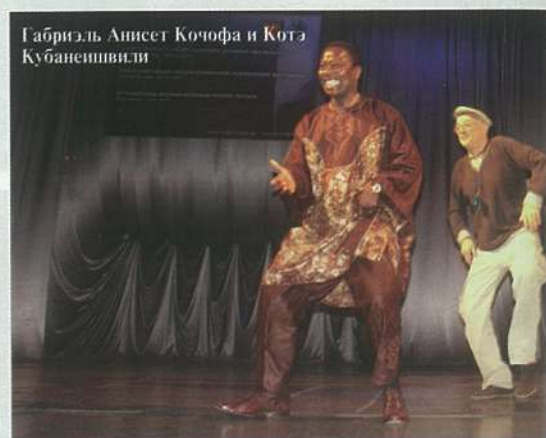
Звиад Ратиани

Зураб Ртвелишвили

Елена Исаева

Габриэль Анисет Кочофа и Котэ Кубанишвили

Верхняя Аджария

У водопада в Верхней Аджарии

Верхняя Аджария. Мост
царицы Тamar.

Фольклор, вино, поэзия пейзажей

В церкви

Застолье

Участники фестиваля, Алжрия

Однажды тело станет пудрой,
Богатства, власть и слава – чушь.
В любви и в доброй мысли мудрой,
Бессмертье всех вселенских душ.

2005

ДВЕРЬ БЕЗ КЛЮЧА

Я дверь, к которой нет ключа;
Мне жребий тягостный достался,
Мной кто-то хлопнул сгоряча
И ключ доверия сломался.

Я дверь, к которой нет ключа;
Напрасно воры по привычке
У ржавых скважин хлопоча,
Украдкой ищут к ним отмычки.

Я дверь, к которой нет ключа;
Не раз разбить меня пытались,
Ногами грязными стуча,
Но так за дверью и остались.

Я дверь, к которой нет ключа;
Зачем ключи к открытой двери?
Войди – за ней горит свеча,
Она зовет любить и верить.

Ты дверь откроешь лишь любя,
Теперь ответ найти не сложно,
Не от себя, а на себя,
Открой, войди, но осторожно.

Я дверь, к которой нет ключа...

1981

В.В. МАЯКОВСКОМУ

В суетность буден старушки Москвы
Выдавлен прессом метро московского,
Как прежде идолам поклонялись волхвы,
Иду поклониться памятнику Маяковского.
В смятом костюме поэт – исполин,
Чуб с голубком стал седою бронзою,
Он смотрит на сутолоку карликовых мужчин
И женщин, изъеденных уличной прозою.
Им, чтоб взлететь к космическим далям,
Тысячи постаментов не хватит,
Он же, с презреньем к земным регалиям,
Звезду любую с небес ухватит.
Легко задует, легко зажжет
Звезду любую, и в ночь уйдет.
Вернется утром счастливый, пьяный,
Камней запах сравнит с бурьяном...

Его штампуют глыбой бронзовой,
А глыба была и нежной, и розовой.

1985

О ФОРМЕ И МЫСЛИ

Все истины мира прокисли
И вот «мастера» изваяли
Прекрасные формы без мысли,
Красавиц, но без гениталий.

Изяществом нас поражают
И вычурны, как наважденье,
Но что эти формы рождают?
И как получить наслажденье?

В словесной купели просторной
Плескаются самозабвенно
Поэты с бессмысленной формой;
Забавно, как секс с манекеном.

Иной мысли мудрые мутит
Нелепой бесформенной кашей;
Бесформенность мысли, по сути
Бессмысленной формы не краше.

Живём, отвлекаясь, на вздор мы,
А рядом, в роддоме искусства,
Поэзия мысли и формы
Рождает прекрасные чувства.

Не жгите мгновений на дряни,
Всё будет в ажуре и в норме,
Когда свои мысли земляне
Направят к Божественной Форме.

2001

ПИСЬМО БРАТУ

Что случилось с нами, брат,
Столько выросло преград,
Столько выросло помех
На глазах у нас у всех?
Нам вражды вливают яд,
Пить его не станем, брат;
Не достойно драться нам
На утеху всем врагам,
Мы ведь связаны с тобой
Богом, дружбой и судьбой.

Разве подлая война
Больше мира нам нужна?
Разве те, кто рад вражде
Братья мне или тебе?
Разве мало нам земли,
На которой мы росли?
Разве прах отцов солдат
Не за нас положен, брат?
Разве церковь не одна
Братьям Господом дана?

Протяни мне руку, брат,
Мы разрушим вал преград,
Мы разрубим цепь помех
На беду злодеев всех.
Пусть вражды смертельный яд
Выпьют те, кто им поят.
Друг за друга, дорогой,
Станем насмерть мы горой.
Всё осилим мы браток,
С нами правда! С нами Бог!

2007

МАРКИШ ДАВИД

Израиль

Родился в 1938 г. в Москве в семье классика еврейской литературы на языке идиш Переца Маркиша. Писатель. В 1952 г. отец был расстрелян по сфальсифицированному обвинению в измене родине. В 1953 г., за месяц до смерти Сталина, вместе с семьей был сослан в «отдаленные районы» Казахстана, в окрестности будущего космодрома Байконур, по статье ЧСИР (член семьи изменника родины) сроком на десять лет. Проведя в ссылке два с половиной года, семья вернулась в Москву при Хрущеве. Первая неудачная попытка добраться до Израиля была предпринята в 1958 г. Окончил Литературный институт им. М. Горького (Москва) и Высшие курсы сценаристов и режиссеров кино (Москва). Первые литературные публикации относятся к 1958 г. В ноябре 1972 г. переехал в Израиль. Служил в боевых частях израильской армии во время войны Судного дня. Одиннадцать его романов были опубликованы на русском языке, большая часть из которых была переведена на иврит и другие языки и опубликована в США, Англии, Германии, Франции, Швейцарии, Швеции и Бразилии. Самыми острыми приключениями своей жизни считает казахстанскую ссылку, куда попал четырнадцати лет от роду и играл там на музыкальных тарелках в похоронном оркестре - ради кормления; шесть восхождений, летом и зимой, на лыжах, пешком и верхом, на величайший в мире горный памирский ледник Федченко. Удостоен семи израильских литературных премий, премии Британской книжной лиги, Международной литературной премии Украины и Грузинской литературной премии имени В. Мачабели. Учредитель и заместитель председателя правления МФРП. Официальный представитель МФРП в Израиле.

Нико Мицишвили

БЕЗЫМЯННОЕ

Трактаты октавами

Я написать задумал пару строк
С эпохой в лад – под гул стальных моторов:
Их ритм стальной торжественен и строг.
А рифму вспомнит кто в наш век, в который
Трубят бураны, словно в медный рог?

Служил я рифмам – нам прощаться скоро...
Сильнее рифмы рецидива нет.
Паромщик – дядя мой, а я – поэт.

Несовместим с мотором темп октав –
Кларнет с октавой в дружбе жил когда-то.
От гула фабрик изваяньем став,
Застыла б муза дивного Торквато.
Слова уздой железною взнуздав,
Нам их решать теперь в бетоне надо.
Коль расцветут на розах лезвия –
До корня сад такой срубил бы я.

Но розами прославлен лишь Шираз,
А чуждый край не возбуждает чувства.
Ширака нефть нужнее роз для нас –
Вот мысль, вполне достойная искусства.
Чтоб покорить обрывистый Парнас,
Ты смажь перо машинным маслом густо.
Как мирра, из земли течет оно;
Вглядись – поэзии увидишь дно.

Но... Ах, как скользко это слово – «но»!
Оно живет и дышит в человеке.
Сомнение тягостно. Зачем оно
Решило погубить меня вовеки?
Вот сердце нефтью, например, полно,
Ей жилы переполнены, как реки, -
И все ж я оды ей не посвятил
По моде поэтических светил.

А был порыв. И тема ведь была!
Но накренилось вдруг перо сурово...
Вы вздерните мне крепче удила,
Не то умру, в октавах замурован!

Сижу, склоняясь над площадью стола,
Ценнейшее отыскивая слово.
А чуть заслышу новой темы звон —
Словесной силы напрочь я лишен,

Но я пойду за темой. Ведь пока
Я даже не попутчик — недостойн.
Что ж! Тяга к перегибам велика
Во мне к еде, ко сну — во всех устоях.
Я даже в тоне моего смешка
Перегибаю — дело не простое!..
Но я на помощь вас, друзья, зову,
Посыпав пеплом буйную главу.

Мне странно это слово — «перегиб».
Я прям и честен — в этом я не прав ли?
Век точкой помечает новый тип,
Я запятую вместо точки ставлю.
Меня и похвалить слегка могли б
За то, что век не по стандарту славлю.
Кто здесь сказал, что я отцвел давно?
Нет, вдохновенье не погребено!

Но слаб я — неподчинна мне звезда.
Не обращаю тюльпан в бессмертник спящий.
Я не могу на девичьи уста
Из винной чаши лить свинец кипящий...
Вот Грузия — моя отчизна — та
Не чувствует Эльбруса груз давящий.
Кто из прута взрастит дубовый лес,
Словам души пойдет наперерез?

Меня коснулось пламя наших лет.
Я понимаю сердцем век свой тонко.
Его я славлю — высшей цели нет.

Что знает медь о буйной силе гонга?
Иные красят губы в красный цвет —
Но всяк ли сможет воспитать ребенка?..
Наш век велик, но всем один конец:
Истлеет и посредник, и истец...

«Посредники. Истцы. Октавы. Нефть. Ширак, -
Вы скажите, - но это ж безымянно!
С кем споришь ты? Мы не пойдем никак.
По меньшей мере, это просто странно!
Конкретность нам нужна — не символы. Вот так.
Кончай, поэт, раз не имеешь данных».
Я кончил. Все. Порыв души иссяк.
В строку втащу для рифмы наспех «мрак».

1932

Перевод с грузинского Давида Маркиша

МАРКОВА РИММА

Швеция

Родилась в 1951 г. в Ленинграде. В 1975 г. окончила художественно-графический факультет Педагогического института им. А. Герцена. Последние 12 лет живет в Швеции. Автор нескольких поэтических сборников. В 2001 г. вышла книга на шведском языке «Fönstret» (переводчик Анника Бэкстрём). Постоянно печатается в журнале «Literarus» (Финляндия). Несколько рассказов в газете «Русский базар», Нью Йорк. В 2004 г. в журнале «Literarus» была напечатана повесть «Черный викинг». В журнале «Нева» (Петербург) в номере 9 за 2006 г. напечатана повесть «Штольц». Член Союза писателей Санкт-Петербурга и Шведского Пен-клуба.

Когда стихи – взхлёб,
когда стихи, как хлеб,
как полупьяный трёп,
дешевый ширпотреб,

когда стихи взасос,
когда стихи в разлив,
как поезд под откос,
как ласточка – в залив.

В миру и на войне,
среди блатных музык...
В какой еще стране
какой иной язык

такую создал песнь,
когда стихи, как стон?
Как благостная весть.
как колокольный звон.

Зачем так скучно жить
в спокойнейшей из стран,
в довольстве и любви,
где злейший враг – простуда?
Здесь хочется хандрить
и умирать от ран
в коросте и крови
на сцене Голливуда.

Да здравствует беда!
Ее мы воспоем!
Всерьез играем мы,
вы только нам поверьте,
бегущие сюда в веселии своем
с всамделишной войны,
от голода и смерти.

Мне сказал арабский мальчик,
беженец из Палестины:
«Я побью твоих евреев
и построю новый дом!»

Мне сказал еврейский мальчик,
будущий израильтянин:
«Когда стану я солдатом,
всех арабов перебью!»

А потом они играли
вместе,
бегая вприпрыжку
по дорожкам в шведском парке,
все на свете позабыв.

«Мой, – сказала мусульманка,
затянув платок потуже.-
«Сын, - сказала иудейка,
пышно кудри расплескав. –

Самый лучший в мире мальчик,
самый ласковый и нежный.
Посмотри, как он играет
Славно с мальчиком твоим».

Советского владычества наследство
навязчиво, как песенка из детства,
отметины оставило хитро.

Нам на миру никто не иностранец –
отборным матом гордый африканец
покроет тишь стокгольмского метро.

Иракский курд ему ответит чисто,
и звонкий голос юного нациста
подхватит эстафету на лету.

Боснийский мусульманин словно брату
ответит в лад и сербу и хорвату,
и друг-индус забудет свой урду.

Мы не враги, мы все родня по мату.
Покуда нет в руках по автомату,
как возрастает ценность языка!

Кончай войну, пришла пора брататься!
Среди других земных коммуникаций
российский мат незаменим пока.

На востоке известна Ассирии роль,
Был велик Аснопер, их последний король,
Было царство и время другое.

А теперь они в Швеции ищут приют,
И чужим королям они славу поют,
Пришлецы, эмигранты, изгои.

Вновь ступают народы на воинский путь –
Все хотят себе бывшие царства вернуть,
Земли предков, которых не знали.

Вновь полмира возьмет торжествующий Рим
И в Крыму воцарится опять караим,
А бездомным – сидеть на вокзале.

Перед бывшим врагом мы не падаем ниц!
Мы займемся опять переделкой границ,
Боль страны измеряя аршином...

Неужели так важно, в какую казну
Наши предки платили кровавую мзду
И каким поклонялись вершинам?

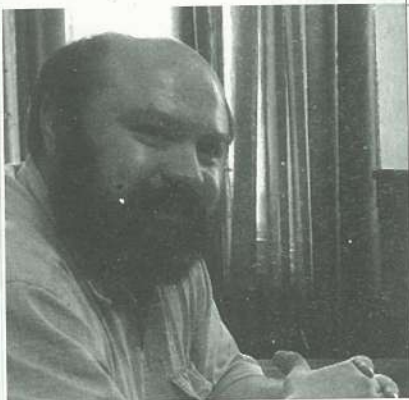
ДЖОВАННИ БЕЛЛИНИ «ФРАНЦИСК АСИССКИЙ».

Средневековье с полотна Беллини:
скала, пещера, каменный пустырь,
за ним осел, гуляющий в долине,
пастух и овцы, замок, монастырь.

Сиянием пронизано пространство.
Босой монах моления поет...

Мир, освещенный кистью Ренессанса,
совсем иначе Богу предстает.

Все, что задумал дерзостный создатель,
овеществилось на короткий век.
И все живет, и служит благодати:
природа, солнце, книга, человек.

НОВОСКОЛЬЦЕВ ВАЛЕРИЙ Черногория

Родился в 1964 г. Поэт. Окончил Ленинградский электротехнический институт связи им. проф. М.А. Бонч-Бруевича. Заочно обучался в Литературном институте им. М. Горького. Участник 9-го Всесоюзного совещания молодых писателей СССР (1989), региональных конференций писателей Северо-Запада (Ленинград). Участник ЛИТО поэта Виктора Сосноры (Ленинград). Печатался: «Смена», «Нева» (Ленинград), «Парус» (Минск), «Дружба», «Юность» (Москва). Председатель правления Международного христианского фонда десницы святого Иоанна Крестителя (Черногория). Официальный представитель МФРП в Черногории.

ИЗ ЦИКЛА «ОТЪЕЗД»

1.

Выбираем страну - понадежней...
Где реформ никаких... ни последствий...
Где дороги ведут - в бездорожье,
Где соседи живут - в двух столетях,
(Никуда не съезжая - веками!)
Где деревья растут - не болея,
Где дорожки - посыпанный камень,
Где мы будем стареть - не жалея.

Рвутся нити и ниточки - в душах,
Корабли наши рвутся - с причалов...
Этот русский (космический!) ужас -
До конца! И начать все - сначала!
Эти наши пространства - помойки...
Эти наши вожди перестройки,
(наши вороны! голуби наши!...)
Чем глупее мы будем - тем старше!

Из страны этой - голым уходишь,
Как пришел в этот мир - в том же виде...
Ни детей, ни себя не прокормишь
(не в обиде, страна! не в обиде!)
Просто есть еще - теплые страны,
Просто все мы в душе - партизаны!..
(хорошо, что еще - не бандиты!)
Хорошо, что еще - не убиты.

Это страшное время - Исхода!
Это тяжкое слово - свобода!..
На крыло поднимая, на плечи -
Поведет нас. И крыть его - нечем.
Немонгольское новое иго...
Погуляли - в чужом балагане!
Разбудили мы русское лихо...
Как евреи - теперь. Как цыгане.

Палисадники - на палестины,
Телогрейки - на шорты и майки,
Распрямляя согнутые спины,
Улыбаясь улыбкою майской.
Наградит нас эпоха - акцентом!
Всех ровесников мы - переплунем.
Улетаем вослед диссидентам,
Унося свои косточки - в клюве!

2001

3. Белград

Пока еще язык не нужен
(Мы - странники полунемые),
Пока тебе не стал я мужем,
Я обойду все мостовые.

И рассмотрю всех женщин здешних,
(И всех мужчин, идущих рядом),
Полураздетых, летних, грешных...
С еще мне незнакомым взглядом.

Они идут в своем пространстве,
Они молчат и говорливы,
И их колени пляшут в танце,
И их мужчины горделивы.

Они несут свою природу
Своим возлюбленным гусарам.
И входят в них, как ночью - в воду...
И получают счастье - даром.

И как растерянный подросток,
В предчувствии земных страданий,
Я выхожу на перекресток
Чужой любви и расставаний.

Смотрю на женщин проходящих,
Где ни улыбки, ни намека...
И от походов их летящих
Необъяснимо одиноко.

1996

4.

Когда пойдут по шашлыки,
В лесок, с деревьями больными,
Прокуренные мужики,
Воспользовавшись выходными,
На воздух - к водке и воде...
Трещат надерганные сучья...
Горит костер. И в бороде
Болтаются чешуйки щучьи.

Мели, Емеля, языком!
Изголодавшись по глаголам,
Ты остаешься мужиком,
Всегда готовым за подолом -
По всем подвалам и дворцам,
По всем канатам и каналам...
Как подобает молодцам,
Сыгравшим в ящик с "Солнцедаром".

Кормясь с мозолистой руки
Протянутой ладонью к небу,
Закусывают мужики
Конфетой, огурцом и хлебом.
И не священный их союз
Настолько прочен, словно Некто
К ним подогнал немытых муз
И сам им развернул конфету.

Горят над ними небеса
Сжигая день пустопорожний.
Прокуренные голоса
Звучат все громче и тревожней.
Мозолистые их персты
Священнодействуют и бодро
Проталкивают огурцы
В разинутое к небу - горло.

На них, пока они едят,
И пьют, глаза прикрыв, как птицы,
Миры незримые глядят,
И режут правду-матку жрицы...
Вечери тайные черты
На лицах их запечатлятся...
И, под покровом темноты,
Их отмочалят домочадцы.

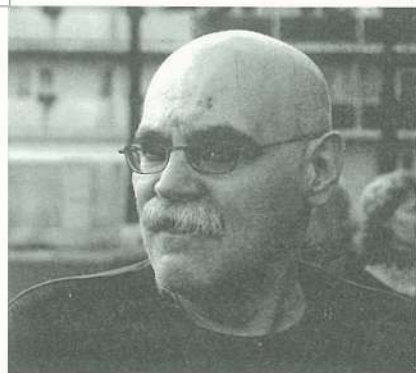
Им просто некуда идти
Как к этим капищам-кострищам,
Неся сокровище в груди,
Делясь общественным и личным...
И тысячи костров горят,
В местах раздач вина и хлеба...
И пра-апостолы стоят:
И пьют. И ждут. И смотрят в небо.

2001

НОРД ГЕННАДИЙ

Канада

Родился в 1954 г. Поэт, автор и исполнитель песен, председатель правления Союза писателей Северной Америки. Лауреат нескольких Международных конкурсов и фестивалей, член Союза писателей Москвы и Международного ПЕН-клуба, Международным обществом пушкинистов ему присвоено звание «Поэт 2002 года русского зарубежья». Инициатор и организатор установки в Монреале памятника А.С. Пушкину. За вклад в развитие русской культуры за рубежом награжден Почетной грамотой Министерства культуры России (2004). Включен в «Энциклопедию русского шансона».

АКВАРЕЛЬ

Нарисую акварелью
сонный дом,
занавешенный вуалью
томных выюг,
и мальчишку,
прижимающего лбом,
перекрестье
распечатанных фрамуг.

Нарисую акварелью
ветра вздох,
в пятнах утра
на пригорках мягкий плед,
и глаза
неунывающих эпох
отразят
дыханье времени и цвет.

Нарисую акварелью
сталь перил
возле яркого подъезда
детских грез,

где подушкам
сокровенное дарил
в сером блеске
недовыплаканных слез.

Нарисую акварелью
танец звезд и
машин
разноголосый хоровод,
и карниз на страже
ласточкиных гнезд,
что с дождем дуэтом
арию поет.

Нарисую акварелью
шепот дюн,
синий с люрексом
неласковый прибой,
разговоры по душам
гитарных струн,
не сумевших сохранить
заветный строй.

Нарисую акварелью
белый сад
в нежно-розовом
смятенье лепестков,
алых вишен
перезрелый аромат
из не выкрашенных
винных погребков.

Нарисую акварелью
дымный след
среди пышных
и зеленых облаков.

На сиреневый подрамник
прошлых лет
положу надежду
будущих мазков.

Нарисую акварелью
взрыв весны,
в арке радуги
прощальную зарю.
Окуну
в непересказанные сны
и скуластому мальчишке
подарю.

МЕРТВЫЙ СЕЗОН

Мерзлый рассвет
на продрогших аллеях,
осень уже
набирается сил.
Август, прощаясь
и тихо слабея,
меня погубил,
навсегда погубил.

Мертвый сезон.
В парке сняли качели.
Нету сейчас
ни надежд, ни забот.
Мертвый сезон.
Сколько мы не успели...
Лето прошло,
осень только идет.

Та же тропинка
и та же скамейка,
та же в фонтане
застыла вода.
Ты уходила,
а память-злодейка
не оставляла мне
даже следа.

Время, быть может,
меня пожалеет,
но не стреножит
стремительный бег.
Сердце осталось
на старой аллее,
осень его
заморозит на век.

Август еще
поддаваться не хочет,
в кронах налитая
соком листва.
Вот и остались мне
звезды и ночи,
и холода,
и пустые слова.

БЕЛЫЙ ДЫМ

На примятой траве
догорает роса,
одинокой слезой
выпадая в рассвет,
и покоя опять
не дают голоса,

приближая дремотой
обернутый бред.

Белый дым над моей головой,
белый дым,
от несказанных слов
и ненужности встреч.
Я когда-то давно
был тобою любим,
но тебя и любовь
не сумел уберечь.

И минутный порыв
все назад повернуть
растворится
в колючих лучах на заре.
И в кленовой аллее
оставленный путь
засыпает хрустящей листвой
в октябре.

Среди пахнущих летом
пшеничных полей
потерялась моя
путеводная нить.
Не понять, не забыть, не простить
этих дней.
Ничего, к сожаленью,
нельзя изменить.

ВЗДОХ

Зима вот-вот ворвется в город,
Готовит осень свой исход.
А у меня с собою споры
Про каждый год.

Деревья оголяют кроны
И солнце убегает в тень.
Молюсь у старенькой иконы
За каждый день.

Сбивают ветры птичью стаю
Под желтых листьев перефраз.
А я судьбу свою листаю
За часом час.

Застыли у подъезда лужи,
И за дворами лай собак.
Скрипит, хронически простужен,
Мой каждый шаг.

К юдоли теплой жмутся птицы,
Устав от дождевых вериг.
А мне уже не повиниться
За каждый миг.

За то, что тишиною ватной
Залитый, город вдруг оглох.
За то, что не вернуть обратно
Мой каждый вздох.

...И память резко будит ночью,
Когда весь мир безлик и тих.
Нет запятых. Лишь многоточья
Без разрешенья лезут в стих...

ПЕРЦЕВА ТАТЬЯНА

Финляндия

Родилась в 1978 г. Литератор, журналист.

Переехала в Финляндию из Карелии в 1998 г. В 2005 г. получила диплом системного администратора в бизнес-колледже г. Хельсинки. В данный момент учится на отделении славистики и баллистики в университете г. Хельсинки. Параллельно получает заочное образование в Литературном институте им. М. Горького в Москве.

Лауреат журнала «Дети Ра» (Москва, 2005) - жанр «короткая проза», цикл миниатюр «Изысканный цвет лжи». Получила первую премию на конкурсе произведений русскоязычных литераторов, который проводился совместно с СПбГУ и университетом г. Тампере (Финляндия). Участница 4-го и 5-го форумов молодых писателей России (Москва).

Звенит в зените, как печальная струна,
моя единственная жизнь, и в паутине
событий серебром озарена
она до первого порыва ветра, линий
узор понятен мне, как музыка в бреду,
и я бреду кому-то на беду,
храня отверженную радость и добро,
чужое горе превращая в серебро.
И чистой сталью жизнь-слеза звенит —
печаль и солнце поднимаются в зенит.

А я просто хотела дом,
невысокий, с резным крылечком
и окном - занавеска на нём,
да горшочек с геранью, о вечном
я бы думала по вечерам,
или много читала, но вскоре,
я бы стала скучать - не по Вам,

а по прошлому, в этом ли горе,
или счастье, да мне ли судить
о несбывшемся, бить лишь челом
за грехи свои и говорить,
что я просто хотела дом.

Блокноты мои, словно дети,
Играют, дерутся, кричат,
И дружно мечтают о лете,
Как стайка замёрзших галчат.

Я плачу, когда их теряю,
Смеюсь, если вновь нахожу,
О прошлом им тайны вверяю,
О будущем странно пишу.

Они очень любят встречаться
С героями сказок моих,
Желтеют, боясь расставаться,
И если закончился стих.

Но в алой заре, на рассвете,
Где нет ещё грани мирам,
Блокноты мои (ибо дети),
Как птицы летят к небесам.

Бери, бери у меня их много, это маленькие разноцветные стеклышки,
а давай закопаем в землю, будет у нас секрет, выбирать надо тщательно,
у тебя есть старший брат, у меня – да, для раскопок подойдут колышки,
папа что-то молчит, не ходит со мной гулять, вот это возьмем обязательно.
Мама плачет, бабушка плачет, все плачут, как кобылы сивые,
так сказал дедушка, а что делать спокойному и умному ребенку,
правильно, идти на улицу, читать на скамеечке, оранжевое – красивое,
его не будем закапывать глубоко, легче откапывать, ты посещаешь «продленку»?

Я бы сбежала с радостью, но мама - учительница, сразу узнает, дома будет скандал, потом папа начнет молчать еще сильнее, дедушка не даст мне часы на цепочке, которые приделаны к его старой гимнастерке, интересно, а как Бонивур страдал, когда его пытали, давай еще возьмем вот это зеленое, запишем здесь на листочке координаты, ты умеешь узнавать, где север по мху на деревьях, а корабли видела на старом заводе, надо туда сходить всем вместе, когда выпустят брата из больницы, он все знает, тебе пригодятся разноцветные стекла жизни, бери, бери, у меня их много, я пошла, а то мама будет переживать, но она в этом не виновата...

Изрезали, искромсали,
Сказали – ну вот, так надо,
Вертели, сгибали, ломали,
И кто я? (Обычная радуга).

Имя твое по слогам
шепчу в безответный вой,
я не смогу, не отдам,
пусть остается со мной,
имя твое для меня –
молитва, а дальше – стон,
в сердце была не я,
хрупкий и нежный сон
высох, истлел на дне
памяти, тонкий крест
вдруг зацветет по весне
от перемены мест...

Но имя твое – во мне.

А всего-то нужно - по стеночке, до окна,
это очень просто, хватает пяти шагов
до стены, я чувствую там, за окном весна,
только врач запретил вставать - не то разойдется шов.

А всего лишь шрамом отделалась, он сказал,
полежи пока, как на кошке все заживет,
был бы я у тебя в родне, таких бы тебе прописал,
удивляюсь, но ангелам и дуракам везет.

Он хороший, лечит, командует всем открыть рот,
строгий, чуточку пахнет папиным табаком,
осторожно щупает пульс, осматривает живот,
заявляет, что к лету отпустит и никаких «потом».

Медсестра приходит, штативы - наперевес,
и опять нет вен - все ближе ко мне потолок,
а вот если сегодня умер, то где же завтра воскрес?
Обещала соседке Оле сплести брелок.

Получается быстро, я бы ей наплела,
старых капельниц много, так что хватит на всех,
только врач запретил вставать, но я до стены дошла,
помню, нянечка нас пугала, что это как смертный грех.

Мне увидеть срочно, ну, где же эта весна,
может там, за окном, мой папа давно стоит,
а всего-то нужно - по стеночке, до окна,
дядя врач, не ругайтесь сильно, шов почти не болит.

Я очнусь очень быстро на мягком большом берегу,
Будет петь океан, будут пальмы, солнце, песок,
и как будто надо остаться, но, Господи, я не могу -
обещала Димке из третьей тоже сплести брелок.

2007

ПЕТРОВА АЛЕКСАНДРА

Италия

Родилась в 1964 г. в Ленинграде. Поэт. Училась в Тартуском университете, с 1993 по 1998 гг. жила в Иерусалиме, с 1998 по настоящее время – в Риме. С начала 90-х годов стихи печатаются в «Митинем журнале», «Континенте», позже в журналах «Знамя» и «Зеркало», где выходят также ее эссеистическая проза и критические статьи. Книги: «Линия Отрыва», издательство «Митин Журнал - Северо-Запад», 1994; «Вид на жительство», НЛО (серия Премия Андрея Белого), 2000. В Италии – «Пастухи Долли, философская оперетта», 2003, Onix (в оригинале – в «Символ Мы», Еврейской антологии новой русской литературы, НЛО) и поэтический сборник «Altri Fuochi» («Другие огни»), «Crocetti editore», 2005, куда вошли также стихи из новой книги, готовящейся к печати. Кроме итальянского, стихи переводились на английский, китайский, сербский и португальский языки.

ИЗ ЦИКЛА “ПОДЗЕМНЫЙ РИМ”

Россия, мамаша слепая,
твой ямщик, я в тебе замерзаю.
В белоглазых озерах замерзшая рыба горит.
Лес в снега с головою зашит.

В чесучовом горле Орфея
чаща песни, где гласных трясина бурлит.
Флорентийский бродяга,
пастушонок Давид
подавились бы ею.

Отпусти ты меня по красивым полям,
проводи в загранлето.
Я вернусь, я найду тебя,
буду ходить по дворам,
буду в окна стучать:
Русь-Мисюсь,
где ты?

Пуговица, говоришь?
Нет, все, что могло, оторвалось.
Полопались губы, и глазки распухли от соли,
уже не Мертвого моря, а внутреннего, живого.

Рассветные сумерки раскачиваются до цифры семь.
Как неизбежное распрямляется запах кофе.
Люди влезают в ботинки на роликах и уезжают, наверное, насовсем.
Сапожник мне тоже сделает, вот только денег накопим.

Хлопают двери. Звякает сахар подъездных улыбок.
Повозившись у проходной, они вылетают за рамку туманного утра.
Ты жеходишь в плотные будни, —
тебя выталкивает вода.

Что, Смердяков, все воняешь во мне?
Почему не отпустишь
в мир европейский работников рано встающих?
Что тебе до меня?

Русские волки сидят в моих нуклеиновых клетках.
Очень тихие, на уколах и на таблетках.
Приходил Песталоцци, циркач с пистолетом,
научить их быть птицами на цветущих ветках
и на память читать *vita nuova*.
Лишь один обучился, но зубы выросли снова.

У косяка смеется птице-ребенок,
Путаясь перьями в слишком широком белье.
Воздушные простыни надуваются, хлопают на ветру.
Господи, не уклони сердце мое,
и я совсем его отопру.

1.

В подземном Риме
каменщик Gesù
зажжет огни,
слизнет твою слезу.

Он тоже грустный мальчик,
он поймет,
как от отчаянья болит душа-живот.

Подними меня с санок, магнитящих морозные мысли,
развяжи завязки на глухой ушанке.
Да, я видел заморскую красоту.
Но зрачки, расширенные темнотой родного,
не сжимались.

2.

Здесь полумрак, и полумрак во мне.
Свеча всполохами выхватит голубя на стене.
Так сухое чухонское солнце
заполняло собой когда-то
руку, тяжелую занавеску тускло разгорающегося окна
и голоса из сундука радиолы.
Пионерская зорька шумела водой из сливного бака,
уводила ласково на стройку будущего и в школы.

3.

Мир стоял надо мной. Дирижабль.
Последние новости не отличались от предыдущих.
Лишь когда случалось, что наступало лето,
старухи, вглядываясь, застывали в дверях:
белые поля одуванчиков,
как разводные мосты,
поднимались навстречу свету.

1.

В итальяйском звоне и гуле,
мраморном, пестром,
тяжелые пули ночей
отливают бледные сестры.
Не спят. К утру розовеют.
Холодные пальцы затягивают у шеи
ворот. Существа нетерпенья и перемен
вступают в карминный город.

Врассыпную они проходят через ворота святого Панкратия, Паоло, Себастьяна.
Горожанки. Завтракают cornetto и cappuccino. Болтают с барменом.
Оставляют на столике чаевые, а под столиком — мысли о тикающих пакетах.
Доброволки из отряда Софии Премудрости, Софии Перовской, Веры Засулич,
они смотрят в упор, как Европа закатывается в блестящие банки для супер-рынка

Вечерами ангары вселенной посыпают чистящей стружкой:
«отбеливает и хорошо впитывает признанья».
Кольцами разрастается срез плоского мира,
отполированный ветром моря, мелькающий скоростью неоновых пересечений,
скользкий от слюны поцелуев,
светящийся издалека ночными салютами спермы.

Мы любуемся ими в раскрытые майские окна,
пока стираются зубы, башмаки Timberland и другие волокна.

2.

Южные всадницы привязывают коней у паба. Приглушенный стон саксофона,
черный Тибр, недостроенный мост, редкие пешеходы, сменившие кожу.
Прямота мечтанья. Мечтательницы, поверяющие хаос латынью.
Это они вышивали кресты на флагах, изучали китайский по Мао Дзе Дуну,
милосердные, вычерпывали Дунай и Россию любили больше,

чем славянофилы.

Но, воительницы справедливые и растерянные, оглянитесь:
священное равенство уже наступило.

Микробиотика, фибросинтетика быстрее, чем взрывы,
уничтожают микробов различья.

Только те, кто цепляются беличьим взглядом за взнесенные кроны деревьев,
да особые нумизматы, замечают,
стирая со щек брызги волн обступившего моря,
как оно, высыхая на скулах,
проступает бронзовой золотухой,
пылью изъеденных временем лиц императоров, королей и тиранов.

Холодно животному сердцу,
зябко.

Восьмое июня.

Люди прячутся под тентами на глухих балконах.

Жарко.

Как это она, такая грозная и тихая,
эта любовь
оказалась короткой.

Стянулась мгновенно. Лопнувшая резинка
от трусов или чего там.

О, его трусы я знаю прекрасно:
зеленые, белые с синим,
серые в яблоках, голубые.

Господи, помоги не думать об этих деталях.
Они остывают.

Уже остыли.

Со стульчака слетает бумага
на вираже, – ветер такой.

Ты завидуешь ей, признайся,
пусть и меня, говоришь, закружит над ряскою, над рекой,

пусть порывом запутает в ветках цветущего персика,
бросит на вытоптанную траву.

Пусть подошвы и прочая низкая лексика
об меня себя оботрут.

ПУРИН АЛЕКСЕЙ

Россия

Родился в 1955 г. Поэт. Ответственный секретарь журнала «Звезда», редактор литературного альманаха «Urbi». Лауреат премии «Северная Пальмира» за книгу «Воспоминания о Евтерпе» (1997) и «Честь и свобода» (1999). Участник 32-го ежегодного Международного поэтического фестиваля в Роттердаме (2001). Произведения печатались в переводах на английский, голландский, итальянский, литовский, немецкий, польский, французский и чешский, в т. ч. в представительных антологиях. В 2001 г. в Дордрехте (Голландия) вышла в свет двуязычная книга стихов «De goudvink / Снигирь» (пер. на голл. Х. Боланда). Участник сборника «Мост: Молодые поэты Тбилиси и Ленинграда» (Тбилиси, 1990).

* * *

А. С. Кушнеру

Грузинский храм, и битый камень,
и неба виноградный пламень,
и кучевые облака,
и пика льдистая булавка...
Какая пестрая заставка
для путевого дневника!

Так некогда стихи писали.
Но мы родиться опоздали
для этой детской простоты.
И в результате опоздания
способны лишь на описанья
жары, вагонной маеты.

О, этот с женщиной попутной
нелепый, глупый, скучный, смутный,
невыносимый разговор!
Не лучше ль та игра в молчанку -
гусар, влюбившийся в турчанку,
без языка, и темный взор?..

Стекло царапая погоном,
проносит пиво по вагонам
осточертевший проводник.
В купейном жмутся к стенкам дети.
В плацкартном - словно в лазарете:
еда, белье, и храп, и крик.

Ах, сколько можно мыться, бриться,
курить? На месте не сидится.
В окне - один и тот же вид.
Одну и ту же вертят гору.
Во тьме бегут по коридору...
И опровергнут Гераклит.

ПОСЫЛКА

Стихи - секрет Полишинеля!..
Когда на воздух из тоннеля
наш поезд вырвался, синел
морской простор, разбужен ветром, -
с каким-то батюшковским метром
валов, вернее - зеленел...

Строка распахивает дали.
И, если б нам не рассказали,
что ложки чайные бренчат
в стаканах, и не объяснили -
о чем, мы так бы всё и жили
впотьмах, как двести лет назад.

Пространства выпуклого глобус
течет в окне. Чудесен логос,
соединяющий века!
И без отзыва и повтора

не выйдет, к счастью, разговора -
с Той, чья походка так легка.

1974, 1980

БАБОЧКА

Где, — спросишь, — Благодать? — Она живет внутри
огромных траурниц, смеживших переплеты.
Возьми одну в ладонь — и, как пыльцу, сотри
пыль ежесуточной заботы!
Ажурно-нежива (не говори: «мертва»),
она лишь оторопь иного
пространства — лучшего, где утлые слова
сливаются в пределе в Слово.

Так вслушайся тоской одушевленных сил
в то, что твердит тебе бумага:
«Я куколкою стал и гусеницей был,
но образ чаемый — имаго».
И мне мерещится грядущей веры храм,
как бы начертанный харитой:
не шпиль язвительный, не выпуклый лингам,
но — вроде бабочки раскрытой.

ПОЧТИ МОЛИТВЫ

1. Батуми

Пароход нам задумчиво скажет: «Бату-у-ум!»
Мне помимо природных красот
в городке этом нравится вкрадчивый шум -
он лудит, точит ножницы, шьет.

Всё распахнуто настезь: отпарить, и сшить
(я таких не видал утюгов!),
и в жезвейке турецкого кофе сварить,
и побрить... Разве рай не таков?

Он таков! А иначе что проку в раю
для поэта, для часовщика?
Дай и там мне, Всевышний, работу мою —
ту, к которой привычна рука.

Пусть сапожник тачает свои сапоги,
а не рыщет как тать по Кремлю.
Все кровавые распри изжить помоги.
И счастливой волны — кораблю.

2. Писательский дом. Тбилиси

Здесь в полдень — полумрак, здесь в знойный час — прохлада
каприйских мертвых вилл. И в запустенье сада
пируют призраки тех, кто здесь прежде был:
того убил тиран, а этот сам убил
себя; и русский друг, брат мимолетной жизни,
не смеет рта раскрыть на вашей тайной тризне.

О, избранная кровь, ты — лучшее из вин,
и только от тебя хмелеет властелин-
ничтожество: теперь его лицо рябое
должно сиять везде как небо голубое,
все птицы лишь ему должны хваленья петь;
а тем, кому смешны такие песни, — смерть,
забвение навек. И город, лучший в мире,
спускающийся с гор, рождает зуд в вампире...

Котэ, Алик, Нико, Шота, Зураб, Звиад,
да минет нас — храни вас Муза — этот ад!

3. Джвари

Аннелизе Аллеве

«Существованья ткань сквозная, -
сказал, - и рек не мыслит врозь».

И мне под старость довелось –
щедры, Господь, Твои дары! –
узреть с грузинского Синая
союз Арагвы и Куры.

Толпились тучи над горами,
вилось ущелье, как змея, -
и раскрывалась перед нами
страница Книги Бытия –
пейзажный фон для Моны Лизы,
где все народы стали в круг.
Что миру ссоры и капризы? –
не мыслит врозь он рек и рук.

Июнь 2007

РАТИანი ზვიად

Грузия

Родился в 1971 г. в Тбилиси. Поэт, переводчик. Получил высшее техническое образование. Начал печататься с 1992 г. С 1995 по 1999 гг. был членом Союза писателей Грузии. В те же годы работал редактором в издательстве «Мерани», заведовал отделом поэзии в литературном журнале «Арили». Переводил английских, американских, немецких поэтов XX века. Лауреат литературных премий: ежегодная молодежная премия Союза писателей Грузии (1995, 1998), премия издательства «Ломиси» за переводы Эзры Паунда и Т.С.Элиота (1998), премия книжного дома «Бестселлер» за лучшую поэтическую публикацию года (1999), премия Института Гете за переводы П. Целана (1999), премия журнала «Арили» за лучшую публикацию года (2000). Автор нескольких сборников стихотворений и книг переводов. Участвовал в ежегодном Международном литературном фестивале «Рауризер Литературтаге» (Австрия, 2004). В 2005 г. вышла очередная книга стихов «Пути и дни», которая удостоилась премии Важа Пшавела. Стихи переводились на русский, немецкий, английский, французский, азербайджанский, армянский и греческий языки.

ცხოვრება ქვეშეში

გასაგებია ყველაფერი.

მეც სწორედ მსგავსი სიბრძნეებით ვისუღელებდი
ჩემს გულს, მაგრამ გაიწელა –

ეს ჟამი ქვების შეგროვების – სწორად ვამბობ? – ჰოდა ეს ჟამი

უსაშველოდ, სამარცხვინოდ გაიწელა:

შეგროვილია ყველა ლოდი და ყველა კენჭი,

უზარმაზარი გაღავანი ამოშენდა

ჩემს გარშემო,

და იმსიმაღლე –

გინდაც მოვიდეს ჟამი სროლის,

ალბათ ყველაზე მსუბუქ კენჭსაც ვერ გადავაცდენ,

ვერ გადავადგებ გაღავნის მიღმა.

განძრევსაც კი მეშინია – შეიძლება ჩამოიშალონ

ეს ჩემი წლობით ნაგროვები მეტყველი ქვები

და მომსრისონ. ვზივარ უძრავად

და ყველა ქვას სათითაოდ ვათვალიერებ;
ზოგიერთი მიყვარდება,
მაგრამ ვერ ვუმხელ.

ЖИЗНЬ СРЕДИ КАМНЕЙ

Да понимаю я все.
И сам такими же мудростями одурачивал
себя, и сердце свое, но затянулось –

это время собирать камни – я правильно сказал? – и вот это время
что-то слишком, постыдно затянулось:
все камни и все камешки, большие и крошечные, собраны,
огромные стены воздвигнуты
вокруг меня,
высокие такие –
если и придет пора разбрасывать,
даже самый легкий камешек не перебросить
за стены.

И шевельнуться боюсь – ведь могут упасть
эти мои, годами собираемые, выразительные камни
и раздавить меня. Сижу неподвижно

и рассматриваю каждый камень по отдельности;
в некоторые, случается, влюбляюсь,
но не решаюсь признаться.

მცირე ელემენტებისათვის

აი, ეს ხეა მამაჩემი.
გაგიკვირდა?
მუხას ელოდი?
არა, ეს ხეა მამაჩემი,
ეს ტანწვრილი
და არც ისე ხანდაზმული,

რომელსაც ფხიზლად ძინავს ზამთარში
 და გაზაფხულზე პირველივე სითბო აღვიძებს.
 ის არ ჩრდილავს ნახევარ ეზოს,
 არ აბნელებს დანარჩენ ხეებს,
 მისი ჩრდილი მსუბუქია და თვინიერი –
 მას შემოდგომის სუსტი მზეც კი
 სულ ადვილად ატრიალებს ღერძის გარშემო,
 ხოლო ზაფხულში, როცა ჩვენკენ უზომოდ ცხელა,
 მისი ჩრდილი, მეტს თუ არა, ხუთ-ექვს ჩვენგანს ნამდვილად იტევს
 და ჩვენ ეს გვცოფნის. მეტი არც ვართ.
 მეტი არც გვინდა.

МАЛАЯ ЭЛЕГИЯ ДЛЯ ОТЦА

Смотри, это дерево и есть мой отец.
 Ты удивлен?
 Дуб ожидал увидеть?
 Нет, это дерево и есть мой отец,
 это тонкостволое
 и ещё совсем не старое,
 которое чутко спит зимой
 и весной пробуждается при первом тепле.
 Оно не затеняет половину двора,
 не заслоняет свет другим деревьям,
 его тень не тяжела и послушна –
 даже слабое осеннее солнце
 без труда вращает ее вокруг ствола,
 ну а летом, когда у нас невыносимо жарко,
 его тень пятерых-шестерых, если не больше, укрывает свободно,
 и нам этого хватает. Нас больше и нет. Большого
 и не надо.

Перевод Инны Кулишовой

პარსვა

საკუთარ სახეს სარკეში

ნუ გეშინია:
მე ვერასდროს ამოვიცნობ
ჩემს სახეს შენში.

სისხლის წვეთი,
საპნის ქაფზე რომ მსხვილდება თანდათანობით,
ჩვენ ვერასდროს შეგვაერთებს,
ნუ გეშინია.

ნუ გეშინია:
მე ვერასდროს გადმოვლახავ შენს გლუვ ზედაპირს
და ვერც აქეთ გამოგიხმობ,
ვერც მეხსომები.

მე არ შევიმჩნევ შენს შეცდომებს:
ვისდრე ღიმილს ამაყოლებ, ჯერ რომ იბნევი.

ნუ გეშინია:
მე და შენ ერთად არ დავბერდებით.

БРИТЬЕ

Своему отражению в зеркале

Не бойся –
я вижу:
ты не я.

Капелька крови,
проступившая сквозь мыльную пену,
не свяжет нас –
не бойся.

Не бойся –
я здесь, а ты там:
по ту сторону амальгамы,
ты это ты.

Улыбаясь в ответ,
ты всегда немного запаздываешь.

Не бойся –
тебе не придется стареть вместе со мной.
Перевод Дмитрия Веденяпина

ზამთრის ანკეატა

მოვიდეს ზამთარი, მე უკვე მზად ვარ.
უკვე ჩავიცვი ჩემი შავი სამოსელი,
სხვა დანარჩენ ნაჭრებს შორის ერთადერთი სამოსელი,
რომელიც მხოლოდ ხორცს კი არა, სულსაც მიფარავს:
შავი შარვალი, შავი ჯემპრი
და შავი, ბაბუაჩემის ნაქონი პალტო –
ჩემი ძმის მიერ გადაჭრილი, დამოკლებული;
საერთოდ მუქი ჩემი კანიც, აი, უკვე გაფერმკრთალდა
და წვერის პარსვაც
სულ უფრო ხშირად მეზარება –
მოვიდეს ზამთარი.

მოვიდეს ზამთარი, მე უკვე შემცივდა
და აქ, ცენტრალურ უნივერმალში
გასათბობად შემოსული, ზეგლივით ვდგავარ
სართულსა და სართულს შორის გაჩერებულ ესკალატორზე
ან დაბნეული დავაბიჯებ დახლებსა და ტაროებს შორის,
სადაც ციმციმებს ყველაფერი:

ქურქები და ქაღები და უნიტაზები
ეჭვიანად შენათიან და ზვერავენ მოქალაქეებს
და ცდილობენ, ათასობით მუშტარს შორის
შეარჩიონ ის ერთი – პატრონი,

მე კი, მათშორის უქმად მავალს ჩემი შავი სამოსელით,
სხვა დანარჩენ ნაჭრებს შორის ერთადერთი სამოსელით,
აი, უკვე ეჭვიანად შემომნათის ყინულის თვალი
დაცვის მრისხანე თანამშრომლის –
მოვიდეს ზამთარი.

მანეკენებო,
მე თქვენი ძმა ვარ და ტყუპისცალი ვარ თქვენი
და თქვენზე უფრო ხელოვნური
აქ, ცენტრალურ უნივერმალში,
სადაც ადამიანები ნაწილებად იშლებიან ნივთების თვალში:
მარტოთვალებას – ჭაღებისთვის, მარტომხრებად – ქურქებისთვის,
უნიტაზებისთვის – მარტოსაჯდომებად;
და ჩემზე უფრო ხელოვნური
არის სითბო უნივერმალის,
რომელსაც მუქთად შენობიდან ვერ გაიტან –
გახვალ, გაქრება.
და ჩემი შავი სამოსელით,
სხვა დანარჩენ ნაჭრებს შორის ერთადერთი სამოსელით –
შავი შარვლით და შავი ჯემპრით,
ბაბუაჩემის ნაქონი და ჩემი ძმის მიერ
გადაჭრილი შავი პალტოთი
(იყო კიდეც შავი ქუდიც, მაგრამ დაიხა),
მანეკენებო,
მე თქვენი ძმა ვარ და ტყუპისცალი ვარ თქვენი,
მშვენიერო, საზარელო მანეკენებო,
და თქვენზე უფრო ბრმადშობილი
აქ, ცენტრალურ უნივერმალში,
სადაც ნივთები შესაშური მოთმინებით დაეძებენ ერთადერთ პატრონს,
სადაც ადამიანები უნებურად იქცევიან მარტოხელებად
და სადაც ზამთარი მხოლოდ სეზონია.
მოვიდეს ზამთარი.

ЗИМНЯЯ АНКЕТА

Пусть приходит зима, я готов.
Влез уже в черные свои одежды,
единственные из кучи тряпья одежды,
покрывающие не только тело, но и душу:
 черные брюки, черный свитер
и черное драповое пальто моего деда,
 переделанное в полупальто моим братом.
Темная обычно кожа моя уже побледнела,
 и все чаще
 мне лень бриться —
пусть приходит зима.

Пусть приходит зима, я уже замерзаю
и здесь, в центральном универмаге,
 зайдя погреться, стою как статуя
на эскалаторе, застрявшем меж этажами,
или брожу потерянный между полками и рядами вешалок,
где сверкает все —
 шубы-люстры-унитазы
недоверчиво разглядывают и просвечивают граждан своими бликами,
стараясь из тысяч покупателей
 выбрать себе единственного — хозяина;
и меня, бредущего между ними в черных моих одеждах,
единственных из кучи тряпья одежд,
уже недоверчиво просвечивает ледяной зрачок
грозного охранника —
пусть приходит зима.

 Манекены,
я брат ваш, я ваш двойник,
я куда неестественней вас
 здесь, в центральном универмаге,
где люди дробятся в глазах вещей,
становясь лишь-глазами для люстр, лишь-плечами для шуб,
 лишь-задами для унитазов...

но куда неестественнее меня
 это тепло универмага,
да, задаром его не вынести отсюда,
 выйдешь – исчезнет.
И в черных моих одеждах,
единственных из кучи тряпья одежд,
в черных брюках и черном свитере,
в ношенном дедом моим и моим братом укороченном черном пальто
(была еще черная кепка, но потерялась),
 манекены,
я брат ваш, я ваш двойник,
рожденный слепым, гораздо слепее вас,
 здесь, в центральном универмаге,
где вещи с потрясающим терпением ищут себе единственного – хозяина,
где люди невольно влипают в черное одиночество
и где зима всего лишь сезон –
пусть приходит зима.

Перевод Ирины Ермаковой

სხვა ნაპირი. ფრაგმენტი

მზე ჩადიოდა სადღაც განზე, ზღვაში არა,
და ზღვაც იყო სხვანაირი, ჩრდილოური,
ზედაპირის უჩვეულოდ გლუვი ქსოვილით
და თითქმის მოუხელთებელი, სიფრიფანა ჰორიზონტით,
რომლის ზოლი გაცილებით ახლოს ჩანდა,
ვიდრე იმ მეორე, ერთადერთ ზღვაში,
რომელიც მენახა. და მე, ცხრამეტი წლის
და ცოტათი გაკვირვებულიც, რომ თურმე ზღვებიც კი არ გვანან ერთმანეთს,
სიხარულით შევყურებდი ულამაზეს რუს გოგონას,
რომელიც წყლიდან ნაპირისკენ გამოდიოდა
ნელა, ბორძიკით – რადგან ქვიანი იყო ფსკერი. მზე ჩადიოდა
და აბრწყინებდა ზღვის მლაშე წყლით მოსარკულ სხეულს,
მე კი ვიყავი ცხრამეტი წლის, უნარსულო, და ვერ ვხვდებოდი,
რომ სულ ესაა სილამაზე: რამდენიმე თბილი ფერის
ილბლიანი შეხამება, სხვა არაფერი...

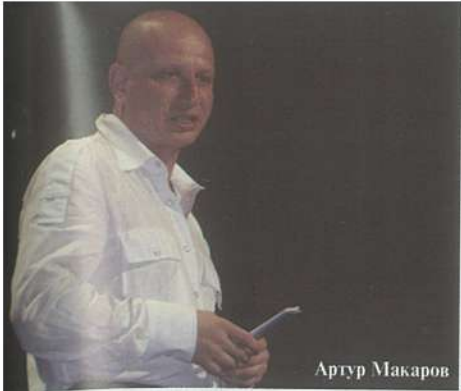
ДРУГОЙ БЕРЕГ. ФРАГМЕНТ

Солнце спускалось куда-то в сторону, не в море,
и само море было каким-то не таким, северным,
с удивительно плоской тканью поверхности
и с тонким, глазом почти неуловимым, горизонтом,
линия которого проходила гораздо ближе,
чем в том другом, единственном море,
которое я видел. И я, девятнадцатилетний
и слегка удивленный тем, что даже моря не похожи друг на друга,
с радостью смотрел на красивую русскую девушку,
которая выходила из воды на берег, ступая
медленно, спотыкаясь — так как дно было каменистым. Солнце спускалось,
и в его лучах блестело тело, покрытое глазурью соляной воды,
я же был девятнадцатилетним, прошлое пока не имевшим, и не мог понимать,
что это и есть красота: удачное сочетание
нескольких теплых цветов, и только...

Перевод Инны Кулишовой

Артур Макаров

Елена Исаева

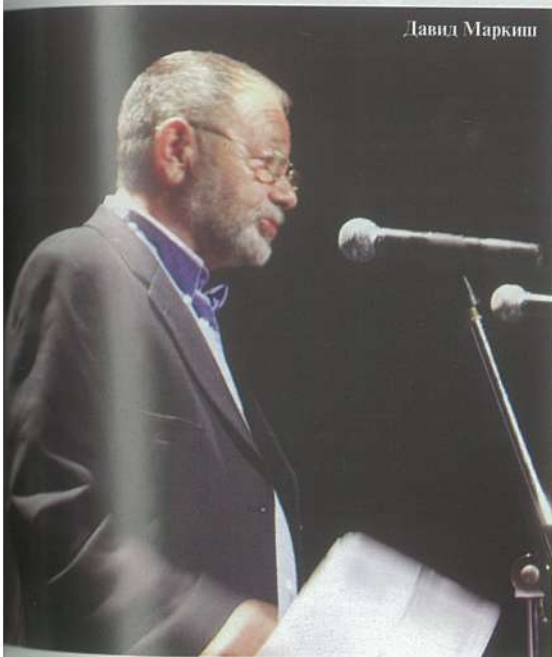
Алексей Пурин

Юрий Кобрин

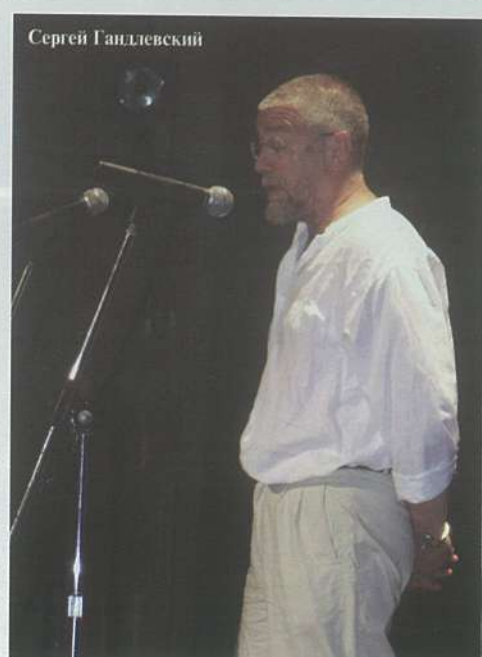
Александра Петрова

Давид Маркиш

Инна Кулишова

Сергей Гандлевский

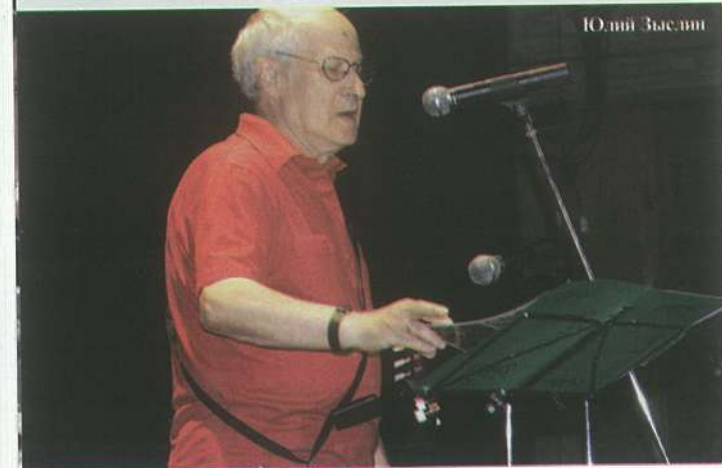
Зал Театра Царского подворья

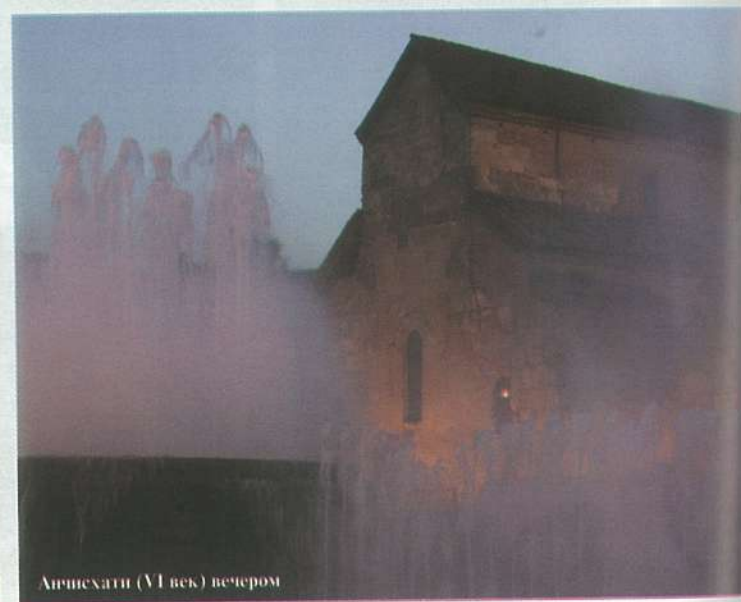
Борис Херсонский

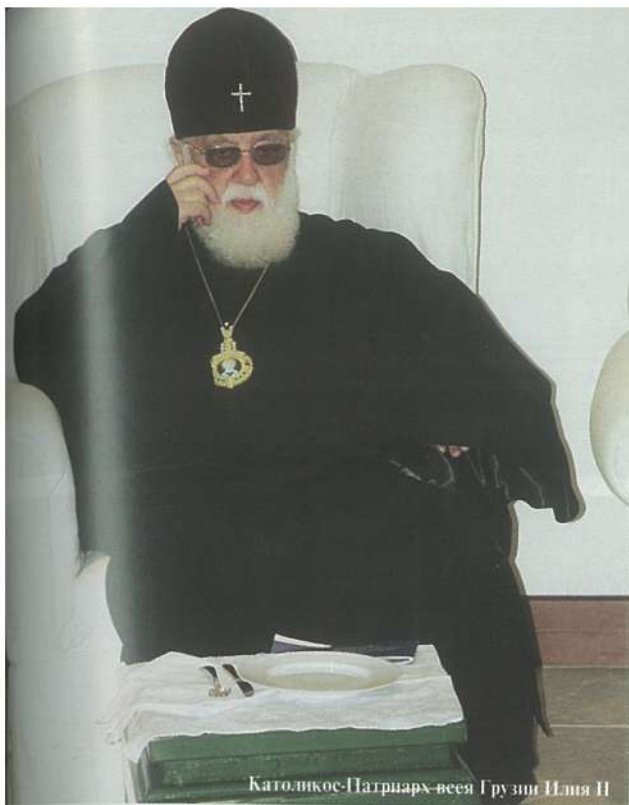
Алексей Цветков

Юлий Заслин

Апсиды (VI век) вечером

Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II

Орден десницы святого
Иоанна Крестителя

Валерий Новоскольников, церемония вручения
Патриарху ордена десницы святого Иоанна
Крестителя

Прием у Католикоса-Патриарха всея Грузии Илии II

Вячеслав Коваленко, Наташа
и Рамаз Чхиквадзе, Николай
Светицкий

А.Беженцева, Е.Майзе, В.Перетели

В.Турцев (МСРС), граф П.Шереметев (МСРС), Н.Светицкий (Русский клуб), А.Гогитидзе (Ассоциация грузино-российских взаимосвязей Абхазии)

Олег Воловик (МФРП)

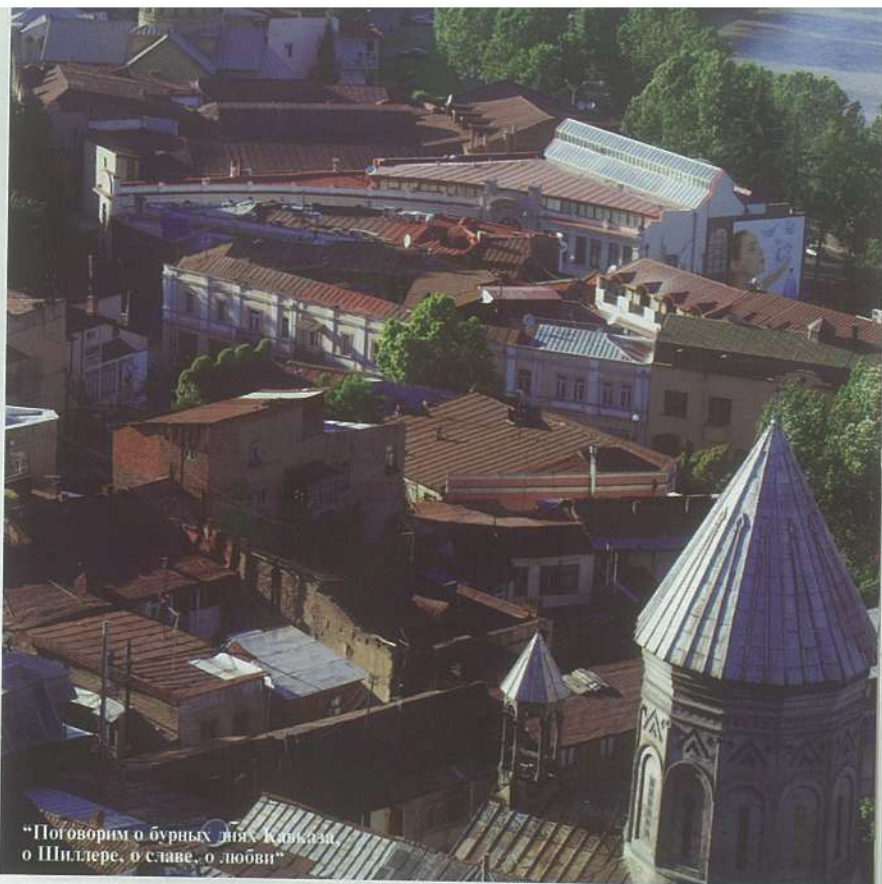
В Доме-музее Елены Ахвледиани

А.Петрова, Ш.Наташвили, Б.Берсонский,
И.Кулишова, А.Цветков

Ю.Зыслин и О.Цыбенко

“Поговорим о бурных днях Кавказа,
о Шиллере, о славе, о любви”

А.Алева и З.Ратиани

Е.Майзель, Г.Кочофа, Г.Чаналири,
П.Шереметев, В.Глonti,
З.Чипашвили

Николай Светицкий

Римма Маркова

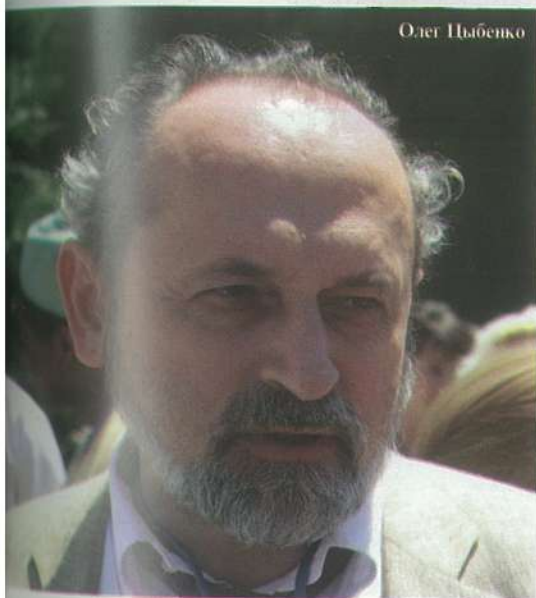
Габриэль Анисет
Кочофа и
Г.Иналишвили

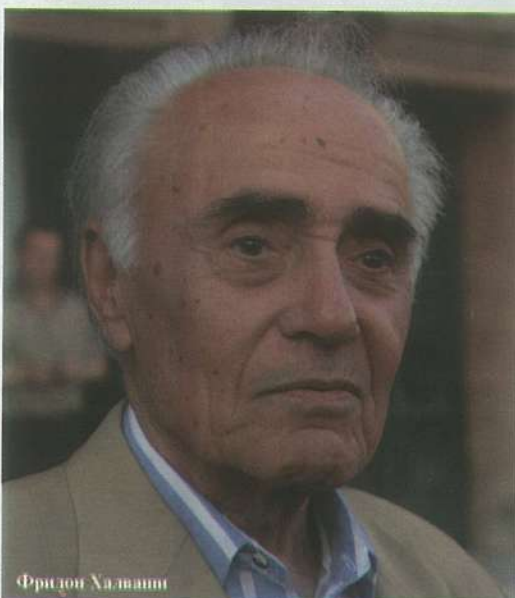
Юрий Кобрин

Татьяна Перцева

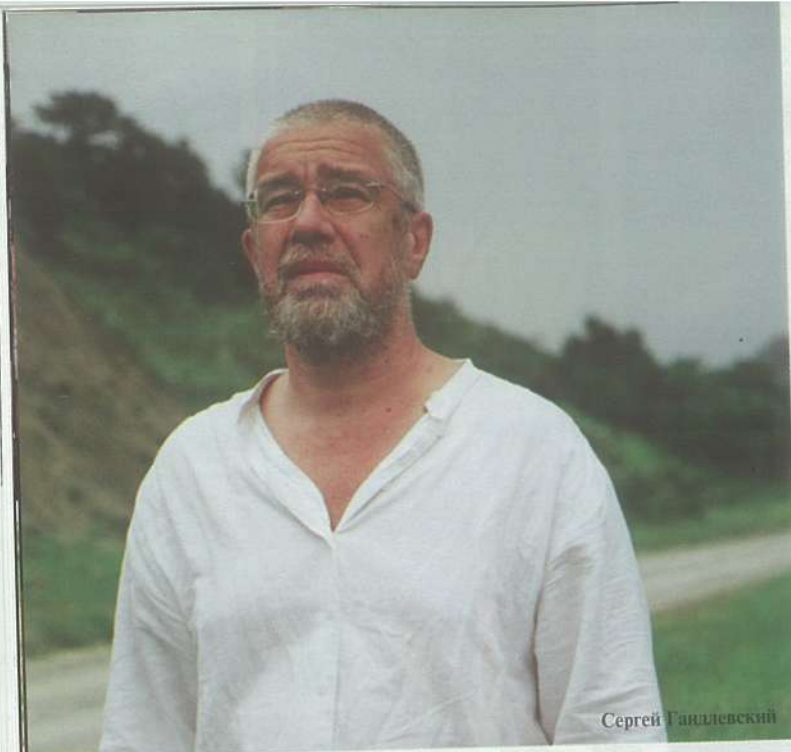
Олег Нибенко

Фридон Халвани

Олег Воловик

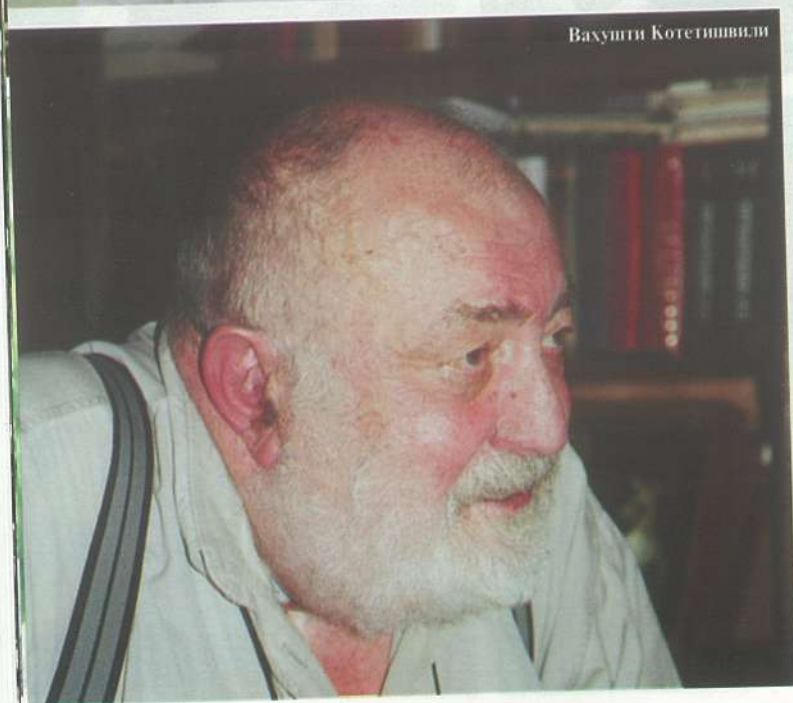
Сергей Гандлевский

Алексей Цветков

Борис Херсонский

Вахушти Котетишвили

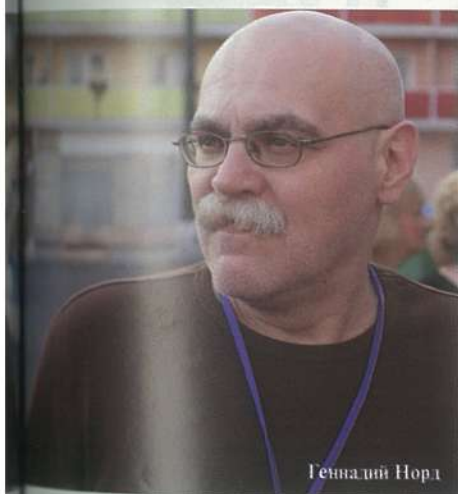
Зураб Ртвелашвили

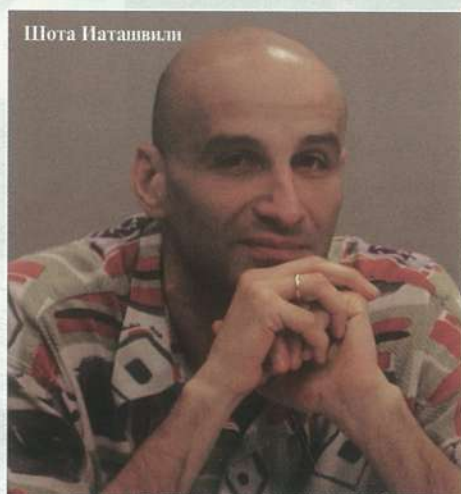
Посол Российской Федерации в Грузии
Вячеслав Коваленко

Елена Майзель (Радио России, Санкт-Петербург)

Геннадий Норд

Шота Наташвили

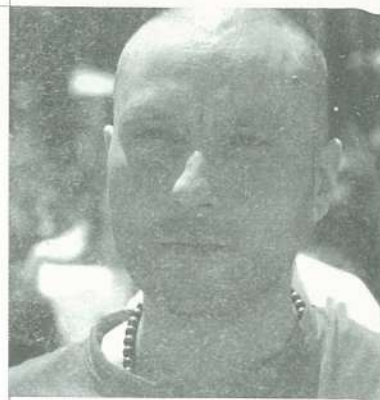

რტველიაშვილი ზურაბ

Грузия

Родился в 1976 г. в Караганде. Поэт. Автор трех поэтических книг: «Ирекция» (1997), «Апокриф» (2002), «Анарх» (2005). Участник коллективного сборника «Аномальная поэзия» (1993). Активный деятель альтернативных литературных мероприятий. Занимается мультимедийными проектами. Участник поэтических и театральных фестивалей «Поезд», «Мзгури», «Арт-Кавкасиа», «Gift». Внесен в антологию грузинской современной поэзии.

ზურმუხტის ჯვრები

გაახმოვანე ჩემი ექო,
ვიდრე დრო ითვლის—
ნამებს ნიკნიკით ერთ საათში
მოვუყრი მწკრივად!
ტერფიდან კეფა ავიარე
ხერხემლის ხიდიტ,
ნეკნების ხმაზე ავაცეკვე
ცერები ცერად.
ვინც დამიჩოქა, ვერ ვაჩუქე
უფასო კოცნა.
ვინც არ მომენდო, მას მოვარგე
ლაგამი ზეზე,
ჩემ ტაქტზე სწავლობს
ქვემეხივით ხმამალალ ლოცვას,
და როგორც გიჟი, სხვის სიმშვიდეს
ჩემ ხმაში ეძებს!
გაახმოვანე ჩემი ექო, ვიდრე
დრო ითვლის,
განახო ეს ზღვა, ეს კივილი,
ხანძარი – ეს მზე!
ვიდრე მთვრალეები მოირგებენ

მაცხოვრის გვირგვინს!
ვიდრე ხელკეტებს გადაცვლიან
ზურმუხტის ჯვრებზე! . .

ИЗУМРУДНЫЕ КРЕСТЫ

стихи на бархате революции

Озвучь мое эхо, Хронос,
покуда считаешь нас,
секунды веди на голос —
я площадь пушу в пляс.
Из вопля камней брусчатки
огнем по хребта мосту,
на голос ребер — из пятки
по позвонкам взойду.

Смирённому — поцелуя
не подарю за так,
неверящего — скручу я,
пусть учит на мой такт
молитву, как пушки грохот,
висящую над толпой,
и, как сумасшедший город,
пусть ищет чужой покой.

Пожар — это солнце!
Строясь,
секунды сжигают час,
озвучь мое эхо, Хронос,
пока ты считаешь нас:
вот площадь — как Бог в лезгинке,
вот — пьяное море ртов, —
скорее! Пока не сменили дубинки
на изумруды крестов.

Перевод Ирины Ермаковой

აპოკრიფი

მამაო ჩვენო რომელი ხარ ცათა შინა,
კრემატორი ვარ ავსებული ხალხთა ცოდვებით,
მილიარდობით ხსოვნა დავნვი ფოლადის გულში,
რომ დავუბრუნო ცას სპეტაკი მისი ლოცვები...

მამაო ჩვენო რომელი ხარ ცათა შინა,
ავტოსტრადა ვარ უსასრულოდ ჯვარცმული გზების,
პოლიციელი რკინის ფარას ხელკეტით მწყემსავს,
ფარას, რომელიც სავსე არის რკინის მხეცებით....

მამაო ჩვენო, რომელი ხარ ცათა შინა,
ბუდა ვარ, შივა, შენი ძე ვარ, შენი სიმშვიდე,
გთხოვ ააცილო განსაცდელი ამ სხეულს წმინდას,
სხეულს, რომელსაც რკინისა აქვს ყველა ნეკნები.

მამაო ჩვენო, რომელი ხარ ცათა შინა,
ქარხნების ხმაზე ნაგიკითხავ აკრძალულ ლოცვებს,
სექტა ვარ დოლით! წმინდა სექტა და რწმენის
ლიფტით
ვმოძრაობ ფრთხილად უნეტარეს შენს
სართულებზე...

მამაო ჩვენო, რომელი ხარ ცათა შინა,
ელმავალი ვარ ავსებული ხალხთა ცოდვებით,
როგორც თეთრეულს, აღსარებას გაბარებ წმინდას,
რომ დავუბრუნო ცას სპეტაკი მისი ლოცვები...

АПОКРИФ

Отче наш, иже еси на небеси,
я – крематорий, полнящийся грехами.
Во мне миллиарды распались, их память спит,
но их молитвы, что свитки, пылающие над нами.

Отче наш, иже еси на небеси,
я – автострада распятых дорог и линий;
стадо железных животных, бессмертных сил
пастырь кнутом охаживает в долине.

Отче наш, иже еси на небеси,
Я – Будда, Шива, я сын твой и твой прообраз,
так огради, укрой, приюти, спаси
святое тело мое,
не корей железные мои ребра!

Отче наш, иже еси на небеси,
трубы заводов трубят и склоняются, присягая.
Сектант с барабаном в смерть заходит босым,
мчится на лифте в предошущее рая.

Отче наш, иже еси на небеси,
я – электричка, выстуженная грехами,
исповедь чистую кладу на твои весы,
ибо молитвы, что свитки, пылающие над нами.

ამოცეცი ნება

ნება მომეცი ჩავიგუბო ფილტვებში ქარი,
ამივსე მზერა ენერგიით — გამოვწვავ მზეებს,
თუ არ გაჩნდება ზედაპირი, ამოვყრი ძალით,
მარმარილოზე დავაყენებ ფოლადის მძევალს.

ნება მომეცი ვერ შევეხო ევროპის დაისს —
შორს დევს აზიის მიმზიდველი უაზრო მტვერი,
ფართე ფილტვებში ჩავიგუბებ დამუხტულ აირს —
ათას ცეპელის დაუდევრად გავისვრი ზევით!

ნება მომეცი გავურიო სიყვარულს რკინა,
ამივსე მზერა ენერგიით — გამოვწვავ მზეებს!
შენს ბაგეს ენით, როგორც სარკმელს, შევალე

ფრთხილად,
როგორც ლიანდაგს – ლიანდაგზე გადავჭრი
სტვენიო!

სისხლი ფარულად წაიკითხავს საკუთარ ანბანს,
ცა დაიშლება – როგორც ფერი უცნაურ ხმებზე –
ის მოდის ახლოს, ბრწყინვალე და ახალი აღთქმა,
რომ ოქროს სხივი, როგორც კვერთხი შემახოს
ფრთებზე.

გაშალე ბგერა, გადარეცხონ აზრებმა სივრცე –
მაკოცე ისე როგორც ჰკოცნი სინათლის ღმერთებს,

იქ სადაც ცეკვავს განუწყვეტლად რამა და შივა,
სადაც ის იშვა, ყველაფერი დასრულდა ერთ დღეს.

ნება მომეცი! ჩავიგუბო ფილტვებში ქარი,
ამივსე მზერა ენერგიით, გამოვწვავ მზეებს –
თუ არ გაჩნდება ზედაპირი, ამოვყრი ძალით,
მარმარილოზე დავადუღებ ფოლადის მძევალს.

МОЛИТВА

Наполни мне лёгкие твоим лёгким ветром,
Наполни мой взор энергией – солнца раню,
Сооружу пьедестал для ослепительного Завета,
Сталь загорится – не шелохнётся мрамор.

Позволь мне не прикасаться к закату Европы,
Пыль Азии – далеко, бессмысленная и родная.
Я лучше как следует выдохну, и на небесные тропы
Взметнётся беспечная тысячецепелинная стая.

Позволь мне к любви подмешать и железо.
Наполни мой взор энергией – солнца раню.
Уста твои языком отворю, чтобы, мрак перерезав,
Состав мой вырвался в невероятные страны.

Кровь тайно изучит собственную историю,
Завтра, как радуга, распадется на странные голоса.
Он приближается – новый Завет, которому
Трепетом крыльев я присягну в небесах.

Звук разверни, и пусть мысли омоют вершины,
Твой поцелуй – у насельников света украден
Там, где танцуют без усталости Рама и Шива.
Там, где родится твой звук, всё окончится за день.

Наполни мне лёгкие твоим лёгким ветром,
Наполни мой взор энергией – солнца раню.
Сооружу пьедестал для ослепительного Завета,
Сталь загорится – не шелохнется мрамор.

მათი ნებაა...

მათ უფლება აქვთ დაიბადონ სიკვდილზე ადრე,
რომ ფეხაკრეფით სიმღერაზე გავარდნენ ქარში.
მათ უფლება აქვთ დაბალ ხმაზე იცეკვონ ღამე,
„იცეკვონ ფრთხილად“ მთელი დღია, მათი ნებაა...

მათი საქმეა, როგორ მოკლან უფასოდ გრძნობა,
თუ არ იძლევა უსაფუძვლოდ აღერსის ნებას.
მათ უფლება აქვთ გაამრავლონ ახალი მოდგმა,
ცვითონ ტერფები გატაცებით, მათი ნებაა...

მათი საქმეა ააშენონ მაღალი სახლი,
ვინრო კარები ჩამოკიდონ მძიმე კედელზე —

მათი ნებაა ჩუმად ერქვათ რჩეული ხალხი,
გაჭრან არხები გადაკეტონ ყველა საზღვარი.

მათი სურვილი ნათელია — იარონ სწრაფად,
ათრიონ ბარგი, ვიდრე გზები არ დამთავრდება.
მათ უფლება აქვთ ყველაფერი აკეთონ კარგად,
და მშვიდად მოკვდნენ მომავლისთვის, მათი ნებაა...

ЭТО ИХ ПРАВО

Это их право – родиться несколько раньше смерти,
чтобы под музыку на цыпочках семенить,
ночью ли, осторожно, путаясь ли в рассвете,
в сеть залучая ветер, танец без имени.

Это их право – убить в себе бескорыстно чувство,
коли оно бессильно перевозмочь корысть,
тридцать лет шествовать в тридешатое царство
и, достигнув совершенства, счастья не обрести.

Это их право – выстроить вавилонскую башню
с цепью ничтожных бойниц по громоздкой стене,
в гильдии избранных перебиваться чушью,
реки кроить, всё, что вне, оставляя в тени.

Их желание понятно: двигаться в пустоту,
подгибаясь под грузом, не видя, что слева, что справа,
безмятежно уйти в ослепляющую высоту,
умереть подле будущего – их право.

მალლაშემდგარი ადამიანები ხედავენ დაბლა,
ზომავენ ფრთხელად ხმაურისგან დანალმულ
სივრცეს,
მალლა შემდგარი ადამიანები იცავენ ქალაქს,
იცავენ მიწას, მათ ფეხებ ქვეშ ჩუმად რომ იწევს.

მაღლა შემდგარი ადამიანები იჭერენ ხმაურს,
ბგერებს, რომლებიც თავისთავად რაღაცას ნიშნავს.
მაღლაშემდგარი ადამიანები ავსებენ ჰაერს,
საფუძვლიანი უტაქტობით აღნობენ რკინას.
მაღლაშემდგარი ადამიანები ხმარობენ ხელკეტს,
მაღლაშემართულ მოღერებით უჭირავთ მზერა,
მაღლაშემდგარი ადამიანები ინვევენ ლელვებს,
უყვართ თასმები, რომ სწვდებოდეს ყველგან და

ყველას!

მაღლაშემდგარი არსებები იცნობენ კარგად,
მათ, ვინც არ უწყობს ფეხის ნაბიჯს მკრთალ

მოწოდებებს,

მაღლაშემდგარი გულთმისნები ხვდებიან ალბათ —
რისგან შედგება უცნაური ჩვენი ცხოვრება...

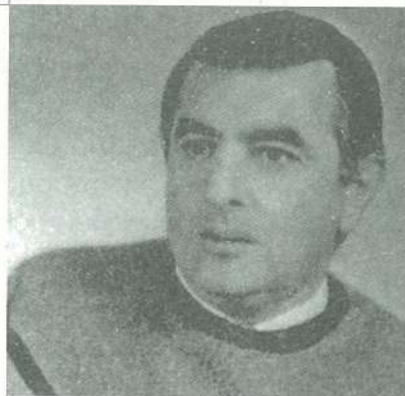
Высоко залетевшие смотрят в корень,
измеряют взглядом заминированное пространство,
высоко залетевшим — земля с надземельем вровень,
и они опекают ее — без отрыва от странствий.
Высоко залетевшие чутким слухом
ловят звуки, по-своему имеющие значение,
высоко залетевшим воздух бывает пухом,
и железо плавится под их непосредственным попеченьем.
Высоко залетевшие — законники и охранники,
высоко залетевшие смотрят вперед и прямо,
высоко залетевшие сеют предгрозовую панику
и расправой грозят неправедным и упрямым.
Высоко залетевшие почти поименно знают,
с кем бороться,
кружась, выходят из окруженья,
горько грезя, уже приближаясь к раю,
о земном несбыточном притяженье...

Перевод Виталия Науменко

ТЕДОРАДЗЕ ДАВИД

Грузия

Родился в 1949 г. в Батуми. Поэт. Окончил филологический факультет Батумского государственного пединститута. С 1970 г. печатается в республиканских периодических изданиях. В 1976 г. был издан первый сборник стихов «На волоске судьбы». В дальнейшем выпустил 9 книг. Занимается издательской деятельностью. В 1990 г. основал редакционно-издательскую фирму «Армагани», с 1993 г. – директор АО «Издательство Аджара». Член Союза писателей Грузии с 1981 г. С 2006 г. председатель правления Аджарской организации Союза писателей Грузии. Лауреат премии Ладос Асатиани. Награжден Орденом Чести.

МОКРЫЕ ЕЖИ

Заплакали пальмы
В дождливой рассветной
Тиши.
Проклятье божье!
Я вовсе
Дождя не хотел!
Топочут вразвалку
Промокшие за ночь
Ежи.
Спешат
Безобидные жители ночи
Домой.
А я же куда?
И к кому?
Как мне дальше идти?!
Веселье утихло –
Я быть не сумел
Тамадой...

Над серой волной.
Приду и скажу:
Дорогая, я пьян!
Что с того?
Бывает...
Напился и плачу
О нашей любви...
Я прямо с застолья –
Виною мне
Только вино!
Друзья пригласили –
Любимая,
Не греши!
Я пьян,
Не с своей добротой
Меня успокой!
Зачем же
Заплакали пальмы

Вливается в душу
Приморского парка
Покой,
Начало шестого,
Спит город,
И молнии свет
Туман рассекает,
Повисший

В рассветной тиши?!
Проклятие божье!
Куда мне теперь
Идти?
К тебе возвращаюсь,
Родная,
Как мокрый ёж...
Слезами, упрёками,
Болью
Меня награди!..

КОГДА ВЛАСТВУЮТ ДОЖДИ

А Батуми дождь не удивит,
Небо продолжает тучей хмуриться...
Мне от света хочется зажмуриться,
Пусть лучами солнце ослепит,
И повиснет радугой над улицей!

Покажись-ка, солнце, из-за туч!
Загрустил мой гость, не улыбается –
Это ж надо! Дождь не унимается!
Словно руку, протяни свой луч,
Ведь погода тоже ошибается!

Поднимись-ка, солнце, над волной,
Чтобы женщины цвели фиалками,
Не казались мокрыми русалками, –
И любовь придет сама собой,
Поцелуями согреет жаркими!

Когда в сердце властвуют дожди,
Сны счастливой юности не вспомнятся,
И желанья не спешат исполниться...

Хватит, дождь! Теперь уж погоди!
Солнцем сердце пусть скорей наполнится!

Скорей, чем мгновенный бабочки век,
Тает батумский снег...
Но солнечный свет и тепло его
Люблю я больше всего!

Пусть ветер приносит то дождь, то град,
А к вечеру – снегопад,
С тоской неизбывной я в высь гляжу,
И будто бы чуда жду.

Светило земное! Скорей взойди,
И душу согрей, освети!
Безрадостны мысли в пустом саду –
Кто купит печаль-беду?..

ТОРРЕС АЛЬБА

Никарагуа

Родилась в 1958 г. Поэт. Член Союза писателей России и Никарагуа, лауреат Международной премии им. Рубена Дарио. Окончила Литинститут им. Горького (семинар Льва Ошанина). Закончила курс литературного мастерства на о. Солентинамо у Эрнесто Корденаля (класс Хулио Кортасара и Габриэля Гарсиа Маркеса). Автор книг «Когда дожди», «Одни под небом» и др. Стихи переведены на многие языки мира. Официальный представитель МФРП в Никарагуа.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Я создала его —
Этого мужчину, которого ты любишь.
Я растревожила его душу, словно спящую птицу,
И разбудила его тело,
Которое ты сейчас ласкаешь.
Я внушила ему древнюю гордость,
И ночами, пока не взойдет солнце,
Объясняла непонятные слова.
Еще я научила его мечтать,
Я читала ему свои стихи —
О нем и о его глазах.
Я выучила песни на его языке,
Много ездила, чтобы узнать его страну.
Ожидая лета, я посадила овощи на грядке.
Как мало было между нами соли —
Ведь мы часто так пытались все подсластить!
Я наливала его любимое вино,
И мы вместе грустили и смеялись.
А теперь все осталось только в этих стихах,

Написанных для других,
Которых любят другие,
Похожие на нас или такие же, как мы.
Я не могу запретить тебе любить его,
Ведь я его тоже любила.
Но предупреждаю:
Он коварен и слишком опасен,
И забыть его невозможно.

Перевод с испанского Нины Стручковой

DIMINUENDO

Наждачные кристаллики снежинок
лицо мне растирают докрасна
танцует снег, как мотылёк безумный,
влюбленный снег танцует меж людьми.
и музыка небес
висит над нами
в пареньи и паденьи бесконечном.
но миг ещё —
кристаллики срослись,
они магическим кристаллом стали,
и сладостным бумажный белый дождь
из воздуха — становится стихами.

ГРЕШНИЦА

«В конце концов боги сказали,
Что так и должно быть».

В. Блейк

Из пепла и воды сотворена,
При чем здесь я? В меня вдохнули грех,
Так было предначертано богами.
И я пришла к тебе в палящий зной.

С утра до вечера с ума сходили чайки —
Между восходом красным и закатом,
Между огнем и ранящим ножом.
Я полюбила этот красный цвет,
В котором — кровь с восходом вечным слиты.
И белый цвет я полюбила тоже.
В бессмертие влюбленная зима,
Я плачу — и в песок уходят слёзы.
И вот уже, без никаких надежд,
Я всё-таки вытаскиваю веру,
Как глыбу из пучины бытия.
«Земля!» — воскликнул некогда Колумб.
Я не Америку открыла — Время,
И все перенесла.
«Так быть должно».

ГРАЧИ ПРИЛЕТЕЛИ

Нынче перламутровое небо.
Грачи топорщат перышки от объятий холода,
одновременно обнимающего и купола церкви.
Вот они прилетели стайей —
радостные — навстречу апрелю,
явились
со своим неразгаданным знаком на клюве,
с молитвой — внутренним ясновидением —
и кружат над церковным двором,
и в стропилах колокольни строят гнезда любви.
Эти странники ждут
от сухих, омертвелых за зиму веток деревьев
тесных объятий — основы гнезда.
Малoverы-бездельники еще кивают на март,
но вдали от деревни
над еще не ожившим пшеничным полем
грачи коронуют гнездами

голые ветви распятых берез.
Больная весна.
Извечный генезис — рождение нового.
Снова верю
и возрождаюсь из пепла,
глядя на перламутровое небо
и творящиеся гнезда.

Каждый день
осиротевшее сердце мое
питаю грустью.

Живу, вспоминая о свете звезды,
изумрудно-зеленой и светлой,
как пшеничный росток.

Я храню в глубине моих глаз
апельсиновый серпик луны.

И, почти задыхаясь,
по глотку, неотрывно,
пью вино виноградное слов твоих,
когда о любви говорили мы до рассвета.

*Перевод с испанского Светланы
Соложенкиной*

ХАВШАШ ФРИДОН

Грузия

Родился в 1925 г. в горной Абхазии. Поэт. Первая встреча с читателем состоялась в 1943 г. В 1948 г. был издан первый сборник стихов «В стране солнца». Автор более 40 книг. Переводы произведений печатались в крупнейших периодических изданиях. Его переводили К. Симонов, Е. Евтушенко и др. В течение многих лет занимается общественной деятельностью. Член Союза писателей Грузии. С 1957 по 1994 гг. руководил правлением Абхазской организации Союза писателей СССР и Грузии. Был директором издательства «Советская Абхазия». Член Парламента Грузии в 1995-1999 гг. Член комитета Государственной премии и премии им. Шота Руставели. В 1979 г. стал лауреатом премии им. Шота Руставели. Кавалер Ордена Чести.

ЗРЕЛОСТЬ СТИХА

Юность стиха – как любви пора,
Как усы у мальчика над губой;
Вдруг огонь и земля, волна и гора –
Все разом заговорят с тобой!

Юность стиха – как сентябрьский шум
Молодого вина, что обручи гнет.
Сделать дело ему придет на ум,
А незнакомой звезде кивнет.

Но если, два крыла отрастив,
Он взлетит до высот настоящей любви,
Он оттуда все увидит, твой стих:
Оленя ранят – а стих в крови!

Он не ищет себе небесных красот.
Ты бездельем райским его не томи.
Он на бой против рабства с неба сойдет
И под пули станет рядом с людьми.

Это значит, душа у него глуха,
Значит, в ней, кроме песен, люди живут!
Так сначала приходит зрелость стиха,
А потом уж тебя поэтом зовут.

Перевод с грузинского К. Симонова

ХЕРСОНСКИЙ БОРИС

Украина

Родился в 1950 г. в Черновцах. С трех месяцев – в Одессе. Поэт. Окончил Одесский медицинский институт. В юности несколько лет отдал одесскому КВН, участвовал в диссидентском движении. Работал районным психоневрологом в Овидиопольской ЦРБ, психологом и психиатром в Одесской областной психиатрической больнице, в Центре милосердия имени матери Марии, Центре социально-психологической поддержки. Заведовал отделом культуры газеты "Одесский вестник", затем - "Вестник региона". Сотрудничал в ряде эмигрантских изданий: "Новое русское слово", радиостанция "Свобода". Заведует кафедрой клинической психологии Одесского национального университета. Первые поэтические публикации в эмигрантской прессе с середины 80-х годов. С начала 90-х — в России и Украине, в журналах «Арион», «Крещатик», автор нескольких книг стихов, переводов, литературной эссеистики, а также переложения библейских текстов, собранных в «Книге хвалений» (1994) и сборнике «Поэзия на рубеже двух заветов. Псалмы и оды Соломона» (1996). В 2006 г. издана первая книга в России («Семейный архив»). Лауреат Четвертого международного конкурса имени М.Волошина (2006), дипломант конкурсов «Сетевой Дюк», «Солнечный город». Член редакционной коллегии журнала «Крещатик».

ИЗ ЦИКЛА «СМЫСЛ ИСТОРИИ»

Когда тирана давят петлей с огромным узлом,
а семейство глядит на экран и думает «Поделом!»,
коленками на табурет, склонившись над круглым столом,
мальчик рисует что-то, поглядывая на экран,
на котором через секунду повиснет в петле тиран.

Но этого не покажут, а так, словами расскажут.
Если мальчик станет тираном, его тоже строго накажут.

А люди будут плясать и прыгать на площадях,
радоваться тому, что их тоже не пощадят,
потому что и жертву, и палача переживает
ликующая толпа, окружающая эшафот.

Ребенок ведет черту, склоняясь над круглым столом,
старательно, словно границу между добром и злом.
Тиран стоит на экране в петле с огромным узлом.

Куда проваливаются великие города,
знают вежливые господа
в пробковых шлемах. На костяных лбах
по три морщины, проведенные так
ровно и параллельно! Прищелкивающие в такт
вспоминаемому Моцарту. В идеальных зубах
зажаты сигары. Расстегнуты воротники рубаш.
Все любят мускулистой шеей, похожей
на обтянутый кожей
анатомический препарат,
а также бриллиантом в перстне, где-то на пять карат.

Такой сбегает в раскоп, наблюдая пот
меж лопаток арабов. Вскинув голову, пьет
воду из фляги, видит кладку стены
города, сокрушенного в результате войны
или взрыва вулкана. Он вспоминает
невесту-дочь — и в этот миг понимает,
что у него малярия и годы его сочтены.

Когда сгустится сумрак, в его палатку войдет
красавица. В черных глазах отразится огонь
керосиновой лампы. Вот он кладет
на узкую, развернутую кверху ладонь
несколько серебряных монет.
Она зажимает их в кулачок, смеется,
выгибается, не поддается
и что-то лопочет, наверное: «Нет! Нет!»

Но он кладет ей руку на темя,
опускает туда, где вздымается пах,
в ту же минуту пытаюсь оценить время
разрушения города, думает о черепах,
найденных накануне, о письменах,
расшифрованных частично с таким трудом.
И, вздрогнув, вдруг сознает,
что найден город Содом.

Черта кочевья лучше черты оседлости. Она —
не более чем пыль под копытами табуна
прирученных мохнатых лошадок
в дикой мохнатой степи.
Углубленья от пяток раба, которого на цепи
ведут за повозкой между бороздами от колес,
вероятно, обитых железом. Ветер пронес
облачко праха, улегся. Эмалевый небосвод,
накаляясь, блекнет. День замедляется. Кончен завод.
Это я — подневольный. Слышите? Это меня
ведут среди бела, нет, золотого дня.
Повозка. Волы. Гремит железная цепь.
Жесткой шерстью травы шевелит, затихая, степь.

Смысл Истории заключается в движении масс,
скольжении или кружении вокруг любого из нас,
как пылинок в утреннем, набирающем силу луче,
за которыми наблюдает мальчик по имени Че,
 всю ночь читавший Ленина при свече,
и к рассвету вполне постигший примат
материи над сознанием. Под кроватью лежит автомат.
Смысл Истории в дележе самок или жратвы.
У Бога все живы. У Истории все мертвы.

Труднее прочувствовать этот поток,
проходящий через мою
местность, вернее место, на котором стою
и не могу иначе, поскольку в строю
есть только одно, вот это, в третьем ряду,
второе слева, расчерченный школьный двор,
линейка, рапорт, высокий зеленый забор.
Я тебя туда приведу, где эпоха лежит в бреду.

Это поток Истории, как ветерок, шевелит
цветущие кроны каштанов. Пенсионер-замполит
читает газету «Известия». На гармонике инвалид
наяривает «Разлуку». Огромный бронзовый лев
смотрит в упор на львицу. Оба, позеленев,
сливаются с цветом кустарника.
Почувствовать ход времен
труднее в отсутствие лозунгов и знамен,
переходящих из уст в уста проклятых имен.

Или списка героев, выложенного на стене
огромного дома, точнее, на его спине.
Кривые стволы японских акаций, крона зонтом,
ход Истории превращает все это в фантом.
Успел оглядеться, прижиться — спасибо на том.

Мать-история шепчет: сынок, отдохни. Приляг.
Но уже играют побудку и поднимают флаг.

2007

ИЗ ЦИКЛА «ПОСВЯЩАЕТСЯ КАРАМЗИНУ»

В парчовом камзоле и напудренном парике,
рука на отлете, хрустальный бокал в руке.
Смотрит вдаль — все равно ничего не видит.

Думает, дрянь, все равно ничего не выйдет.
Уж лучше по узкой тропке спуститься к реке.

Два мужика из-под коряги за жабы тянут сома.
Девка смеется в голос, чему — не знает сама.
Он выпивает вино, роняет бокал, сходит с ума.

Усадьба с высокой лестницей, колоннада, балкон.
Мостик горбатый, на каждом углу грифон.
В центре мостика, известное дело, беседка,
в беседке — лукошко, в лукошке квохчет наседка,
ее стережет одноногий отставной солдафон.

Барин смеется и тычет куда-то длинным перстом.
Плывет по реке Фелица, виляя рыбьим хвостом.
Грех — увидеть такое, особо Успенским постом!

Церквушка в столичном стиле, выгоревшая изнутри,
снаружи почти как новая. Только ты не смотри
на разоренного купола черный дырявый кокон,
на синих клювастых птиц, выпрыгивающих из окон.
Чувствуешь, что сгораешь? Спокойно стой и гори.

Сначала сбежала барыня. Сам-то как горевал!
Божью церковь поджег. Жилы ножом вскрывал.
Видно, сошлют в монастырь — и на цепь, в подвал.

Лиза идет топиться. Но старый пруд
куда-то делся, а может быть, люди врут,
что был водоем? Что мальчик, ивовый прут
выломав, воздух им рассекал со свистом,
что девка плясала босая, звеня монистом,
что воздуху было больно... Напрасный труд.

Впрочем, мальчишке случилось убить мотылька.
Лазурное крылышко падало на манер лепестка.
Лиза идет топиться, но где — не знает пока.
Мраморные купидоны стреляют в сердце припаркам.
Леса уступают место садам и паркам.
Исключение — заросли мыслящего тростника.

Должно быть, сахарного, ибо два старика
машут своими мачете (и как не устанет рука?),
прорубая дорогу в завтрашние века.
Это идут барбудос, братья Фидель, Рауль,
увертываясь от посвистывающих американских пуль.
Лиза идет топиться. Походка ее легка.

На полянке пенек. На пеньке сидит Лаокоон,
что анаконду, тянет австрийский аккордеон,
грек его душу знает, что напевает он.
Но девка босая зовет его гармонистом,
чему-то смеется и пляшет, звеня монистом,
А Лиза идет топиться, хоть это — всего лишь сон.

Уж лучше вернись в усадьбу, где нынче склад
полезных железных предметов. Где сказку на новый лад
перекраивают, перешивают, и как всегда невпопад.
Нагой пастушок с тебя стащит белое платье
через голову, растрепав, примет в свои объятья,
родители, вытянув руки, пошлют вам свои проклятья,
и вы, потешаясь над всеми, провалитесь в ад.

Белая ротонда. Ступени. Колонны.
Кованые решетки. Площадка. Отселе
открывается вид на ближние склоны.
Облетевшие клены. Бурые ели.
Полдневный свет сквозь облачные заслоны
проглядывает еле-еле.

Зеленый пруд подернулся льдом по самому краю.
Маша, на мостике стоя, кормит карпа ковригой,
разминая мякиш. Я умираю,
хоть пока не чувствую этого. Сидя за книгой,
старинной церковной книгой в кожаном переплете,
не могу увести мысли из привычного круга.
Люди, я ненавижу вас крепче, чем вы живете.
Ненавижу темно, безысходно, как вы — друг друга.

В этом парке часто
встречаешь развалины.

Часть этих сооружений
строилась как руины,
романтическое прошлое
создавалось задним числом.

Так придумывают, домысливают,
досказывают свою жизнь люди,
с которыми ничего не случилось.

Владелец создавал
биографию местности,
где хотел поселиться.

Не сложилось.
Что-то у них не сложилось.

*

Вот что важно — те здания,
где жили люди, тоже разрушены.

То, что всегда было руинами,
в лучшем состоянии,
чем разрушенное жилье.

Камень частично разобранный дома
с балконом и дорическими колоннами
пошел на строительство барака.

Но и барак разобрали, тоже частично.
Или просто его не достроили.
Скорее всего, так.

*

Люди ушли отсюда.
И это к лучшему:
уцелели деревья.

Огромные деревья.
Буро-зеленый мох
на северной стороне стволов.

Можно найти верное направление.

*

С самого начала
нужно понимать,
что ты строишь,
что будет на этом месте.

На этом пустом месте.

Если не приближаться и не задерживаться, скажем так,
а проплыть по реке на колесном пароходике, напевая в такт
ритму машины, плеску воды, крутя в зубах стебелек,
пытаясь на глаз определить, насколько далек
путь до усадьбы, прилепившейся на холме,
и кто там живет, как в тюрьме, и что у него на уме,
что он наденет сегодня — полушубок или пальто
и как зовут его люди — Некто или Никто.

Кто ему самовар раздувает, как положено, сапогом,
кто ночью его раздевает, думая о другом
в обоих смыслах. К примеру, о другом как об ином
мужчине, иль о другом как предмете любом,
не относящемся к ночи, постели, в скованном сном
доме, принадлежащем тени над свечкой с золотым освещенным лбом.

Если не приближаться, тебе все равно, кто такой
на белом листе бумаги размещает строку под строкой.

Ты не знаешь, кто в лесу нашел большой ядовитый гриб,
изжарил для всей семьи, со всей семьей погиб.

Пять гробовых крышек прислонены к стене
церкви — мал мала меньше, но все это не
имеет значения, если близко не подходить,
а глядеть с пароходика, как тянется серая нить
унылой дороги, на домики большака,
просто стоять, ощущая, как подергивается щека.

Тут ловят больших рыбин. Оpoznают в них тех,
кто утонул в прошлом году. Чтоб не случился грех,
отпевают беднягу: осетр, щука иль сом,
в котором душа покойного плыла, забыв обо всем,

что было, что будет и, главное, то, на чем
успокоится сердце, о белой березке с черным грачом,
нахохлившимся, спрятавшим клюв под крылом,
о мире за небосводом, как за мутным стеклом.

2007

Этот город ставили прямо на склонах,
вырубая лес и застраивая площадки.

Красавицы молча сидели в проемах оконных,
расправляя черных одежд тяжелые складки.

Роняли мелкие, звонкие серебряные монетки,
монетки подпрыгивали, нищие их подбирали
пробовали на зуб, оставляя по краю отметки,
складывали в мешочек, старились и умирали.

Молодая гора и та – сгорбилась и ослепла,
а раньше взором долину охватывала до края.
Город часто горел, но камень под слоем пепла
выживал, возрождался и снова горел, не сгорая.

И поныне, бродя по улочкам кособоким,
чувствуешь: жар поднимается, как над кострищем.
И красавицы в черном молча глядят из окон,
улыбаются всадникам и бросают монетки нищим.

2007

Во дворе находился штаб
одного из местных царьков.
Танк стоял посреди двора,
вертел пронумерованной головой,
пушка подымалась и опускалась.

Старшеклассники с автоматами
ходили взад и вперед
и чему-то смеялись.

Вина хватало на всех.

Когда начинали стрелять,
люди, не ускоряя шага,

втягивали голову в плечи
и подымали воротники.

Старуха, разбитая параличом,
лежала на диване,
присыпанная штукатуркой
и осколками стекла:
пуля угодила в портрет
ее молодого брата,
тоже погибшего на войне.

Время спотыкалось и останавливалось
каждую минуту,
по крайней мере
для некоторых людей.

Справедливость росла и крепла
как огромное дерево
посредине площади, на которой
вот уже третий месяц
шли бои, для простоты называемые
вооруженным противостоянием.

-2007

Природа берет свое, особенно там, за горами,
она оборачивается каменными мирами,
стальными кинжалами, крылатым конем Мерани.

Там всегда носили юбки чуть ниже колена,
старились в черном, вернувшись из турецкого плена,
звенели монистами, руки сами тянулись
поставить свечу, чтобы дочка тоже вернулась,
Пусть - лишенные чести, с раздавшимся чревом.

Захлебнитесь, мужчины, собственным гневом!

Не сумели невест защитить – терпите
их позор: пусть плачут, пока вы спите.
Пока отцы со знакомыми обсуждают цены,
пока зияют проломами крепостные стены.

А там, на северо-западе, наши дети
уже разрушили храмы и строят мечети.
Те, кто раньше платил, снова за все заплатят.
То-то враги удивятся, когда нас опять захватят!

2007

ЦВЕТКОВ АЛЕКСЕЙ

Чехия - США

Родился в 1947 г. в Станиславе (ныне Ивано-Франковск), вырос в Запорожье. Поэт. Учился на химическом факультете Одесского университета, на факультете журналистики и историческом факультете МГУ. Был участником поэтической группы «Московское время». Арестован и депортирован из Москвы (1975). С 1975 г. в США. Закончил Мичиганский университет, доктор философии. Редактировал газету «Русская жизнь» в Сан-Франциско (1976-77), преподавал русскую литературу. С 1989 г. работает на радио «Свобода». Помимо стихов публиковал также прозу, эссе, переводы. Преподавал в колледже Дикинсон (штат Пенсильвания) русскую литературу. С 1989 г. работает на радио «Свобода», редактор и ведущий программ «Седьмой континент» и «Атлантический дневник». В конце 1980-х гг. прекратил писать стихи, обратившись к прозе. В 2004 г. после 17-летнего перерыва А вернулся к поэтическому творчеству. Живет в Праге.

* * *

помнишь они нас учили на человека
все по мозгам резьба но судьба несла
вот ты и стала точно не чем хотела
северных встреч невеста и невесна
страшный на мачте сучил холода и годы
в трюме с трезубцем морочил выюшку котла
так постепенно ты умерла и кто ты
после всего то есть где ты или когда

знать не зазорно но вскользь как ножом сказали
диву далась бы в памяти у меня
там на подушке проснется лицо с глазами
не говори так тихо ведь ты умерла
тяжесть твоя в ладони жизнь все та же
только дыханье ветер сносит в пески
все не весна никому не невеста даже
разве разлука могила постой не спи

если один напоследок вопрос из списка
невозмогу во рту и мозг на замке
настежь объятья только не стой так близко
ты неживая а я лебеда на земле
как научили любить верней не умели
ангелы в этом огне как одна семья
страшно догнать потопчусь провожу у двери
мертвую в мертвый простор береги себя

когда в густом саду когда в тенистом
я вызывал тебя условным свистом
сойти к реке где нам луна светла
когда к утру мы первых птиц кормили
я ни на миг не сомневался в мире
что он таков как есть что он всегда

как мы играли там в эдеме дети
нам верилось существовать на свете
он состоял из лета и весны
какие липы нам цвели ночами
и каждый знал что завтра нет печали
наступит день где мы опять верны

теперь река за плесом половины
уходит в рукава и горловины
слепые липы угнаны в пургу
мир выстоял но уцелел не очень
дороже прежнего но так непрочен
он весь река а мы на берегу

там на холме все светит в сад веранда
я посвищу тебе моя миранда
до первых зорь пройдем в последний раз
где тени прежних птиц над нами грустно

и на глазах прокладывает русло
прекрасный новый мир уже без нас

когда философ кант родился резвым крошкой
он умер в свой черед но вот светясь из тьмы
старинной поводя нейзильберовой ложкой
он ест немецкий суп и снова весь как мы

защитник против тех кто поступает грубо
которому подлог и кража не в чести
он говорит не лги не сотвори прелюбо
кто станет спорить с ним как нам себя вести

нас плохо держит жизнь нам старость не в науку
но если честен кто сомненья проглотив
такому сквозь века протягивает руку
категорический как рубль императив

вот только скоро смерть а жизнь полна вопросов
в ней вор и хулиган открыто верх берет
хотя бы ты и дух ответь ему философ
как надо поступить чтоб шла мораль вперед

слагая свой трактат ты думал о герое
герои мы не все а совесть только тень
он умер и молчит ему несут второе
все ложкой шевелит и светится как день

но верится что вдруг есть компас или карта
взять азимут с утра и по стопам твоим
пройти в хрустальный мир иммануила канта
где мы честны и зря прелюбо не творим

пробраться по черте магнитного прибора
где солнце совести всегда горит слепя
там с подлинным верна вся правда и природа
а жизнь простая вещь к себе и от себя

нож авраама

б. кенжееву

с треском осыпалось облако как потолок
еще ни в чей не зачислены каталог
безымянно брызнули звезды в канун восхода
поперек горы вибрирует нить раскола
и смысл умолчания изобличает ложь
словно сельдь в рассол серебристо со дна морского
в зените дрожит занесенный нож

нелюдские в пустыне искривлены голоса
вся гора горит испаряется в небеса
отсюда ближе к которому кровь по нраву
и в живых держащему жалобных жертв ораву
кто сорвется в крик мигом молнией укорять
райский сад но кара проста за потраву
в кулаке костяная тверда рукоять

солнце солоно или блеснит лицо в поту
весь от веры продрог но в гравий упер пяту
перед тем как по горлу дай рассмотрю насечки
это мы верблюды и чуткие человечки
точно точки тире на недолгих песках пути
наши тщетные женщины белые наши овечки
но по лезвию теперь не пройти

жизнь почти увенчалась что он в нас изменил
недоединокровный полубрат измаил
не из тех кто гарью на рукояти вышит

горячо надо мной прощальная бронза пышет
бестелесный голос охрип говорить отцу
отпусти покуда живьем а зарежь овцу
и овца подошла но он не слышит

кашлянул в интервале велящий глотая смех
здесь тропа на треблинку еврей один на всех
инструмент с костяным набором и смерть огромна
деревянная радуга охрой и хромом бревна
мы столкнулись на острие ни осла ни овна
вот овца подошла но и та ни в чем не виновна
ей ведь тоже отняли голос она одна
попусти зодиак застегнуть ожерелье года
так и выкосит бронза весь присмиривший гурт
на окраине мира где меркнет граница горя
звезды наших кибиток наших юрт

рождественская ода

как нас мало в природе чем свет сосчитал и сбился
в большинстве своем кворум из мрамора или гипса
а какие остались что в бостоне что в москве
кто в приюте для странников духа кто с круга спился
собирайтесь с аэродромов по мере списка
вот проснешься и думаешь где вы сегодня все

состоимся и сверим что мы кому простили
на коре зарубки круги на древесном спиле
только день в году для кого эта ночь темна
а потом как в лувре друг другу в лицо полотна
потому что раз рождены то бесповоротно
нежные словно из звездной пыли тела

это хвойное небо под ним пастушки коровки
всех хвостатых и без бегом достаем из коробки
старичок с топориком ослик и вся семья

с колыбели как мы добыча клинка и приклада
как умел любил и не ведал что бог неправда
мы убили его и живем на земле всегда

даже веру в фантом за такую любовь заочно
мы прощаем ему то есть я совершенно точно
как обязан прощать а другие поди пойми
вот у люльки кружком в канители в крашеной стружке
человечки-венички плюшевые игрушки
да сияет сегодня всем звезда из фольги

в этом сонме зверей рождество твое христе боже
так понятно живым и с судьбой человека схоже
соберемся по списку когда истекает год
заливает время запруды свои и гати
и две тысячи лет нам шлет дитя на осляти
если бога и нет нигде то дитя-то вот

скоро снова к столу простите что потревожу
я ведь сам пишу как привык то есть снявши кожу
лоскуты лица развесив перед собой
те кого уместил в вертеп в еловую нишу
это вы и есть а то что я вас не вижу
не толкуйте опрометью что лирник слепой

праздник прав а не святочный бог когда-то
наши дети в яслях и гусеницы и котят
минус мрамор и гипс но в барыше любовь
у истока вселенной подсмотрев это слово
я с тех пор как двинутый снова о ней и снова
и не стихну пока язык не ободран в кровь

ткачиха

я говорит навек жена того улисса
который пропал а не который вернулся
двадцать лет отстояла на полоске пирса
двадцать лет ткала саван до пробелов пульса
тот которого к дверям привела афина
найденыйш а не потеря не по нем плачу
пусть кормилицу провел поймал в капкан сына
я всю драхму платила не обол на сдачу
шрам кабаний похож так печаль всем известна
никому не вдова твоя невеста море
двадцать лет как щеколда щелк а все ни с места
лучше буду еще двадцать горевать горе
снова саван растяну в тени у платана
ой улисс мой ненаглядный ой дана-дана

а который пропал он тоже не вся правда
то есть правда но спит на солнцепеке самом
жарко и видит во сне родная ограда
дом и под платаном сидит жена ткет саван
как отбыл так с тех пор не миновало лето
гудят шмели вспыхивает на солнце спица
только невдомек видит ли во сне все это
или вечной ткачихе сам отсюда снится
такой расклад по сердцу за шаг до калитки
прекратило течь время дремли и не кашляй
нимфа ли калипсо девки ли феакийки
проснешься жизнь обнажена и должен каждой
стайка в тонких хитонах лиры у фонтана
ой ты редкий гость заморский ой дана-дана

в этом сне своем чужом ли видит внезапно
подвиги старца с луком в нищенском прикиде
жена замужем уж не наступит ни завтра
ни послезавтра и спящий на сон в обиде

или та кому он сам приснился за женским
рукодельем под деревом жене ведь тоже
что привиделось насмешкой и лживым жестом
вышло явью но другие вдвоем на ложе
тряпка с лучницей-девой в чужих пятнах пота
долго плывешь морем потом топаешь полем
снишься друг другу пока существует кто-то
а саван готов наконец впору обоим
сон навсегда а явь соткана из обмана
ой люли-люли разлука ой дана-дана

на уроке терпения в пятом классе
соколова сидела поближе к васе
чтобы вырасти быстро и не скучать
на линейке жемчужина всей дружины
но не ближе чем те что остались живы
скоро в загс да в печальной графе печать

этот вася почти эпический образ
у доски по алгебре вечный тормоз
постепенно в горьком влксм
к выпускному они расписались с таней
но гражданских перечень состояний
невелик и последнее светит всем

я терпение выучил на пятерку
заграничную в срок получил путевку
ради прожитой жизни не жалко двух
но лет в двадцать раз возникает снова
пятый б любовь моя соколова
запорожье и детский немытый дух

там размолвка вышла вернее развилка
у него была на меня дразнилка

забежал вперед а то бы узнал
мы терпели долго но перестали
и старик перевозчик пометив крестами
закрывает за нами классный журнал

стрекозам сезон то ли ягодный сбор
пространство под крыльями крепче
в долины воды снаряжается с гор
с востока кочевьями вечер
лениво петляя узорами тьмы
подумать что птицы но вдруг это мы

внизу неведущественный шелест телег
перуном тоне чем вотаном
там вящий на конском кадавре олег
лев лосев с большим чемоданом
мы вдоволь удода пора брат пора
туда где от бронзы дубеет пола

покуда в воздушном потоке вздремну
поджав неудобную ногу
возьми аполлон из колчана стрелу
и в глаз перелетному богу
мне голос восторга и очи совы
где смерклось а в сумерки все мы свои

вот облачный с черных обочин табун
где небо горами обуто
аж кажется если в ком жизнь наобум
ты все же гандлевский кому-то
за временем вовремя быстрый поспел
кто страсть комсомолки в парадной воспел

к бессмертию каждый стремится кощей
яйцо снесено на вершине
но много кручин и потертых вещей
а смерть подобает мужчине
надежда что просто запомнит вода
кто птицей над ней пролетал иногда

the last dino squirming in his scabby skin
crawls from under whatever hit him
raises his shuttle-shaped mug to the sky
to wail his prelapsarian woes

curse be upon whatever hit me he says
and whoever hurt me if there be a whoever
gone are the sunny swamps of my youth
and the attractive females of my species
are here no more to frisk and frolic
the world is gone wherever in a handbasket
left to the inedible fur-balls in the grass
creepers all and skitterers in the night

and whoever be answered from the whirlwind and said
do not rail against me you spastic lizard
for i am whoever be if there be a whoever
the mighty maker of rocks and dust
i will make you new wives and children and siblings
and so many camels you won't believe your eyes

the man whose life i live is winding down
still sprightly on his best viagra days
but mostly on a steady downhill path
when he steps out to get his daily bout
of liquor i lurk within and mark his gait

wavering to where he thinks he should be bound
spending his finite sum total of steps
to the pub and likewise back
cursing some god

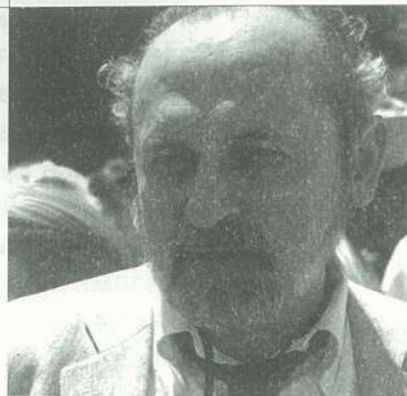
god is the evil guy
who made the entire mess out of sheer naught
and is now dead except that there's much less
naught than there was before god and much more mess
god is our common ancestor the doornail
or maybe he's just out for the duration
to grab some booze and smokes in a cosmic sense

back to the case as stated at the outset
back from the brink with the abandoned satyr
orpheus orphaned in a freudian way
the man whose thinking microchip i am
the doornail whose inner chamber i inhabit
the universe or worse that i still haunt
is folding down many becoming one
hardly much point to miss him when he's gone

ЦЫБЕНКО ОЛЕГ

Греция

Родился в 1957 г. во Львове. Писатель, литературный переводчик, филолог-классик, кандидат исторических наук. Окончил Львовский университет им. И. Франко. В 1988-1989 годах преподавал историю древнего мира (и.о. доцента) на кафедре всеобщей истории Калужского педагогического института им. К.Э. Циолковского. В 1990 г. приехал в Афины (Греция) по приглашению Шведского археологического института, где и проживает до настоящего времени. Автор ряда исследований по истории и литературе древнего мира, трех исторических романов и переводов античной и новогреческой поэзии и прозы на русский язык, а также русских классиков и ученых-эллинистов на новогреческий (В. Жуковский, Л. Толстой, А. Чехов, А. Куприн, Ф. Зелинский, Я. Голосовкер и др.). Активно сотрудничает с различными издательствами Афин, Москвы и Санкт-Петербурга. Официальный представитель МФРП в Греции.

УСЫПАЛЬНИЦА МАВЗОЛА

[В IV до н.э. Мавзол и Артемисия, правители небольшой страны Карии на юго-западе Малой Азии, воздвигли в своей столице Галикарнассе усыпальницу, которая по причине своей красоты и монументальности была причислена к семи чудесам света. Усыпальница (Мавзолей) была украшена замечательными рельефами, изображающими битву греков с амазонками.]

I. Ахилл и Пенфесилея

И других женщин знал Ахилл.

Знал и любовь с ними изведal. Еще на Скиросе

В юности нежной с Деидамией познал он

Негу любовную.

А затем во стане под Троей

С Брисеидою жаркие ласки делил

Среди битв и сражений кровавых.

Так почему ж амазонка,

Им в бою сраженная, власть над ним возымела?

Молвят поэты, что сердце его

Покорила тогда непредвиденность...

Падал медленно шлем, распуская роскошные кудри.

Грянул наземь щит со звоном. Долу
Пенфесилея пала, в небо лик запрокинув.
Небо в глазах у нее отражалось.
Отчаянно пальцы копье медноострое сжали,
Цепляясь за жизнь уходящую.
Кровь из груди рассеченной струилась,
И та же кровь с меча Ахилла
Наземь капала.
Так многие амазонки
Смерть в бою встречали,
И необычного в том ничего не было.

II. Прощание с Артемисией

Владычица, усни... И пусть моя любовь
Коснется лика твоего крылом печальным.
Владычица, усни... Пусть легкий юный Сон
Останется с тобой, запутавшись во неге
Блестящей проседи твоих густых волос,
Волной спокойною струящихся на плечи.
Усни, владычица... И нежность милых черт
На мягкость мрамора мои возложат длани.
Дай силу им! Дай силу не разбить
Чрезмерной страсти миг очарованья.
Останови меня спокойствием чела,
Испугом милых уст и голоса дрожаньем.
Усни, владычица... И легкий юный Сон,
Извечный бог – сын Ночи, Смерти брат прекрасный,
Извечный бог, что старше всех богов,
Пусть вечностью тебя в мечтах моих одарит.
Я крылья вокруг чела расчетливым резцом
Сну изваял, дабы к тебе стремиться,
К тебе, владычица, в спокойствии ночном,
В блестящем дне оставив хаос мыслей.
Я крылья дал ему и разумом своим
Забиться трепетно во мраморе заставил.

Царица Кари, мерцанием дрожит
В тубе луна таинственной Гекаты —
Богини Трех Путей, Трех Ликов, Трех Миров,
Под завыванье псов палящей факел грозный.
Усни, владычица... В спокойствии ночном
Пусть вечно юный Сон главу твою целует,
Пусть трепетным крылом коснется щек твоих,
Их белизну согрев свеченьем алой розы,
Коснется перст твоих и твоего плеча,
Которого в ту ночь рука моя касалась.

III. SALVA NOS VIGILANTES

[В средние века из остатков Мавзолея была построена крепость Святого Петра рыцарей тамплиеров (храмовников) — тогда родосских, а впоследствии мальтийских. Над воротами ее высечена надпись, гласящая: «Спаси нас, Господи, в бодрствовании, храни нас во сне». После завоевания Галикарнасса турками город получил название Бодрум, т.е. Крепость.

В 1950 году Галикарнасс посетил выдающийся греческий поэт Йоргос Сеферис (лауреат Нобелевской премии 1963 года), который оставил в своих «Дневниках» следующее стихотворение, связанное тематически с двумя предыдущими и значительно отстоящее от них «хронологически» (как по времени написания, так и по своему сюжету).

Небо такое ласковое, а на стенах крепости
Рельефы лилий, щитов, львов и
SALVA NOS DOMINE VIGILANTES
CUSTODI NOS DORMIENTES
На притолоке входа.
На просторном дворе
Дерзкие цветы алые:
Их называют ядовитыми рыбами.
Ангел ушел, показав золотые пяты,
Пяты и бедра — цвет хризолитовый.
И только человек, осажденный в одиночестве, заперт.
Жажда. Крепость заперта.
Тела злополучные, копья воителей сузились,
И бодрствование.
Там, в Галикарнассе...

О, если б я целовал шею твою,

И пот мой струился по соскам грудей твоих,
По соскам, как мелкие красные перцы...
Это было в канун дня Двенадцати Апостолов,
Когда рассыпались на песок гвоздики ее,
А она, всю ночь в рыданиях,
По мелководной страсти плавала.
Он слушал ее, в мудреных прикрасах запутавшись,
Как гладиатор в сети средь арены цирка.
Руки яростные.
Такое небо,
И жестяное луны сияние
В саду преогромных кактусов.
Луна совсем нагая,
И море, из кожи и ветра созданное,
О, как дышало!
Ядовитые рыбы, как сказка Геродотова.
Златые пяты, копыта, на солнце блещущие.
SALVA NOS VIGILANTES: до самого сна
Говорят об усыпальнице, дивно созданной,
Совсем рядом с нами.

Йоргос Сеферис (1900-1971)

ПО ПОВОДУ ОДНОГО ЧУЖОГО СТИХА

Элли, Рождество 1931 года.

Счастлив тот, кто путь Одиссея проделал.
Счастлив, если с начала пути он чувствовал,
что тело его облегают доспехи крепкие
любви, словно жилы, гудящие кровью.

Любви в нерушимом ритме, неодолимой,
как музыка, и всегда с нами сущей,

Ибо она родилась вместе с нашим рождением,
но с нашею смертью умрет ли она,
про то ни нам, ни другим неизвестно.

5. Бога молю помочь мне сказать, какова она – эта любовь,
в минуту блаженства великого.
Бывает, с чужбины вернувшись, я слушаю
гул ее дальний: так море шумит, бывает,
сливаясь с неведомой бурей.

И призрак опять и опять предо мною встает – Одиссей:
глаза покраснелись от соли морской,
от желанья, которым он полон: дым, наконец,
от теплоты его дома идущий, увидеть
и пса, одряхлевшего возле ворот в ожиданье.

Стоит он, огромный, и шепчет из бороды поседевшей слова.
Язык этот – наш: так за три тысячи лет говорили на нем.

10. Он ладонь простирает: мозоли на ней от руля и канатов,
а кожа его загрубела под северным ветром сухим, под зноем и снегом.

Он словно собрался из нас сверхчеловека изгнать –
Киклопа, что видит одним только глазом, Сирен,
услышав которых, забудешь про все, и Скиллу с Харибдой, –

Столько вычурных чудищ, что в голову мысль не придет:
«Он тоже ведь был человеком, боровшимся в мире душою и телом.

Велик Одиссей. Он сказал, чтоб возник
деревянный конь, и ахейцы овладели Троей.
Мне кажется, он приходит советовать,
как мне тоже смастерить деревянного коня
и овладеть моей Троей.

15. Потому что говорит он просто и спокойно,
Совсем легко, словно знает меня как отец,
Или как старые рыбаки, которые,
прислонившись к сетям, в час, когда
наступала зима и свирепствовал ветер,

Пели мне в годы моего детства песню
Эротокрита со слезами на глазах:
И вздрагивал я во сне, слушая, как Аретузы злосчастье
по мраморной лестнице долу нисходит.

- Он говорит о тяжелой боли, которую чувствуешь,
когда парус твоего корабля наполнится
воспоминаньями: душа твоя стала кормилом,
20. А ты – одинок и покрыт мраком среди ночи,
не с силах собой управлять, ты – как на току солома;

Как горестно, он говорит, видеть товарищей,
тонущих среди стихии, разметанных
порознь, – один за другим.
И как странно испытывать прилив мужества,
разговаривая с мертвыми, когда живых,
оставшихся с тобой, уже не достаточно.

Он говорит... И еще я вижу, как его руки,
умевшие проверить, хорошо ль изваяна на
носу корабля сирена,
Дарят мне лазурное море без волнения в самый разгар зимы.

Примечания:

Строка 1: "Heureux qui, comme Ulysse, a fait un beau voyage". Joachim du Bellay, ("Les Regrets", 1558). (Примечание Й.Сефериса.)

Строка 17: Эротокрит и Аретуза – герои греческого средневекового эпоса «Эротокрит».

Строка 23: Сирена – здесь: (в отличие от древнегреческой) средневековая фантастическая морская дева (в новогреческом "горгона").

СТАРИК

- Столько стад прошло, столько бедных
И богатых всадников проехало. Иные,
Из отдаленных сел, оставались на ночь,
В ямах у дороги, от волков
5. Костры здесь жгли: «Вот, видишь, пепел?».
Круги чернеют – затянувшиеся раны.
Он, как дорога, отметин полон.
Чуть дальше, в колодец высохший
Собак бросали бешеных. Без глаз он, полон
10. Отметин. Легок он. Несется ветер.
Не различает ничего, но все он знает.
Цикад пустые ножны в древе полом,
Глаз не имея даже на руках, он знает
Рассветы и закаты, знает звезды.
15. Их кровью не питаюсь, он не мертвый,
Лишен он племени и не погибнет, –
Забыли б так его, – не стал он предком.
Истомленные ногти его пальцев
Кресты по памяти прогнившей чертят,
20. Как мутный ветер веет. Снег кружится.

- Я видел изморозь вокруг лиц,
Видел влажные губы, замерзшие слезы
В уголке глаза, видел у ноздрей
Линию боли. Стремление видел
25. У корней руки. Как кончается тело, видел.
Не одинока эта тень, но сочтена
С сухим посохом, что ни согнуться,
Ни наклониться, чтоб лечь, не может.
Сон рассеял бы его суставы
30. По рукам детей, чтоб те играли.
Он повелевает, словно умершими, ветвями,

- Ломающимися, когда наступает ночь и бушует
Ветер в лесистых ущельях,
Повелевает тенями людей,
35. Но не человеком в тени,
Который не слышит ничего, кроме низкого голоса
Земли и моря там, где они единятся, —
Голоса судьбы. Он стоит в полный рост
На берегу, среди скоплений костей,
40. Среди груд желтых листьев:
Пустая клетка, ожидающая
Часа пламени.

ИЮньСКИЕ ДНИ 41-ГО

Взошла молодая луна в Александрии,
Держа в объятиях старую.
Мы шли ко Вратам Солнца
Во тьме сердечной, три друга.

5. Кому теперь хочется омыться в водах Протеевых?
Превращения желали мы в юности
С желаньями страстными, игравшими, словно большие рыбы
В морях, внезапно высохших:
Во всеилие тела мы верили.
10. А теперь взошла луна молодая,
Держа в объятиях старую, кровавась прекрасным островом
Израненным — островом спокойным, сильным, невинным.
Тела — как ветви изломанные,
Как корни, из почвы изъятые.
15. Конный страж, окаменевший
У темных Врат Солнца,
Не могущий ничего требовать, — их охраняют
Где-то здесь вокруг, на чужбине
Близ усыпальницы Александра Великого.

Жажда наша —

*Крит — Александрия — Южная Африка,
май — сентябрь 1941 года.*

Примечания:

Строки 1-2: Ср. I saw the new moon late yestreen
Wi' the auld moon in her arm...

(“The Ballad of Sir Patrick Spens”)

Строка 3: “Врата Солнца” – одни из больших городских ворот Александрии. Другие ворота назывались Вратами Луны.

Строка 5: “в водах Протеевых”; известный своими превращениями морской старец Протей обитал на острове Фарос, который находится у входа в гавань Александрии.

Строки 11-12: “кроваясь прекрасным островом / Израненным – островом спокойным, сильным, невинным”; речь идет об установлении немецкой оккупации на Крите.

Строка 19: Усыпальница Александра Великого, согласно народным поверьям, находится в неприкосновенности “где-то” на территории Александрии.

Перевод с новогреческого Олега Цыбенко

საქართველო მუდამ იზიდავდა XIX და XX საუკუნის რუს მგოსნებს, ლიტერატორებს. ეს ქვეყანა ბევრ რუს პოეტს, მწერალს მუზად და, ხშირ შემთხვევაში, მხსენელადაც კი მოეგლინა. სწორედ ამ სახით შეეგება იმ მრავალ სტუმარს რუსულ-ქართული პოეტური ფესტივალისა, რომელიც 2007 წლის ივნისში ჩავატარეთ. ჩვენი ფესტივალი მიმდინარეობდა ორ ქალაქში – ბათუმსა და თბილისში, რომლებიც თავის დროზე კულტურის არაერთი სახელოვანი მოღვაწის მექად იქცა. გვინდა ვირწმუნოთ, რომ ეს ფესტივალი გახდება დასაწყისი, ათეულის წერტილი, პირველი მერცხალი, რომელიც ჩვენი ლიტერატურული ურთიერთობების ახალ ეტაპს გვამცნობს. ჩვენი ქმედების განმსაზღვრელი მიზანი და ერთადერთი სურვილი ის გახლდათ, რომ გაგვეგრძელებინა აღგვედგინა ქართული და რუსული ძველი ტრადიციები, რათა ქართულსა და რუსულ პოეზიას ერთმანეთი არ დავიწყებოდით, შეევსოთ “ძველი მარაგი” და შეწყვეტილი დიალოგი განეახლებინათ.

სწორედ ასეა დასათაურებელი ჩვენი ნიგნი, ოთხენოვანი კრებული, რომელიც პირველი რუსულ-ქართული საერთაშორისო ფესტივალის შედეგებს აჯამებს. დიალოგი გულისხმობს საინტერესოდ მოლაპარაკეთ. გონივრულ, გულახდილ საუბარს, ერთმანეთის მოსმენა, რომ შეუძლიათ და სათქმელიც აქვთ. იგი იმართება ცალკეულ ადამიანებსა და კულტურებს შორისაც. ამ დროს ყოველთვის შეგვიძლია დავინახოთ საერთო, მთავარი ღირებულებანი. ვიპოვოთ ის სკალა, რომლითაც ყოველი მოაზროვნე პიროვნება თავის თავს ზომავს მეტის თქმაც შეიძლება, პოეზია თავად არის დიალოგი. დიალოგი სიცოცხლისა და სიკვდილისა (თუ სიცოცხლისა სიკვდილთან?); სიყვარულისა და სიყვარულზე, რადგან სხვაგვარად წერა შეუძლებელია, ყველაფრის სათავეშია მოქცეული “სიყვარული, რომელიც ამოძრავებს მზესა და პლანეტებს”; იგი აკავშირებს ადამიანს ენასთან და ენას ადამიანთან, რაზედაც არაერთგზის უთქვამთ და დაუწერიათ დიდ პოეტებს. “მე არ ვწერ ლექსებს... ლექსი თვითონ მწერს...”, ამბობდა ტიციან ტაბიძე. აი, ერთ-ერთი იდეალური მაგალითი დიალოგი სა. ჩვენ გვექმნის კულტურა, ლიტერატურა, რომელიც მოწოდებულია შესძლოს „ადამიანის გაადამიანურება“ განავითაროს მასში პიროვნული თვისებები, გააფართოვოს მისი “სულის საზღვრები”. ... პირველქმნილ სა მყაროსთან დამაბრუნებელი მთის პეიზაჟების რომანტიკა, განთქმული ქართული ნადიმები, სადაც ღელესა ვით მოედინება ღვინო, მეგობრობის ღვთაებრიობამდე ამამალღებული სადღეგრძელოები, ფოლკლორი, ქართული სიმღერები და ცეკვები – ყველაფერი ეს ყოველ ნაბიჯზე ელოდებოდა ფესტივალის სტუმრებს, თამარისდროინდელი ხიდის მიღმა, გამაოგნებელი ბუნებრივი ჩანჩქერის მახლობლად, გონიოს უძველეს ციხეში, თუ საზეიმო, გულთბილ მიღებებზე რუსეთის ფედერაციის საელჩოში, სრულიად საქართველოს კათალიკოს პატრიარქთან ილია მეორესთან, აგრეთვე, ცალკეულ ოჯახებში. ლექსებს კითხულობდნენ არა მხოლოდ ბათუმისა და თბილისის სახელგანთქმულ თეატრების სცენაზე, არამედ სუფრაზედაც. ასე იწყება ის, რასაც ანტუან დე სენტ ეგზიუპერი ამ ქვეყანაზე ყველაზე დიდ ფუფუნებად თვლიდა; “ადამიანურ ურთიერთობათა ფუფუნება”. ასე იწყება ნამდვილი დიალოგი.

ფესტივალის თავკაცები იმედოვნებენ, რომ იგი გაგრძელდება. ჩვენ უნდა დავეხმაროთ ჩვენს ქვეყნებს, ელახმარება კი ჩვენი ყოველდღიური გარჯაა. ერთმანეთთან დასაახლოვებლად რაც უფრო მტკიცე ნაბიჯები გადავდგამთ, მით უფრო ნათელი გახდება შემდგომ ურთიერთობათა პერსპექტივა და ქმედითი იქნება დიალოგი. ყოველი ჩვენგანი თავის ადგილზე უნდა იმყოფებოდეს და ზიდოს თავისი ტვირთი, საქმე, თუ გნებავთ: თავისი აზრები. ჩვენს ხალხებს კი სიბრძნე არ აკლიათ, მათ ურთიერთობა სურთ. ამას კარგად ვხედავთ. ფესტივალმა ეს ერთხელ კიდევ დაადასტურა. უძველეს კავშირთა მქონე რუსული და ქართული კულტურები კვლავ ერთად იქნებიან, აღარასოდეს შეწყდება დიალოგი, ერთმანეთს მონახავენ მონათესავე სულები, ერთმანეთი პირისპირ დადგებიან ჩვენი ანბანები და ახალ ლექსთა სტრიქონებში ვაზის ლერწმებით გამწკრივდებიან.

საერთაშორისო კულტურულ-საგანმანათლებლო
კავშირი “რუსული კლუბი”-ს პრეზიდენტი
ნ.სპენტიცკი

საერთაშორისო კულტურულ-საგანმანათლებლო კავშირი "რუსული კლუბი" შეიქმნა 2003 წელს და შედის რუს თანამემამულეთა კავშირში (მოსკოვი). იგი აერთიანებს სხვადასხვა ეროვნების ხუთ ათასზე მეტ ადამიანს, რომელთათვისაც რუსულ-ქართულ ურთიერთობათა წარსული, აწმყო და მომავალი სულერთი არ არის. "რუსული კლუბის" ძირითადი ამოცანაა, ორი დამოუკიდებელი სახელმწიფოს, რუსეთისა და საქართველოს თანამშრომლობის ყოველმხრივ, ცივილიზებულ პრინციპებზე დაფუძნება. კავშირის საქმიანობა მოიცავს ცხოვრების სხვადასხვა სფეროებს და მიმართულია იმის მხარდასაჭერად, რომ გააძლიეროს და განავითაროს ორი ქვეყნის ურთიერთობები; კულტურის, ხელოვნების, განათლების, მეცნიერების, სპორტის, ტურიზმის სარბიელზე. ერთ-ერთი ასეთი მიზანია – სამოქალაქო საზოგადოების შექმნის ხელშეწყობა, სოციალური სამართლიანობის პრინციპის დამკვიდრება, რაც ითვისების ნიშნებს საქართველოში მცხოვრებ სხვადასხვა ეროვნებათა თანასწორუფლებიანობას და იმ პირობების შექმნას, რაც აუცილებელია ნაციონალური ენების და კულტურის თავისუფლად განვითარებისათვის. "რუსულ კლუბს" სწამს საქართველოში მცხოვრები ხალხების ვეებერთელა პოტენციალისა, შესაძლებლობებისა და ცდილობს, რომ რუსულ კულტურაზე აღზრდილი სხვადასხვა შეხედულებების მქონე ადამიანები, მაგრამ საერთო ფასეულობების მქონე – შემოქმედებითი, ტექნიკური, ჰუმანიტარული ინტელიგენციის, მეცნიერებისა და კულტურის მოღვაწეთა, აგრეთვე, ჩვენი საზოგადოების ყველა ფენის წარმომადგენელთა გაერთიანებას.

თავისი არსებობის მანძილზე "რუსულმა კლუბმა" ბევრი რამის გაკეთება მოასწრო. ჩაატარა რუსული ლიტერატურისა და ხელოვნების დიდი მოღვაწეების სამახსოვრო თარიღებისადმი მიძღვნილი ღონისძიებათა სერია. ამ კლუბის თაოსნობით წარმატებით ჩატარდა ა. პუშკინის, მ. ლერმონტოვის, ბ. პასტერნაკის, ნ. გუმილოვის, მ. გლინკას, ა. ბოროდინის, დ. შოსტაკოვიჩის, ბ. ოკუჯავას, მ. ტარივერდიევისადმი მიძღვნილი მუსიკალურ-პოეტური საღამოები. განხორციელდა ის პროექტები, რომლებმაც პოპულარიზაცია გაუწიეს საქართველოში რუსულ თეატრსა და რუსულ ხელოვნებას. "რუსული კლუბის" ინიციატივით ჩატარდა ნევისპირა ქალაქის 300 წლისთავისადმი მიძღვნილი საიუბილეო ზეიმი "ვივატ, სანქტ-პეტერბურგო!" საზეიმოდ აღინიშნა, კავკასიაში უძველესი რუსული დრამატული თეატრის ა. ს. გრიბოედოვის სახელობის, 160 წლისთავი, რომელსაც მთელი მსოფლიოდან ჩამოსული, კულტურისა და ხელოვნების გამოჩენილი მოღვაწენი დაესწრნენ. იუბილეს მიძღვრა ალბომი "რუსული თეატრი საქართველოში 160", რომელმაც რუსეთში მოიპოვა ვ. როზოვის პრესტიჟული პრემია, "ბროლის ვარდი". გამოიცა უნიკალური ალბომი "საქართველოს რუსი მხატვრები. XX საუკუნე. მუსიკის მოყვარულებმა მიიღეს ნიგნები "პ. ი. ჩაიკოვსკი საქართველოში" და "დ. დ. შოსტაკოვიჩი და საქართველო". გამოვიდა ცნობილი ქართველი კომპოზიტორის თ. ჯაიანის მუსიკალური დისკი. თვალსაჩინო მოვლენად იქცა პრეზენტაცია ალბომისა "რუსული რომანსი საქართველოში" (საუკეთესო ქართველი მომღერლების მიერ შესრულებული რუსული რომანსის ანთოლოგიის ორი აუდიო დისკი). დაიბეჭდა ლია ბარათების ნაკრები "სიზმრები საქართველოზე", სადაც თავმოყრილია გამოჩენილი რუსი პოეტებისა და მწერლების ციტატები კავკასიაზე, აგრეთვე, ნიგნი "რუსი ფეხბურთელები საქართველოში". 2005 წლის შემოდგომიდან ჩვენთან გაბოდიხს ყოველთვიური საზოგადოებრივ-მხატვრული ჟურნალი "რუსული კლუბი".

დამსახურებათა რიცხვს მიეკუთვნება საერთაშორისო რუსულ-ქართული პოეტური ფესტივალი (2007), რომელშიც მონაწილეობა მიიღეს მსოფლიოს სხვადასხვა ქვეყნის (უნგრეთი, საბერძნეთი, ისრაელი, ლიტვა, რუსეთი, აშშ, კანადა, ფინეთი, შვედეთი, იტალია) და საქართველოს პოეტებმა.

სამომავლოდ დაგეგმილია რიგი საინტერესო პროექტებისა; მაგ. საერთაშორისო კულტურულ-საგანმანათლებლო კავშირი.

"რუსულ კლუბს" იმედი აქვს, რომ თავის წვლილს შეიტანს საქართველოსა და რუსეთს შორის კულტურულ, საზოგადოებრივ ურთიერთობების განმტკიცებასა და განვითარებაში, რაც აამაღლებს ორივე ქვეყნის იმიჯს და გააგრძელებს მრავალსაუკუნოვან სულიერ ტრადიციებს.

СОДЕРЖАНИЕ

ИНФОРМАЦИЯ О МЕЖДУНАРОДНОМ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОМ СОЮЗЕ "РУССКИЙ КЛУБ"	3
СВЕНТИЦКИЙ НИКОЛАЙ. ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	4
ВОЛОВИК ОЛЕГ. ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	5
АЛЛЕВА АННЕЛИЗА	7
БААЗОВ НАТАН	18
ГАНДЛЕВСКИЙ СЕРГЕЙ	21
ГЛОНТИ ВАХТАНГ	33
ГОМЕЛАУРИ НИКО	37
ГОРБАНЕВСКАЯ НАТАЛЬЯ	41
ГОРДИН ЯКОВ	47
ДАРЧИАШВИЛИ АЛИК	53
ЗЫСЛИН ЮЛИЙ	56
ИАТАШВИЛИ ШОТА	60
ИСАЕВА ЕЛЕНА	69
КОБРИН ЮРИЙ	74
КОТЕТИШВИЛИ ВАХУШТИ	79
КУБАНИЕИШВИЛИ КОТЭ	82
КУЛИШОВА ИННА	84
МАГРАДЗЕ ДАВИД	91
МАКАРОВ АРТУР	96
МАРКИШ ДАВИД	101
МАРКОВА РИММА	105
НОВОСКОЛЬЦЕВ ВАЛЕРИЙ	110
НОРД ГЕННАДИЙ	115
ПЕРЦЕВА ТАТЬЯНА	121
ПЕТРОВА АЛЕКСАНДРА	125
ПУРИН АЛЕКСЕЙ	131
РАТИАНИ ЗВИАД	136
РТВЕЛИАШВИЛИ ЗУРАБ	145
ТЕДОРАДЗЕ ДАВИД	153
ТОРРЕС АЛЬБА	156
ХАЛВАШИ ФРИДОН	160
ХЕРСОНСКИЙ БОРИС	162
ЦВЕТКОВ АЛЕКСЕЙ	174
ЦЫБЕНКО ОЛЕГ	185
ИНФОРМАЦИЯ О МЕЖДУНАРОДНОМ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОМ СОЮЗЕ "РУССКИЙ КЛУБ" (НА ГРУЗИНСКОМ ЯЗЫКЕ)	194
СВЕНТИЦКИЙ НИКОЛАЙ. ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО (НА ГРУЗИНСКОМ ЯЗЫКЕ)	195

Организаторы фестиваля

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

МЕЖДУНАРОДНАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ (МФРП)

СОЮЗ ГРУЗИН РОССИИ

При поддержке

ПОСОЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ В ГРУЗИИ

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО
ФОНДА «КАРТУ»

ОАО ВНЕШТОРГБАНК

МЕЖДУНАРОДНОГО СОВЕТА РОССИЙСКИХ
СОТЕЧЕСТВЕННИКОВ (МСРС)

МЭРИИ Г. БАТУМИ

ООО ВИННО-КОНЬЯЧНОГО
ЗАВОДА «АЛАВЕРДЫ»

АО «ДАВИД
САРАДЖИШВИЛИ»

ООО ГОСТИНИЦЫ
«АМБАССАДОР»

АССОЦИАЦИИ ГРУЗИНО-
РОССИЙСКИХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ
АДЖАРСКОЙ АВТОНОМНОЙ
РЕСПУБЛИКИ

Информационная поддержка

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ
ИЗДАНИЕ «РУССКИЙ КЛУБ»

ТБИЛИССКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ПРЕСС-ЦЕНТР РИА «НОВОСТИ»

РАДИО «УЦНОБИ»

ТЕЛЕКАНАЛ «ИМЕДИ»

ГАЗЕТА «АРГУМЕНТЫ И
ФАКТЫ»

ГАЗЕТА «КОМСОМОЛЬСКАЯ
ПРАВДА»

ГАЗЕТА «СВОБОДНАЯ ГРУЗИЯ»

ГАЗЕТА «ВЕЧЕРНИЙ
ТБИЛИСИ»

ГАЗЕТА «24 СААТИ»

Выражаем благодарность за участие в организации фестиваля
Чрезвычайному и Полномочному Послу Российской Федерации в Грузии
Вячеславу Коваленко,
Мэрии г. Батуми,
Международному совету российских соотечественников (МСРС),
ООО Винно-коньячному заводу «Алаверды»,
АО «Давид Сараджишвили»,
ООО гостинице «Амбассадор»,
Ассоциации грузино-российских взаимосвязей Аджарской автономной
республики

**Издатель – Международный культурно-просветительский
Союз «Русский клуб»**

Руководитель проекта **НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ**
Редактор **Инна Кулишова**

Фото Г. Чанадири, Е.Гандлевской, А.Сватикова

Художник-дизайнер **Ираклий Кипиани**
Компьютерная верстка **Давид Элбакидзе-Мачавариани**
Перевод на грузинский язык **Эмзар Квитаишвили**
Допечатная подготовка **Елена Галашевская, Алена Деняга**
Технический редактор **Давид Абуладзе**

